

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2021**

4

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 24.12.2021. Выход в свет 28.12.2021.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 15,37. Тираж 250 экз. Заказ № 8346.

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apyschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print December 24, 2021. Publication December 28, 2021.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 15.11. Publ. sign. 15.37. Edition 250 copies. Order number 8346.

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):
344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.
E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2021-4

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 4 (212) 2021 г.

Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 4 (212) 2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Акаев В.Х., Исламова Л.М., Акаев А.В.** Допустима ли совместимость религии и науки? 4
- Волохова Н. В., Гончарова Е. Н.** Образ женщины в новозаветных апокрифических текстах 11
- Матецкая А. В.** Интерпретации концепции постсекулярного общества в России 17
- Мерзлякова И. Л., Кошман М.В., Каирова И.А.** Исторические репрезентации как способ преодоления дискретности исторического сознания 23
- Перекрестова А.В.** Понятие *ничто* в онтологическом измерении культуры 31
- Тебякина Е. Е.** Виртуальность городской среды: игроизация и цифровизация городов 40
- Чичина Е. А.** У истоков философского факультета РГУ (ЮФУ): А. Н. Сеницкий 47
- Яницкий Л.С., Равочкин Н.Н.** Роль архетипов, легенд и симулякров в формировании имиджа территорий: социально-философский анализ 54

- Akayev V.Kh., Islamova L.M., Akayev A.V.** Is the Comparability of Religion and Science Acceptable? 4
- Volokhova N. V., Goncharova E. N.** The Image of a Woman in the New Testament Apocryphic Gospels 11
- Matetskaya A. V.** Interpretations of the Concept of Postsecular Society in Russia 17
- Merzlyakova I. L., Koshman M.V., Kairova I.A.** Historical Representations as a Way to Overcome the Discreteness of Historical Consciousness 23
- Perekrestova A.V.** The Concept of *Nothing* in the Ontological Dimension of Culture 31
- Tebyakina E. E.** The Virtuality of the Urban Environment: Gamification and Digitalization of Cities 40
- Chichina E. A.** At the Origins of the Faculty of Philosophy of the Rostov State University (SFedU): Anatoly Sinitky ... 47
- Yanitskiy L.S., Ravochkin N.N.** Archetypes, Legends and Simulacriums Role in Territories Image Formation: Social and Philosophical Analysis 54

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

- Забелин А. В.** Очерк развития ставропольского железнодорожного узла в середине XIX – начале XX века 64
- Ивашченко А.С.** Советско-китайские отношения в работах российских синологов 70
- Масленникова В. А.** «Край изгнания неприветный»: некоторые особенности содержания женщин в тюрьмах Таврической губернии середины XIX – начала XX века 79

- Zabelin A. V.** Essay of the Development of Stavropol Railways Junction Mid 19th – Early 20th Century 64
- Ivashchenko A.S.** Soviet-Chinese Relations in the Works of Russian Sinologists 70
- Maslennikova V. A.** “The Edge of Exile, Unwelcome”: Some Features of Keeping Women in Prisons of the Tauride Province in the Middle of the 19th - Early 20th Century 79

Ратушняк О. В., Ратушняк Т. В. Казаки в лагерях для перемещенных лиц	84
Шадрина А.В. Состояние духоборчества в Земле войска Донского в первой трети XIX века	90
Эмирханов И. А. Государственная поддержка как один из элементов повседневной жизни семей фронтовиков в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Дагестанской АССР)	96

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жаринов И. О. Smart-контракты в управлении логистикой бизнес-систем Индустрии 4.0	102
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Денисов В.В., Осьмуха Е.А. Международная научно-практическая конференция «Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции» (г. Архангельск, 30–31 августа 2021 г.)	109
Казаров С. С. Международная научная конференция «Армяне Юга России: история, культура, общее будущее» (г. Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 г.)	118

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Дзидзоев В. Д. Ценные источники по социальной политике Советского государства (Социальная политика Советского государства в 1920–1930-е гг. в решениях партийных органов Северной Осетии : сб. документов / сост. Л.Х. Батагова, Э.М. Рубаева. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2020. 125 с.)	121
Изыумский А.Б. Историк и писатель: исследование о Д.Н. Альшице (Мининков Н.А. Даниил Натанович Альшиц: гражданин, историк, писатель. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 256 с.)	125
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2021 г.	128

Ratushniak O. V., Ratushniak T. V. Cossacks in Camps for Displaced Persons	84
Shadrina A.V. The State of Dukhoborism in the Don Cossack Host Region in the First Third of the 19th Century	90
Emirkhanov I. A. State Support as One of the Elements of the Daily Life of Families of Front-Line Soldiers in the Conditions of the Great Patriotic War of 1941-1945 (Based on the Materials of the Dagestan ASSR)	96

ECONOMIC SCIENCES

Zharinov I. O. Smart Contracts in the Logistics Management of the Industry 4.0 Business Systems...	102
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Denisov V.V., Osmukha E.A. International Scientific and Practical Conference “Lend-Lease and Arctic Convoys: from Regional Cooperation to a Global Coalition” (Arkhangelsk, August 30-31, 2021)	109
Kazarov S.S. International Scientific Conference “Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future” (Rostov-on-Don, September 28-29, 2021)	118

BOOK REVIEWS

Dzidzoev V. D. Valuable Sources on the Social Policy of the Soviet State (The Social Policy of the Soviet State in the 1920-1930s in the Regulations of the Party Bodies of North Ossetia: Collection of Documents. Compiled by L.Kh. Batagova, E.M. Rubaeva. Vladikavkaz: SOGU Press; 2020. 125 p.)	121
Izyumsky A.B. Historian and Writer: Research about D.N. Alshits (Mininkov N.A. Daniil Natanovich Alshits: Citizen, Historian, Writer. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2020. 256 p.)	125
Index of Materials, published in the Journal “Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science” in 2021	128

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 100.0

doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-4-10

ДОПУСТИМА ЛИ СОВМЕСТИМОСТЬ РЕЛИГИИ И НАУКИ?

Вахит Хумидович Акаев^{1✉}, **Лайла Магомедовна Исламова**²,

Асламбек Вахидович Акаев³

^{1,3} Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Чеченская Республика, Россия

² Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова, Грозный, Чеченская Республика, Россия

¹ akaiev@mail.ru✉

² ismailova_lm@mail.ru

³ aka.aslambek@gmail.com

Аннотация. Рассматривается вопрос о соотношении науки и религии как культурных феноменов, которые длительное время находились в контрарном состоянии. Осмысливаются возможности преодоления их радикальной несовместимости, установления общих позиций, достижения пути примирения. Нередко исследователи считают их взаимосвязь невозможной, ибо развитие науки и глобализационные процессы не дают оснований для их совместимости. Вместе с тем в современном постмодернизме существует точка зрения, ориентированная на преодоление их резкого противостояния, взаимоотрицания на основе размывания базовых положений. В связи с этим исследователи стремятся преодолеть кризис религии и современной науки посредством установления диалога между данными формами культуры. Для них сближение и взаимодополнение религии и науки – реальная перспектива, образующая некий симбиоз современного их развития. При этом сторонники такого подхода высказывают позицию, меняющую смысл религии и трансцендентального, поскольку, по их мнению, меняется и смысл объективного, истинного знания для науки.

Ключевые слова: религия, наука, вненаучный опыт, модерн, постмодернизм, реализм, фундаментализм, диалог, комплементарность, симбиоз

Для цитирования: Акаев В.Х., Исламова Л.М., Акаев А.В. Допустима ли совместимость религии и науки? // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 4–10.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Original article

IS THE COMPARABILITY OF RELIGION AND SCIENCE ACCAPTABLE?

Vakhit Kh. Akayev^{1✉}, **Laila M. Islamova**², **Aslambek V. Akayev**³

^{1,3} Ibragimov Comprehensive Research Institute, Russian Academy of Sciences, Grozny, Chechen Republic, Russia

² Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Chechen Republic, Russia

¹ akaiev@mail.ru ✉

² ismailova_lm@mail.ru

³ aka.aslambek@gmail.com

Abstract. The article considers the issue of the relationship between science and religion as cultural phenomena that have been in a contradictory state for a long time. The possibilities of overcoming their radical incompatibility, establishing common positions, and achieving the path of reconciliation are being comprehended. Researchers often consider their relationship to be impossible, because the development of science and globalization processes do not provide grounds for their compatibility. At the same time, in modern postmodernism there is a point of view focused on overcoming their sharp opposition, mutual denial based on the erosion of basic provisions. In this regard, researchers strive to overcome the crisis of religion and modern science by establishing a dialogue between these forms of culture. For them, the convergence and complementarity of religion and science is a real prospect, forming a kind of symbiosis of their modern development. At the same time, supporters of this approach express a position that changes the meaning of religion and the transcendental, who believe that the meaning of objective, true knowledge for science is also changing.

Keywords: religion, science, extrascientific experience, modernity, postmodernism, realism, fundamentalism, dialogue, complementarity, symbiosis

For citation: Akayev V.Kh., Islamova L.M., Akayev A.V. Is the Comparability of Religion and Science Acceptable? *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):4-10. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В современной философии актуализируется проблема понимания взаимосвязи религии и науки, рассматривается возможность их совместимости, взаимодополнительности. Формируются точки зрения, допускающие совместимость противоположности идей, концепций, методов, выражающих различные взгляды на объективную действительность, предлагающие разные интерпретации. В связи с этим представляется важным теоретико-методологическое рассмотрение соотношения религии и науки как контрарных форм бытования общественного сознания, определение позиций, которые их сближают и взаимодополняют. Религия и наука как разные формы бытования культуры отличаются глобальным характером воздействия на бытие индивидуального человека, этноса, общества, формируя при этом разные типы мировоззрения социальных групп, отдельного человека.

Как отмечает Б. Рассел, «религиозная вера тем и отличается от научной теории, что хочет возвестить вечную и абсолютно достоверную истину, в то время как наука всегда предположительна – она признает, что изменение существующих на данный момент теорий рано или поздно окажется необходимым: сам ее метод не допускает полного и окончательного доказательства» [1, с. 135]. Как известно, наука – это результат познания объективной реальности, выраженный в знаниях о связях и законах природы, общества и человеческого мышления. Вместе с тем наука, научные знания – результат развития культуры, вне которой она не существует, но активно продуцирует современные формы культуры. При научном познании субъект опирается на экспериментальные данные, рациональные знания, логику, а ненаучное познание опирается на обыденное знание, иррациональное, религиозные чувства, веру, которая не может подвергаться сомнению.

Религия, будучи ненаучным способом познания, опирается на обыденное сознание, а ее положения не имеют формализованного и логического характера. Сознанию человека она нередко навязывает трансцендентные ценности, не подлежащие сомнению и критическому разбору. Ее положения воспринимаются как абсолютные истины, допущение сомнения в них – большой грех. Между тем положения науки относительно, процессуальны, демократичны, подвергаются сомнению. Они движутся от незнания к знанию, от единичного, особенного к общему, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т.д. Но религиозные знания не допускают такое движение мысли, не ориентируют мышление на выявление внутренних связей, законо-

мерностей изучаемого объекта. Как отмечает В.С. Степин, «и если наука центрирована на исследовании объект-предметных структур мира, то религия акцентирует прежде всего опыт субъект-субъектных отношений, опыт человеческих коммуникаций, регулируемых фундаментальными ценностями культуры» [2, с. 253].

Многие исследователи соотношение науки и религии трактуют как диаметрально противоположные, взаимоотрицающие формы общественного сознания. Вместе с тем они оказывают существенное воздействие на культуру общества, придавая ей разнообразные цивилизационные особенности. Сопоставляя религию и науку, А. Уайтхед отмечал, что в рамках формальной логики их противоречие является «сигналом бедствия, но в развитии реального знания оно означает первый шаг к победе, что должно служить основой для предельной терпимости к разным мнениям» [3, с. 248]. Вопрос о терпимости разных мнений, научных и религиозных мировоззрений, их комплементарности – мировоззренческая парадигма, которая выпукло обозначается в современной западной постмодернистской философии.

В классической философии при сопоставлении науки и религии отмечается их явная противоположность. Так, науке характерен критический взгляд в познавательном процессе, не признание абсолютных истин, а под давлением новых доказательств пересматривание своих прежних результатов. Для религии источником веры является не объективная реальность, а сверхъестественное откровение, некие представления, которые даны человеку свыше. Она отвечает на предельные вопросы, сопряженные с абсолютными идеалами. Тем самым между религией и наукой устанавливается демаркационная линия, которая не преодолевается ни при каких обстоятельствах.

Наука, представляя собой совокупность объективных знаний, верно отражает реальные процессы, поэтапно раскрывая сложный характер изучаемого объекта. Религия и наука используют противоположные понятия: если религиозные – статичны, неизменны, то научные – подвижны, изменчивы. Например понятие «Бог». В Библии Бог слишком чист, чтобы благосклонно взирать на зло, он слишком свят, чтобы иметь какую-либо связь с грехом. Бог – любовь, он послал Иисуса на крест, который умер за людей. Можно привести и целый ряд других характеристик Бога, которые приводятся в священном писании христиан. Бог мусульман – это Аллах, у верующего представление о нем формируется через его множество атрибутов. Некоторые из них таковы: нет божества, кроме Аллаха, который един, самодостаточен, нет никого равного и подобного ему. Он пронизательный, добрый, сведущий, слышащий и видящий, высочайший и ближайший, дарующий и умерщвляющий, знающий о всякой вещи, могущественный и мудрый [4]. Указанные религиозные положения изучаются, интерпретируются в формировании религиозного представления, но они не могут быть рассмотрены наукой, она их подвергает сомнению, считает алогичными.

Рассматривая соотношение науки и религии, французский религиовед Э. Ренан пишет, что наука не что иное, как здравый смысл, просвещенный и развитый познанием причины [5, с. 60]. С его точки зрения, человечество всегда будет серьезным, верующим и религиозным. «Никогда легкомыслие (атеизм. – *Авт.*), ни во что не верующее, не будет играть первой роли в человеческих делах» [5, с. 61]. Это его высказывание оказалось прозорливым, прошло более полутора столетий, и оно не потеряло своей актуальности. Сегодня миллионы верующих, обладающих неатеистическими ценностями, вносят колоссальный вклад в развитие науки, техники, технологий, коммуникаций, строительства, во все сферы жизни людей, народов, их культур.

Для представителя аналитической философии Л. Витгенштейна религия и наука – это виды двух различных языковых игр, не имеющих общих точек соприкосновения. Научные высказывания в соответствии с его позицией являются теоретическими гипотезами, основывающимися на эмпирических данных об окружающем мире, который объясняется рационально. Он пишет: «Как ни странно это звучит, с исторической точки зрения могла бы быть доказана ложность Евангелий, но вера при этом ничего бы не потеряла, и не потому, что дело касается каких-то “всеобщих истин разума”. Дело в другом: историческое доказательство не имеет ничего общего с верой» [6, с. 442]. В то же время религиозные высказывания являются своего рода высказываниями об определенном отношении к жизни, формирующем как сам образ жизни, так и суждения о ней. Л. Витгенштейн так же пишет: «В религиозном дискурсе мы используем такие вы-

ражения, как «Я верую, что то-то и то-то произойдет» – и используем их отлично от того способа, при помощи которого мы пользуемся ими в науке» [6, с. 52].

Американский ученый Ф. Коллинз анализировал совместимость науки и религии в свете нового открытия – генома человека. Им воспринята идея Бога, находящаяся вне нашего пространства-времени, а потому недоступная науке, вторая же причина, по которой он принял идею, что Бог – это сверхъестественное существо, т. е. чудо (a miracle), когда в науке отсутствуют понятия «чудеса», «душа» или «жизнь после смерти», которыми она не может оперировать [7].

Как отмечает М. Форвард, любая религия является бесконечно сложной системой [8, с. 9], которая обладает признаками самостоятельной культурной системы, имеющей свою структурную организацию, включающей догматику, ритуалы, одежды, особенности питания. Как система верований, ценностей и поведенческих образцов религия создает духовное пространство, она задает людям контекст высшего смысла, при этом формирует особое религиозное мировоззрение человека и соответствующий характер его действий. По мнению М. Форварда, «религии являются высокоорганизованными защитными системами, способствующими выживанию человеческого рода и придающими смысл жизни» [8, с. 66].

Религия артикулирует известные всем божественные заповеди, призывающие к позитивному настрою, поведению, нравственному совершенству. Она призывает к добру. Перед наукой проблема добра не стоит, она его не распространяет, она в ее предметную область не включается. На это обращал внимание физик В. А. Гинзбург, утверждавший, что религия призывает к соблюдению известных этических норм. Вместе с тем он заявляет, что под знаменами ислама совершаются дикие преступления, террор, взрывают самих себя [9].

В условиях постмодернистской культуры, признания равноценными различного вида плюрализма мнений, знаний конфликт между религией и наукой не способен определить эпистемологическую приоритетность одной из них. В связи с этим возникает необходимость их диалога, равноправной позиции. В современных социокультурных процессах участие религии становится все более осязаемым.

Протестантский теолог П. Тиллих выступает против противопоставления религии и науки. Касаясь проблемы дефиниции религии, он пишет, что она должна быть теологически и философски корректной, а при этом сохранять свою идентичность, адекватной современности и быть открытой к научному и социальному прогрессу. Он считает, что нет противоположности между религией и наукой, а ее наличие – это почти шизофрения, угрожающая нашей духовной свободе, толкающая современную мысль к иррациональному и вынужденному утверждению или отрицанию религии [10, с. 237].

Постмодернистский подход пытается снять противоположность науки и религии, рассматривая их как содействующие друг другу в достижении поставленных целей. С этой позиции ко всем религиям следует относиться терпимо, поскольку каждый человек попадает на небо своим путем. В связи с этим нужно отметить, что научное познание имеет свои границы, а стало быть будет существовать и религиозное мировосприятие.

В ходе развития естествознания вырабатывается фрагментарное мышление, которое приводит к устранению воздействия человеческой души на людей, природу. Религия не удовлетворяет требованиям разума, а наука (и медицина в том числе) не хочет знать ни о душе, ни о духе человека. Эта ситуация приводит к глубокому разладу между религией и наукой. В результате осуществляются новые попытки решить накопившиеся противоречия между ними.

В современных условиях роль науки в обществе значительно возрастает, и она стала притязать на абсолютную власть над религией. Представляется, что борьба между наукой и религией еще не завершена, она продолжится достаточно длительное время, приобретая новые формы. К примеру, в СССР ставилась задача просвещения «народных масс», освобождения их от «религии как опиума народа», как непрерывного препятствия на пути прогресса науки и техники. При этом считалось, что научную картину мира, научное мировоззрение формирует только атеизм, а любые попытки примирения веры и научного знания объявлялись антинаучными, проявлением буржуазной философии. Между тем в западной философии велись исследования, выявляющие взаимосвязь между религией и наукой. И сегодня этот процесс продолжается, достигая своих результатов, нацеленных на сближение религиозных и научных позиций.

В современной России в связи с введением теологии в перечень научных дисциплин 10 академиков РАН обратились с протестным письмом к президенту РФ В.В. Путину, в котором пишут, что «вообще-то говоря, все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира. Вопрос этот давно решен и в этом смысле нам просто не интересен. Ничего иного в современной науке просто нет» [11].

Наука и религия имеют свои содержательные особенности, поскольку возникли на разных идейных, ценностных основаниях. Поиск общих оснований данных противоположностей – сложный путь, нацеленный на сближение противоположностей. Сторонники этого пути находятся в его начале, он ориентирует на взаимодействие, примирение, сближение альтернатив. Здесь важно осуществить целенаправленный поиск их взаимодополнительности, комплементарности. В культуре постмодерна анализируются весьма разнообразные формы интеграции научного и религиозного мировоззрения. Говоря языком постмодерна, выражение этой комплементарности есть коллаж, соединение разрозненных элементов, асимметрия, некоторое подобие на науку и на религию одновременно. Здесь наблюдается искусственное соединение гетерогенных компонентов, представляющих антиосновность, антиреализм.

Данная точка зрения неоспорна. Попытки осуществления синтеза религии и науки в культуре постмодернизма – сопряжены с глубоким кризисом как религии в современном мире, так и науки, которая не может выразить рациональными средствами веру в Бога, состояние души верующего человека. Сегодня религия теряет свои базовые параметры, на Западе сложились богоборческие тенденции (Бог – умер, мир без Бога). Они развиваются. На Западе, по мнению П. Фейерабенда, происходит рост пренебрежения к духовным ценностям, подмена их грубым, но «научным» материализмом, иногда называемым даже гуманизмом, человек (профессионал) может решить все проблемы, ему не нужно доверие или помощь кого-то другого [12, с. 416]. Получается, что человек становится всесильным, он сам как бы наделен божественными атрибутами. Развитие науки, научного прогресса сегодня привело к тому, что церковь отстает перед достижениями науки, но в самой науке эта ситуация не наблюдается, хотя и здесь присутствует значительный оппортунизм [12].

Культура постмодерна сложилась на основе неверия в модерн, отказа от здравого смысла, морального совершенства, рационализма как общих ценностей для людей [13, с. 34]. Между тем ныне на веру принимается виртуальная Интернет-культура, позволяющая, переключая каналы в любое время, увидеть ангелов и вампиров, пришельцев и киборгов, проповедников, убеждающих о скором конце света. Демонстрируются ток-шоу, в которых серьезно обсуждаются предсказания Нострадамуса. В условиях такой культуры практически невозможно установить правду и ложь, истину и заблуждение, рациональное и иррациональное.

Стремление ученых и теологов заинтересовано вести диалог, а уже тем более, добиться интеграции науки и религии в целом поощрительно. Надо отметить, что это вызвано необходимостью преодолеть формирующиеся духовные, нравственные, интеллектуальные противоречия, набирающие ощутимые обороты в постмодернистской культуре. И ныне складывающиеся формы их синтеза не дают основание полагать, что такая интеграция будет успешной.

По мнению А. Эйнштейна, «космическое религиозное чувство является сильнейшей и благороднейшей из пружин научного исследования» [14, с. 129]. Люди такого научного склада, как Кеплер и Ньютон, «черпают силу в космическом религиозном чувстве», ... «в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди» [14, с. 129]. С точки зрения британского физика Пола Дэвиса, «физики научились приближаться к своему предмету совершенно неожиданными и новыми способами, так что кажется, что они поставили здравый смысл на голову и находят более близкое согласие скорее с мистицизмом, чем с материализмом... Наука фактически продвинулась до той точки, которой ранее серьезно касались лишь религиозные вопросы» (цит. по: [15, с. 400]).

Это интересные суждения, которые преодолевают традиционный взгляд на соотношение религии и науки, согласно ему, эти формы культуры являются непримиримыми противоположностями. Ученые, в частности физики, в современных условиях научно-технического развития решение фундаментальных задач своей науки находят не в объективных материалистических знаниях, а в знаниях религиозных, мистических. Такая совместимость, комплементарность

науки и религии – явление, складывающееся в философии постмодернизма, сближение различных типов мировоззрения, культурных процессов, некое духовно-культурное обогащение. Но возможен ли их синтез – вопрос, ответ на который все-таки еще не ясен.

Список источников

1. Рассел Б. Почему я не христианин. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1987. 340 с.
2. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.
3. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 720 с.
4. Коран. Сура 59. Аят 22–24.
5. Ренан Э. Будущее науки. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 368 с.
6. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Ч. 1 / пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. 544 с.
7. Коллинз Ф. Доказательство Бога. Аргументы ученого / пер. с англ. М. Сухановой. М. : Альпина нон-фикшн, 2009. 216 с.
8. Форвард М. Религия. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. 310 с.
9. Гинзбург В.А. Несколько замечаний об атеизме, религии и еврейском национальном чувстве // Вести. 2004. 15 апр.
10. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М. : Юристъ, 1995. 479 с.
11. Открытое письмо десяти академиков РАН Президенту Российской Федерации В.В. Путину. URL: <https://www.skeptik.net/religion/science/10academ.htm> (дата обращения: 15.05.2021).
12. Фейерабенд П. Прощай, разум. М. : АСТ: Астрель, 2010. 480 с.
13. Харт К. Постмодернизм. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
14. Эйнштейн А. Собр. науч. тр. М. : Наука, 1967. Т. IV. 600 с.
15. Чёртон Т. Гностическая философия. От древней Персии до наших дней. М. : РИПОЛ классик, 2008. 462 с.

References

1. Russell B. *Why I'm Not a Christian*. Moscow: Publ. House of Political Literature; 1987. 340 p. (In Russ.).
2. Stepin V.S. *Civilization and culture*. Saint Petersburg: SPbGUP Press; 2011. 408 p. (In Russ.).
3. Whitehead A. *Selected Works on Philosophy*. Moscow: Progress Publ.; 1990. 720 p. (In Russ.).
4. *Quran*. Sura 59. Ayat 22-24. (In Russ.).
5. Renan E. *The future of science*. 3rd ed. Moscow: LIBROKOM Publ.; 2009. 368 p. (In Russ.).
6. Wittgenstein L. Culture and value. *Philosophical works*. Part 1. Tr. by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis Publ.; 1994. 544 p. (In Russ.).
7. Collins F. *Proof of God. Arguments of the scientist*. Tr. from the English by M. Sukhanova. Moscow: Alpina non-fiction Publ.; 2009. 216 p. (In Russ.).
8. Forward M. *Religion*. Moscow: FAIR-PRESS Publ.; 2003. 310 p. (In Russ.).
9. Ginzburg V. A. Several remarks about atheism, religion and Jewish national feeling. *Vesti*. 2004. April 15. (In Russ.).
10. Tillich P. *Selected works. Theology of culture*. Moscow: Yurist Publ.; 1995. 479 p. (In Russ.).
11. *An open letter from ten academicians of the Russian Academy of Sciences to the President of the Russian Federation V.V. Putin*. Available from: <https://www.skeptik.net/religion/science/10academ.htm> [Accessed 15th May 2021]. (In Russ.).
12. Feyerabend P. *Goodbye, reason*. Moscow: AST: Astrel Publ.; 2010. 480 p. (In Russ.).
13. Hart K. *Postmodernism*. Moscow: FAIR-PRESS Publ.; 2006. 272 p. (In Russ.).
14. Einstein A. *Collection of scientific works*. Moscow: Nauka Publ.; 1967. Vol. IV. 600 p. (In Russ.).
15. Cherton T. *Gnostic philosophy. From ancient Persia to the present day*. Moscow: RIPOL classic Publ.; 2008. 462 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В.Х. Акаев – доктор философских наук, главный научный сотрудник КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН, почетный профессор ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова.

Л.М. Исламова – кандидат философских наук, заведующая кафедрой общегуманитарных дисциплин.

А.В. Акаев – младший научный сотрудник.

Information about the authors

V.Kh. Akayev – Doctor of Science (Philosophy), Chief Researcher, Ibragimov Comprehensive Research Institute, Russian Academy of Sciences; Honorary Professor, Millionshchikov Grozny State Oil Technical University.

L.M. Islamova – Candidate of Science (Philosophy), Head of the Department of General Humanitarian Disciplines.

A.V. Akayev – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021; одобрена после рецензирования 27.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 09.10.2021; approved after reviewing 27.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 229
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-11-16

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В НОВОЗАВЕТНЫХ АПОКРИФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Наталья Владимировна Волохова¹✉, Елена Николаевна Гончарова²

^{1,2} Курский государственный университет, Курск, Россия

¹ volna-sha@rambler.ru✉, SPIN-code: 4491-6439, ORCID: 0000-0002-7048-3509

² elena1200012@yandex.ru

Аннотация. Исследуются новозаветные апокрифы, представляющие собой своеобразный феномен в раннехристианской литературе, где соединены черты античной и христианской идеологии. Апокрифы являются «практической» составляющей раннехристианской антропологии, так как воплотили целостные образы людей, так называемых «идеальных христиан». Проводится анализ новозаветной апокрифической литературы, текстов апокрифических Евангелий («Первоевангелие» Иакова, «Евангелие о рождении Приснодевы Марии», Евангелие от Фомы, Евангелие от Никодима) и апокрифических Деяний с целью формирования комплексного и системного представления об образе женщины в раннем христианстве, а также с целью раскрытия влияния апокрифических текстов на формирование статуса женщины в обществе, имеющее основополагающую значимость при определении места и роли женщины в последующие периоды развития христианства. Установлено, что именно новозаветная апокрифическая литература наряду с каноническими текстами оказала большое влияние на формирование женского образа в период становления раннехристианской идеологии.

Ключевые слова: библейский канон, апокрифы, апокрифические Евангелия, женщина, Богородица, Мария Магдалина, Прокула, Фекла, Саломия

Для цитирования: Волохова Н. В., Гончарова Е. Н. Образ женщины в новозаветных апокрифических текстах // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 11–16.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE IMAGE OF A WOMAN IN THE NEW TESTAMENT APOCRYPHIC GOSPELS

Natalia V. Volokhova¹✉, Elena N. Goncharova²

^{1,2} Kursk State University, Kursk, Russia

¹ volna-sha@rambler.ru✉, SPIN-code: 4491-6439, ORCID: 0000-0002-7048-3509

² elena1200012@yandex.ru

Abstract. The New Testament Apocrypha is a kind of phenomenon in early Christian literature, where features of ancient and Christian ideology are combined. The Apocrypha is a “practical” component of early Christian anthropology, since the Apocrypha embodied the holistic images of people, the so-called “ideal Christians”. The study analyzes the New Testament Apocryphal literature, in particular, examines the texts of the Apocryphal Gospels (“The First Gospel” of James, “The Gospel of the Birth of the Ever Virgin Mary”, the Gospel of Thomas, the Gospel of Nicodemus) and the Apocryphal Acts in order to form a complex and systematic representation of the image of a woman in early Christianity, as

well as in order to reveal the influence of apocryphal texts on the formation of the status of women in society, which is of fundamental importance in determining the place and role of women in subsequent periods of development of Christianity. In the course of the study, it was found that it was the New Testament apocryphal literature, along with the canonical texts, that had a great influence on the formation of the female image during the formation of early Christian ideology.

Keywords: biblical canon, apocrypha, apocryphal Gospels, woman, Mother of God, Mary Magdalene, Procula, Thekla, Salome

For citation: Volokhova N. V., Goncharova E. N. The Image of a Woman in the New Testament Apocryphic Gospels. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):11-16. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что изучение образа женщины в новозаветных апокрифах в период раннего христианства не получило полного освещения в философских исследованиях. Поэтому нами представлен широкий круг материалов и научной литературы, которые составляют базу для проведения комплексного анализа данной проблемы. Новозаветная апокрифическая литература, так же как и гностические произведения, изучалась по большей части зарубежными учеными [1–4].

В отечественной историографии среди исследователей апокрифической литературы следует отметить И. С. Свенцицкую [5–7], М. К. Трофимову [7, 8], А. П. Скогорева [9], А. Л. Хосроева [10], и др. Однако труды вышеперечисленных ученых по большому счету посвящены проблемам возникновения апокрифической литературы, образ женщины в них рассматривается косвенно и в исторической ретроспективе. Поэтому цель нашего исследования – раскрытие женского образа на основе новозаветной апокрифической литературы и особенности его закрепления в раннехристианском культурном контексте. Предметом исследования является образ женщины в новозаветных апокрифах.

Уже во II в. христианство становится одной из самых массовых религий в Римской империи. Процесс подкрепляется обширным потоком христианской литературы. Вместе с текстами, которые впоследствии были включены в библейский канон, создаются и другие произведения аналогичного характера, авторство которых приписывают либо апостолам, либо ближайшим последователям Христа. Тексты, не вошедшие в канон, называются апокрифами, что с греческого означает «тайный», «скрытый». Многие учителя Церкви в своих произведениях упоминают и делают ссылки на апокрифические тексты, например крупные раннехристианские писатели: Климент Александрийский («Строматы»), Ириней Лионский («Против ересей»), Ориген («О молитве»). Многие апокрифические тексты были утрачены, некоторые уничтожены как «еретические», а некоторые из них известны только по заглавиям при упоминании в христианских произведениях, т.е. «цитируя фрагменты апокрифов, писатели сохранили их тексты, на которых основывался первый этап изучения неканонической христианской литературы» [11, с. 6].

Лишь незначительная часть апокрифических произведений сохранилась целиком в рукописном предании. Но отношение к таким текстам в богословской среде весьма неоднозначно. Одни отрицательно относятся к изучению апокрифов, считая их «подложными сочинениями» и «нечестивыми текстами». Например, Ириней Лионский в своем трактате «Против ересей» обвинял последователей Валентина (яркий представитель гностицизма) в том, что «они дошли до такой дерзости, что свое недавнее сочинение озаглавливают “Евангелием истины”, хотя оно ни в чем несогласно с Евангелиями Апостолов, так что у них и Евангелия нет без богохульства» [12, с. 216]. Другие авторы, наоборот, в апокрифах находят дополнение к каноническим текстам. Например, христианский богослов Ориген в своем произведении «О молитве» приводит слова, отсутствующие в канонических Евангелиях. Он с похвалой отзывался об апокрифическом «Евангелии назареев» [13, с. 50–51]. А известный церковный историк Евсевий Памфил писал: «Полагая, что мы должны знать, какие книги подлинны, не из-

мышлены и приняты церковным преданием и какие, наоборот, из книг Нового Завета исключены, хотя известны большинству церковных писателей» [14, с. 293].

Апокрифические произведения играют значительную роль в истории христианской Церкви, в частности они повлияли на установление богослужебного канона, формирование христианских обрядов и праздников. Апокрифы принято разделять на апокрифические Евангелия (напр., Евангелие от Иакова, Евангелие от Фомы, Евангелие от Никодима и т.д.), апокрифические Деяния (напр., Деяния Павла, Деяния Филиппа и т.д.), апокрифические Послания (напр., Третье послание к Коринфянам, Послание к Александрийцам, Послание к Лаодикийцам и т.д.), апокрифические Апокалипсисы (Апокалипсис Петра, Апокалипсис Павла). Также в особую группу можно отнести апокрифическую литературу, известную по русским сборникам апокрифических текстов.

Анализ новозаветной апокрифической литературы, так же как и анализ канонических книг Священного Писания, дает общее представление об образе человека в раннем христианстве, так как «в новозаветных апокрифах впервые в христианской культуре явлено целостное, всестороннее представление о человеке, сложившееся в “народном христианстве”» [11, с. 3]. В частности, рассмотрение образа и роли женщины в становлении христианской идеологии в апокрифической литературе представлено в более полном объеме, нежели в канонических текстах.

И начинать его надо с апокрифов, которые посвящены рождению и жизни Богородицы. В книгах Священного Писания, вошедших в библейский канон, содержатся скудные сведения о жизни Матери Христа, и поэтому «первоначальными источниками вне библейских сведений о жизни Богородицы явились апокрифические сочинения, которые подробнее канонических текстов освещали отдельные евангельские сюжеты» [15, с. 46]. Хотя Богородица и упоминается во всех четырех Евангелиях (Мф. 1:16, Мф. 1:18-25, Мф. 13:55; Мк. 3, 31-32; Лк. 1:26-56, Лк. 2:1-40,48; Ин. 2:1-11, Ин. 19:25-27), сведения о Ней весьма фрагментарны. В Деяниях апостолов также содержатся упоминания о Богородице: «Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариєю, матерью Иисуса, и с братьями Его» (Деян. 1:14), (Деян. 2:1-4).

В апокрифических текстах содержатся более подробные сведения о рождении и жизни Девы Марии. «Первоевангелие» Иакова, написанное во II в., хотя и не вошло в библейский канон, но пользовалось большой популярностью, особенно в восточных церквях. Это произведение повествует о детстве и юности Девы Марии. Некоторые эпизоды легли в основу церковного предания о земной жизни Богородицы и создали условия для возникновения целого ряда Богородичных праздников, например Рождество Богородицы, Введения в храм Пресвятой Богородицы. «Евангелие о рождестве Приснодевы Марии» отражает те же события, что и «Первоевангелие» Иакова.

Следующей ключевой и значимой фигурой, упоминаемой как в канонических, так и в апокрифических текстах, является Мария Магдалина, на формирование образа которой оказали влияние не только тексты, вошедшие в библейский канон, но и апокрифы. В канонических Евангелиях Мария Магдалина упоминается при описании событий распятия и воскресения Христа (Мф. 27:55–56, Мф. 28:1, Лк. 8:1). Следует отметить, что она первой удостоилась видеть Христа воскресшим (Мк. 16:9, Ин. 14:18). Весьма показателен тот факт, что в апокрифической литературе Мария Магдалина занимала видное место среди первых последователей Христа. Упоминания о ней содержатся в Евангелии от Марии, в Евангелии от Фомы, в Евангелии от Филиппа и в других апокрифах. В апокрифических Евангелиях Мария Магдалина выступает в роли любимой ученицы Христа, которой открыты тайны спасения. В беседах Христа с учениками она принимает активное участие. Но несмотря на то, что в апокрифической литературе роль Марии высока, ученики Христа относятся к ней недоброжелательно. В Евангелии от Фомы явно отражена тема враждебного отношения Петра к Марии. «Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни» [16, с. 66]. Но Христос на слова Петра отвечал, что «всякая женщина, которая сделается мужчиной, войдет в Царствие небесное» [16, с. 66], тем самым стирая грань между мужским полом и женским.

Евангелие от Никодима, также известное под названием «Акты Пилата», или «Деяния Пилата», не было включено в канон, но имело широкое распространение, проникая в христианскую гимнографию и иконографию. В этом Евангелии встречается имя жены Пилата – Клавдия Прокла (Прокула), хотя в канонических Евангелиях жена Пилата не называется по имени и упоминается лишь в Евангелии от Матфея при описании событий суда над Иисусом Христом (Мф. 27:19). Как отмечает целый ряд христианских писателей (напр., Августин Блаженный), впоследствии Клавдия Прокла обратилась в христианство и, по преданию, мученически пострадала за Христа.

Мать апостолов Иоанна и Иакова Саломия вскользь упоминается в канонических Евангелиях. В книгах, вошедших в библейский канон, говорится, что она обратилась к Спасителю с просьбой «чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем» (Мф. 20:21), но получила мягкий отказ. Также Саломия вместе с другими женщинами присутствовала при распятии и погребении Христа (Мк. 15:40). В апокрифической литературе Саломия упоминается в Евангелии от Египтян, которое сохранилось лишь фрагментарно, и, благодаря трактату богослова Климента Александрийского «Строматы», отрывки этого апокрифического Евангелия дошли до наших дней. «Когда Саломия спросила, сколько еще смерть будет властвовать, Господь сказал: “До тех пор, пока вы, женщины, будете рожать детей”» (Строматы III. 4, 45), показывая тем самым высочайшее предназначение женщины как продолжательницы рода человеческого. Как и многие женщины, Саломия следовала за Христом, внимая Его учение, а также присутствовала при распятии и погребении Спасителя и была в числе женщин, которые рано утром пришли к гробу, чтобы помазать тело Христа. А также она была в числе тех женщин, которые первыми узнали от ангела о воскресении Спасителя и после явления Христа Марии Магдалине прежде других удостоились видеть воскресшего Господа (Мф. 28, 8-10; Мк. 16, 1).

После воскресения Христа апостолы продолжили традицию иметь учениц. «Деяния Павла и Феклы» представляют собой яркий пример женского служения в раннехристианский период. В Деянии описана история Феклы из Иконии. Отказавшись от замужества, она стала ученицей апостола Павла и последовала за ним. Известно, что после смерти она была причислена к лику святых.

Выводы

Таким образом, судя по анализу апокрифических текстов, можно сказать, что в апокрифической литературе содержатся больше сведений о женщинах – последователях Христа, чем в текстах, вошедших в библейский канон. Образ женщины в апокрифических текстах является возвышенным, в духовном плане женщина равна мужчине. Согласно этим текстам, женщины активно участвуют в распространении христианского учения, и им даже «открыты тайны спасения». Новозаветная проповедь абсолютного равенства и братства продемонстрировала совершенно иную позицию христиан в женском вопросе.

Список источников

1. Брюс Ф. Документы Нового Завета: достоверны ли они? Чикаго : Slavic Gospel press, 1990. 155 с.
2. Геффкен И. Из истории первых веков христианства / пер. с нем. А.Я. Брусова; под ред. В.В. Битнера. СПб. : Вестн. знания (В.В. Битнера), 1908. 87 с.
3. Мецгер Б.М. Новый Завет – контекст – формирование – содержание / пер. с англ. Г. Ястребова. 4-е изд. М. : Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2013. 360 с.
4. Дин Э. Знаменитые женщины Библии. М. : КРОН-пресс, 1995. 330 с.
5. Свенцицкая И. С. Апокрифические Евангелия : исслед., тексты, коммент. М. : Присцельс: Русслит, 1996. 199 с.
6. Свенцицкая И. С. Тайные писания первых христиан. М. : Политиздат, 1980. 196 с.
7. Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. Апокрифы древних христиан : исслед., тексты, коммент. М. : Мысль, 1989. 336 с.

8. Трофимова М. К. Мария Магдалина коптских гностических текстов // Женщина в античном мире. М. : Наука, 1995. С. 168–181.
9. Скогорев А. П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. СПб. : Алетейя, 2000. 480 с.
10. Хосроев А. Л. Другое благовестие. «Евангелие Иуды»: исслед., пер. и коммент. СПб. : Нестор-История, 2014. 138 с.
11. Лях Е. Е. Раннехристианская парадигма человека: Образ человека в новозаветных апокрифах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 19 с.
12. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / священномученик Ириной Лионский / пер. прот. П. Преображенского, Н.И. Сагарды. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008. 672 с.
13. Ориген. О молитве и увещание к мученичеству. СПб. : СамВен, 1994. 236 с.
14. Евсевий Памфил. Церковная история / коммент. и примеч. С. Л. Кравца. М. : Изд. отд. Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1993. 446 с.
15. Прокуратова Е. В. Образ Богородицы в апокрифических текстах крестьян Верхней Вычегды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12, ч. 4. С. 45–48.
16. Евангелие от Фомы / пер. с копт. В.И. Нечипуренко. Ростов н/Д. : Феникс, 2007. 254 с.

References

1. Bruce F. *New Testament Papers: Are They Credible?* Chicago: Slavic Gospel Press; 1990. 155 p. (In Russ.).
2. Geffken J. *From the history of the first centuries of Christianity*. Tr. from Germ. by I. Brusov; V.V. Bitner, ed. Saint Petersburg: Vestnik znaniya Publ.; 1908. 87 p. (In Russ.).
3. Metzger B.M. *New Testament - Context - Formation - Content*. Tr. from Engl. by G. Yastrebov. 4th ed. Moscow: The Bible-Theological Institute of St. Andrew the Apostle Press; 2013. 360 p. (In Russ.).
4. Dean E. *Famous Women of the Bible*. Moscow: KRON-press Publ.; 1995. 330 p. (In Russ.).
5. Svetsitskaya I.S. *Apocryphal Gospels: Research, texts, commentary*. Moscow: Pristsels: Russlit Publ.; 1996. 199 p. (In Russ.).
6. Svetsitskaya I.S. *Secret writings of the first Christians*. Moscow: Politizdat Publ.; 1980. 196 p. (In Russ.).
7. Svetsitskaya I.S., Trofimova M.K. *Apocrypha of Ancient Christians: Research, Texts, Commentaries*. Moscow: Mysl' Publ.; 1989. 336 p. (In Russ.).
8. Trofimova M.K. Mary Magdalene of Coptic Gnostic Texts. *Woman in the Ancient World*. Moscow: Nauka Publ.; 1995:168-181. (In Russ.).
9. Skogorev A.P. *Apocryphal acts of the apostles. Arab Gospel of the Savior's childhood. Research. Translations. Comments*. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 2000. 480 p. (In Russ.).
10. Khosroev A.L. *Another gospel. The Gospel of Judas: research, translation and commentary*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2014. 138 p. (In Russ.).
11. Lyakh E.E. *Early Christian paradigm of man: The image of man in the New Testament apocrypha*. Dissertation Thesis. Yaroslavl, 2001. 19 p. (In Russ.).
12. *Against heresies. Proof of the apostolic sermon*. Hieromartyr Irenaeus of Lyons. Tr. by archpriest P. Preobrazhensky, N.I. Sagarda. Saint Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko, 2008. 672 p. (In Russ.).
13. Origen. *About prayer and admonition to martyrdom*. Saint Petersburg: SamVen Publ., 1994. 236 p. (In Russ.).
14. Eusebius Pamphilus. *Church History*. Tr. by Eusebius Pamphilus, Comment. and note of S. L. Kravets. Moscow: Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery Press, 1993. 446 p. (In Russ.).
15. Prokuratova E.V. The image of the Mother of God in the apocryphal texts of the peasants of Upper Vychehda. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2017;12(4):45-48. (In Russ.).
16. *The Gospel of Thomas*. Tr. from Coptic by V. Nechipurenko. Rostov-on-Don: Feniks Publ.; 2007. 254 p. (In Russ.).

Информация об авторах

*Н. В. Волохова – доктор философских наук, профессор кафедры философии.
Е. Н. Гончарова – соискатель.*

Information about the authors

*N. V. Volokhova – Doctor of Science (Philosophy), Professor of Department of Philosophy.
E. N. Goncharova – Applicant.*

Статья поступила в редакцию 10.09.2021; одобрена после рецензирования 26.09.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 10.09.2021; approved after reviewing 26.09.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 291.1
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-17-22

ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Анастасия Витальевна Матецкая

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, amateckaya@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема российских интерпретаций концепции постсекулярного общества. Отмечается, что в российском исследовательском и публицистическом дискурсе понятие постсекулярного общества зачастую сближается по смыслу с понятием десекуляризации и нередко отождествляется с завершением секулярной эпохи. Подобная трактовка данного понятия отличается от исходного значения, которое оно имело в концепции Ю. Хабермаса, что обусловлено спецификой религиозной ситуации в современной России.

Ключевые слова: постсекулярное общество, секуляризация, модернизация, постметафизическое мышление, рефлексивность

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00400.

Для цитирования: Матецкая А. В. Интерпретации концепции постсекулярного общества в России // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 17–22.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT OF POSTSECULAR SOCIETY IN RUSSIA

Anastasia V. Matetskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, amateckaya@sfedu.ru

Abstract. The article deals with the problem of interpreting J. Habermas' concept of the postsecular society. It is pointed out that in Russian academic and journalistic discourse the concept of postsecular society is often conflated with the notion of de-secularization and often identified with the end of the secular age. Such an interpretation differs from the original meaning of the concept. The difference is due to the specifics of the religious situation in contemporary Russia.

Keywords: postsecular society, secularization, modernization, postmetaphysical thinking, reflexivity

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-00400.

For citation: Matetskaya A. V. Interpretations of the Concept of Postsecular Society in Russia. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):17-22. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Концепция постсекулярного общества, предложенная Ю. Хабермасом, оказалась довольно востребованной в постсоветской России, однако культурный, социальный и политический контекст, в котором она была воспринята, обусловил особенности отечественных интерпретаций проблемы постсекулярного. По замечанию Д. Узланера, «дискуссия о постсекулярном в России приняла ярко выраженные нехабермасовские формы; постсекулярная теория в интерпретации Ю. Хабермаса до сих пор не пользуется большой популярностью. Само обсуждение постсекулярного в России началось без каких-либо обстоятельных отсылок к оригинальным идеям Хабермаса» [1, с. 280]. Понятие постсекулярного общества в России вышло за рамки научных дискуссий, что привело к некоторой его идеологизации. Но и в рамках научного дискурса оно нередко сближалось с понятием десекуляризации и приобретало дополнительные смыслы.

Следует отметить, что для Хабермаса концепция постсекулярного общества не являлась опровержением концепции секуляризации. Напротив, последствия секуляризации, из которых наиболее важными можно считать формирование светского государства и рефлексивный подход к религии, секулярное размежевание «веры и знания», никуда не исчезли и едва ли могут исчезнуть (по крайней мере, если говорить о тех обществах, где секуляризация действительно осуществлялась, т. е. в первую очередь о западных обществах).

Говоря о постсекулярном, Хабермас отмечает, что термин «постсекулярное общество» относится не к структурным изменениям социума, но к состоянию сознания западных обществ [2]. Постсекулярное общество – это общество секуляризованное, однако осознающее факт неустранимого присутствия религии: «Я использую это выражение для описания современных обществ, которым приходится считаться с продолжающимся существованием религиозных групп и сохраняющейся актуальностью различных религиозных традиций, даже если сами общества в значительной степени секуляризованы» [3].

Корректировка классического «тезиса секуляризации» у Хабермаса касается скорее идеологических аспектов этого тезиса, чем фактического содержания: не следует ожидать «смерти религии», а также не следует трактовать секуляризацию как некую универсальную модернизационную парадигму. Вариант секуляризации, имевший место в западных обществах и ставший результатом уникальной западной истории, не должен рассматриваться как нормативная модель для других обществ.

В то же время не следует отрицать и очевидного воздействия этой модели, связанной с доминированием западного варианта модернизации как комплекса элементов, в той или иной степени присутствующих сегодня в глобальном масштабе. Практически нет обществ, не включенных в рыночную экономику, не охваченных воздействием современной науки, технологий и образования и не подвергшихся тем модификациям государственного управления, которые ассоциируются прежде всего с западной моделью модерна. Речь идет, например, о внедрении рационализированной модели бюрократии – без этого механизма управлять современными обществами невозможно.

Современные формы политического управления в той или иной степени дистанцируются от религии, хотя «протяженность» дистанции варьируется, а формы взаимодействия религии и государства существенно различаются. Дистанцирование обусловлено не только и не столько неприятием религии, сколько самими управленческими задачами, которые не противоречат религии, но, скорее, никак с нею не соотносятся. Бергер отмечал значение бюрократизации политического управления как важного фактора секуляризации западных обществ. Он, как известно, подверг концепцию секуляризации критике, предложив понятие десекуляризации, ставшее не менее, если не более популярным, чем понятие постсекулярного общества, однако его заключения, касающиеся механизмов западной секуляризации, остаются справедливыми.

Хабермас полагает, что секуляризационные тенденции следует рассматривать в рамках предложенной Ш. Эйзенштадтом концепции множественной современности [4].

Хабермас отмечает, что структурные изменения, связанные с модернизацией, проявляются сегодня практически везде, однако осуществляются они в разных культурных контекстах, определяемых главным образом наследием и присутствием основных мировых религий, что и

обуславливает множественность вариантов модерна [3]. Заметное снижение влияния религии – особенно на уровне сознания и повседневности – отнюдь не является обязательной чертой модернизации за пределами Запада. Но и в обществах, где религия сохраняет значительное влияние, складываются сферы, от религии дистанцированные, и наиболее значимой в мировоззренческом плане сферой является научное знание. Даже в государствах, которые можно охарактеризовать как клерикальные (например, Иран), существует институт современной науки, и он не может быть полностью подотчетен религии без утраты своей сущности.

Таким образом, разделение веры и знания как важное следствие модернизационных и секуляризационных тенденций присутствует и там, где позиции религии сильны даже на уровне организации политической системы. Тотальный отказ от институтов современности характерен сегодня лишь для маргинальных групп религиозных радикалов (термин «фундаментализм» тут не совсем уместен в силу своей предельной размытости). Но даже они нередко пользуются созданными благодаря этим институтам артефактами.

Развитие научного знания служит основным фактором, определяющим водораздел между знанием и верой в современных обществах. Однако отделение веры от знания не должно, по Хабермасу, являться причиной подавления одного другим. Напротив, в условиях современных постсекулярных обществ это разделение подразумевает постоянный диалог, признающий значимость обеих сфер. Осознание и признание необходимости подобного диалога является одной из черт постсекулярного общества.

Для Хабермаса нарастание рефлексивности – важнейшая черта модернизации. Применительно к процессу секуляризации этот феномен тоже имел огромное значение. Появление концепции постсекулярного общества стало следствием рефлексивности, в результате которой ситуация в обществе и сложившиеся идейные построения, в том числе и мировоззренческие, подвергаются постоянной ревизии. Постсекулярное общество необходимо рассматривать в контексте «постметафизического мышления», также являющегося, по Хабермасу, следствием рефлексии. Постметафизическое мышление по сути своей секулярно, но именно в его рамках возможен диалог между религией и наукой как «существенно разными способами принятия истины». Однако для этого диалога религиозное сознание, как и секулярный разум, должны быть рефлексивными.

Как отмечает Хабермас [3], воздействие секуляризации и модернизации на религии выразилось, в частности, в возникновении двух форм современного религиозного сознания: с одной стороны, фундаментализма, ориентированного либо на бегство от современности, либо на агрессивное противостояние ей; с другой – рефлексивной веры, которая соотносит себя с иными религиями, признает авторитет науки и уважает права человека. Хабермас подчеркивает, что рефлексивная религиозность характерна именно для постсекулярных традиционных религий, в данном случае речь не идет о «новой духовности», неконфессиональной новой религиозности.

Рефлексивная форма веры и религиозности создает предпосылки для диалога секулярного и религиозного разумов. Фундаментализм исключает подобный диалог, но можно добавить, что фундаментализм как монистическая установка сознания может и не быть религиозным. В принципе можно говорить и об атеистическом, и даже о научном фундаментализме – если речь идет о принципиальном отторжении и обесценивании любой мировоззренческой позиции, кроме своей собственной. Мировоззренческий плюрализм есть то, что «фундаментализм» любого типа не приемлет.

Религиозный фундаментализм противоположен либеральному политическому порядку. Однако он вполне может оказаться востребован (в той или иной форме) в обществах, где модернизация не сопровождалась формированием либеральной демократии или же там, где попытки создать эту модель политического устройства не привели к удовлетворительным результатам. В этом смысле характерно стремление некоторых постсоциалистических европейских режимов апеллировать к традиционным религиозным ценностям. В данном случае речь идет не о фундаментализме как агрессивной религиозной политике, но скорее о реванше культурного консерватизма, окрашенного разочарованием в западной модели развития без отказа от западного проекта современности. Хотя и крайние формы религиозного радикализ-

ма могут оказаться востребованными в качестве политических идеологий, подобные явления имеют место за пределами западного мира и служат одной из причин критики классической концепции секуляризации.

Рефлексивная религиозность – это религиозность, смирявшаяся с приоритетом секуляристского взгляда в решении общезначимых вопросов, касающихся политики и общества в целом. В условиях смыслового кризиса и недостатка идейных оснований для социальной солидарности, характерных для современных либеральных обществ, позиция приверженцев рефлексивной религиозности способна смягчить экзистенциальные последствия этих проблем, потому её присутствие в публичном пространстве и участие представителей религиозных групп в публичных дискуссиях необходимы. Кроме того, возможность для участников религиозных сообществ заявлять о своей позиции находится в полном согласии с принципом свободы совести.

Таким образом, концепция постсекулярного общества, предложенная Хабермасом, не отвергает принципов секуляризма, но, напротив, базируется на них и исходит из невозможности отрицания реальности секуляризации для западного мира. Она признает также глобальную секуляризационную динамику, хотя не отрицает значимости сохраняющейся религиозной традиции для формирования разных моделей модернизации.

В российском контексте, обусловленном спецификой советской секуляризации, концепция постсекулярного общества оказалась востребованной не только научным сообществом, для которого она стала инструментом анализа постсоветского «религиозного возрождения», но и идеологами, представлявшими интересы традиционных конфессий, главным образом РПЦ. На восприятие концепции постсекулярного общества в России повлияло резкое изменение отношения власти и общества к религии, сопровождавшее распад советского режима, опиравшегося на атеистическую идеологию. В отличие от западных обществ в России можно наблюдать не просто изменения в сознании, но институциональные и культурные изменения, связанные с возвращением религии в культурное, социальное, политическое пространство, практически очищенное от неё на протяжении многих десятилетий. Справедливо замечание В. Малахова и Д. Летнякова [5], что Россия – это постатеистическое общество. В российском контексте понятие постсекулярного общества зачастую прочитывалось как «десекуляризация», т. е. как отход от установок секуляризма, как «отмена» результатов секуляризации.

«В российском контексте расплывчатые отсылки к постсекулярности стали важным аргументом в пользу все большего сближения традиционных религиозных организаций с государственными институтами. Любая критика подобного сближения трактуется как попытка ухватиться за устаревшие формы секуляризма, непригодные для нового постсекулярного контекста... Ключевые церковные иерархи ссылаются на концепцию постсекулярного общества с целью легитимации процесса включения религиозных предметов в программу обязательного школьного образования. Патриарх Кирилл говорит о наступлении «новой постсекулярной эпохи», суть которой в том, что «жесткий и агрессивный секуляризм утрачивает доминирующие позиции в общественной и культурной жизни» [1, с. 292].

Претензии РПЦ на символическую власть нередко наталкиваются на сопротивление представителей научного сообщества и тех, кто солидаризуется с его позицией, что приводит не к диалогу, о котором говорил Хабермас, а к идеологическому противостоянию, поскольку для российского антиклерикализма, имеющего корни в советской атеистической идеологии, религия не представляет собой никакой ценности. В этом противостоянии российская власть – по своим собственным соображениям – часто находится на стороне религии, потому отказ признавать претензии РПЦ приобретает характер идеологического противостояния власти. Всё это довольно далеко отстоит от того видения постсекулярного общества, которое предложил Хабермас.

Постсекулярная теория в России нередко воспринимается как «основание для религиозного реванша в социополитической сфере» [1, с. 293]. В то же время и некоторые исследователи, говоря о возрастании идеологического влияния РПЦ в постсоветской России и формировании некой православной субкультуры в рамках российской политической элиты, используют понятие постсекулярного, хотя в сущности речь идет о проявлениях десекуляризации и

попытках использовать православие для идеологических целей: «Не секрет, что возрождение православия, явившееся в последние двадцать с лишним лет наиболее заметной частью постсекулярного поступательного процесса в России, было связано не только с реабилитацией института церкви и возобновлением беспрепятственной церковной жизни, но и с респектализацией православия в глазах элиты, с разнообразными попытками Русской православной церкви Московского патриархата заручиться протекционистской поддержкой государства... Процесс постсекулярного движения в лице православной религии порой настолько выходит за рамки ожидаемого, что далеко не все аналитики и общественные деятели соглашаются признавать системным явлением реальность многих позиций православия в социально-политическом пространстве» [6, с. 42–43].

В российском дискурсе, как научном, так и идеологическом, понятие постсекулярного общества зачастую подразумевает не только переосмысление роли и перспектив религии, но и значительные структурные и институциональные десекуляризационные изменения, связанные в свою очередь с появлением новых идеологических конструкций, использующих религиозные идеи для обоснования новой модели национальной идентичности и легитимации политической власти. Проблематика диалога религиозного и светского мировоззрений, значимая для Хабермаса, в такой трактовке не так важна, и пространства для подобного диалога в социальной и политической реальности современной России остается не так много.

Важным не только для истолкования концепции постсекулярного общества, но и для вопроса применимости для российской ситуации данного понятия в том смысле, который предлагал Хабермас, связан со слабой представленностью в России «рефлексивной религиозности», являющейся важным компонентом постсекулярного. Как отмечают исследователи, период массового интереса к православию как суррогату утраченной идеологии не завершился проникновением религиозных идей в массовое сознание, которое остается в основном безрелигиозным [7]. Носителем активной религиозности является незначительное меньшинство россиян, и среди этого меньшинства, как и среди духовенства, преобладают скорее настроения, близкие к фундаментализму, чем хабермасовская рефлексивная религиозность. Именно консервативная ориентация представителей РПЦ сделала ее в глазах общества опорой власти, что отражается на отношении к ее инициативам и к религии в целом, приводит к распаду «проправославного консенсуса» [8]. Для постсекулярного диалога в российском обществе не хватает соответствующего религиозного субъекта, помимо свободного пространства для подобного диалога.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что понятие постсекулярного общества применимо к анализу современной российской религиозной динамики лишь с учетом существенных отличий религиозной ситуации в России от религиозной ситуации в западных обществах. Отличия эти в значительной степени предопределены спецификой советской модели секуляризации.

Список источников

1. *Узланер Д.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 416 с.
2. *Хабермас Ю.* Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета. 2008. № 4 (18). С. 1–3.
3. *Habermas J.* A postsecular world society?: An interview with Jürgen Habermas. 2010. URL: <https://mronline.org/2010/03/21/a-postsecular-world-society-on-the-philosophical-significance-of-postsecular-consciousness-and-the-multicultural-world-society/> (дата обращения: 20.08.2021).
4. *Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, № 1. URL: http://blog.wbkolleg.unibe.ch/wp-content/uploads/Eisenstadt_Multiple-Modernities.pdf (дата обращения: 24.08.2021).
5. *Малахов В., Летняков Д.* Постхристианское или постатеистическое общество? Некоторые особенности российского режима секулярности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 1 (39). С. 245–267.

6. Кнорре Б.К. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М. : РОССПЭН, 2014. С. 42–103.

7. Десницкий А. Религии в России – 2050 // Вестник Европы. 2021. Т. LVII. С. 101–112.

8. Узланер Д. Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества // Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 416 с.

References

1. Uzlaner D. *Postsecular turn. How to think about religion in the 21st century*. Moscow, Gaidar Institute Press; 2020. 416 p. (In Russ.).

2. Habermas J. Postsecular society - what is it? *Rossiiskaya filosofskaya gazeta = Russian Philosophical Newspaper*. 2008;(4):1-3. (In Russ.).

3. Habermas J. *A postsecular world society?: An interview with Jürgen Habermas*. Available from: <https://mronline.org/2010/03/21/a-postsecular-world-society-on-the-philosophical-significance-of-postsecular-consciousness-and-the-multicultural-world-society/> [Accessed 20th August 2021].

4. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000;129(1). Available from: http://blog.wbkolleg.unibe.ch/wp-content/uploads/Eisenstadt_Multiple-Modernities.pdf [Accessed 24th August 2021].

5. Malakhov V., Letnyakov D. Post-Christian or post-atheistic society? Some features of the Russian secular regime. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2021;(1):245-267. (In Russ.).

6. Knorre B.K. Russian Orthodoxy. Postsecular institutionalization in the space of power, politics and law. *Installation and dismantling of the secular world*. A. Malashenko, S. Filatov, eds. Moscow, ROSSPEN Publ.; 2014:42-103. (In Russ.).

7. Desnitsky A. Religions in Russia - 2050. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*. 2021;LVII:101-112. (In Russ.).

8. Uzlaner D. The end of the “pro-Orthodox consensus”: religion as a new split in Russian society. *Postsecular turn. How to think about religion in the 21st century*. Moscow, Gaidar Institute Press; 2020. 416 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии религии и религиоведения.

Information about the author

A. V. Matetskaya – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of Philosophy of Religion and Religious Studies Department.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-23-30

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИСКРЕТНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Ирина Леонидовна Мерзлякова^{1✉}, Мария Валерьевна Кошман²,
Ирина Александровна Каирова³

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

^{2,3} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ merzlyakovail@mail.ru ✉

² kmv1301@rambler.ru

³ irkairova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема преодоления дискретности исторического сознания, возникшей в результате приобретения травмирующего опыта переживания негативных исторических феноменов. Отмечается, что исторические условия, в которых происходит приобретение и переживание травмирующего опыта, когда формируется и проявляется дискретность исторического сознания, складываются в периоды серьезных социокультурных трансформаций и потрясений на индивидуальном и коллективном уровне. Такими потрясениями являются события, связанные с различными социальными катастрофами, военными конфликтами, природными и техногенными катаклизмами. Коллективная травма, приобретенная в этих условиях, влияет на процесс формирования дискретного исторического сознания, качественной и количественной трансформации социальной структуры, оказывая влияние и на сферу идеологии.

Исследуется специфика исторических репрезентаций, связанная с уровнем развития исторического сознания социума; историческим и социокультурным контекстом, в котором они формируются; уровнем развития исторической науки и научных коммуникаций, направленных на формирование исторического сознания. Используются разные способы исторических репрезентаций, с помощью которых можно понять, какой опыт переживает социум или отдельный индивид. Подчеркивается, что исторические репрезентации отличаются своей недостаточностью и рискогенностью.

Ключевые слова: историческое сознание, исторические репрезентации, дискретность, коллективная травма, социокультурные условия, социум, социокультурные трансформации

Для цитирования: Мерзлякова И. Л., Кошман М.В., Каирова И.А. Исторические репрезентации как способ преодоления дискретности исторического сознания // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 23–30.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

HISTORICAL REPRESENTATIONS AS A WAY TO OVERCOME THE DISCRETENESS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Irina L. Merzlyakova^{1✉}, Mariya V. Koshman², Irina A. Kairova³

¹ Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

© Мерзлякова И. Л., Кошман М.В., Каирова И.А., 2021

¹ merzlyakovail@mail.ru ✉

² kmv1301@rambler.ru

³ irkairova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the actual problem of overcoming the discreteness of historical consciousness, which arose as a result of the acquisition of traumatic experience of experiencing negative historical phenomena. The author notes that the historical conditions in which the acquisition and experience of traumatic experience occurs, as a result of which the discreteness of historical consciousness is formed and manifested, are carried out during periods of serious socio-cultural transformations and shocks at the individual and collective level. The author notes that such shocks are events associated with various social disasters, military conflicts, natural and man-made disasters, etc.). The collective trauma acquired in these conditions affects the process of formation of discrete historical consciousness, qualitative and quantitative transformation of the social structure, influencing the sphere of ideology.

As a result of the research, the author came to the conclusion that the specificity of historical representations is associated with the level of development of historical consciousness of society; with the historical and socio-cultural context in which they are formed; with the level of development of historical science and scientific communications aimed at the formation of historical consciousness. At the conceptual and everyday level, different ways of historical representations are used, with the help of which it is possible to understand what kind of experience a society or an individual is experiencing. The author states that historical representations differ in their insufficiency and riskiness.

Keywords: historical consciousness, historical representations, discreteness, collective trauma, socio-cultural conditions, society, socio-cultural transformations

For citation: Merzlyakova I. L., Koshman M.V., Kairova I.A. Historical Representations as a Way to Overcome the Discreteness of Historical Consciousness. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):23-30. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Актуальность изучения исторических репрезентаций обусловлена тем, что они являются эффективными способами преодоления дискретности исторического сознания как результата коллективной травмы, пережитой в прошлом или переживаемой в настоящем. В условиях социокультурных кризисов происходит конституирование исторического сознания, «которое, в свою очередь, становится ментальным ответом на вызов случайности» [1, р. 38–39]. Это означает, что в условиях стабильности и нормального течения хода событий историческое сознание лишено актуальности и приобретает жизненность только в ситуациях разрыва, перелома, разрушения сложившихся форм бытия. Актуализация проблем преодоления дискретности исторического сознания происходит в периоды исторических катастроф и переломов, когда утвердившиеся социально-политические структуры расшатываются в своих основах, когда социум приобретает травмирующий социальный опыт в определенных социокультурных условиях или исторических обстоятельствах, начинается «раздвоение» или «расщепление» сознания, начинается «историческое движение» [2, с. 5].

Цель представленной работы – рассмотрение особенностей исторических репрезентаций как эффективных способов преодоления дискретности исторического сознания, сформировавшейся в результате переживания травмирующих исторических феноменов. В соответствии с целью нами сформулированы следующие задачи: определить условия, в рамках которых происходит формирование дискретности исторического сознания, виды исторических репрезентаций и их специфику; выявить риски, связанные с использованием исторических репрезентаций в процессе преодоления дискретности исторического сознания социума.

Теоретической основой работы являются исследования П. Нора, Дж. Келли, Й. Рюзена, З. Фрейда, Д. ЛаКапра, Э. Сантнера, Х. Вельцера, У. Матурана, Ф. Варела, Н.А. Бердяева, С.С. Магазова, А.В. Свиридовой, В.Н. Телии, З.Д. Поповой, И.А. Стернина.

В рамках когнитивного подхода историческое сознание может рассматриваться как концепт, представляющий собой дискретное ментальное образование, «являющееся базовой единицей

мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [3, с. 4].

Исторические условия, в которых возможно приобретение коллективной травмы и формирование дискретного исторического сознания, возникают в периоды кардинального слома привычного жизненного уклада не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне (социальные катастрофы, войны, революции, природные катаклизмы и т.д.). Социокультурные травмы представляют собой исторические события, процессы или явления, «которые вызывают чувство ужаса, страха, стыда, душевной боли» [4, р. 20], способствуют формированию качественной и количественной трансформации социальной структуры и развитию дискретности исторического сознания общества. Й. Рюзен «травму» рассматривает как кризис, «который разрушает структуру порождения смысла и препятствует ее восстановлению...» [1, р. 41] и ставит вопрос о том, «как преобразовать травму в историю» [4, р. 60].

В работе П. Штомпки к признакам травмирующих исторических событий относятся негативный, всеобщий и кардинальный характер события [5]. Такими событиями могут быть не только войны, но и религиозные, идеологические, территориально-государственные, национальные размежевания и конфликты, политические перевороты и т.д. Запечатленный в историческом сознании «экстремальный исторический опыт», полученный социумом в период Второй мировой войны, оказывает «глубинное формирующее воздействие, ... на общество пережитыми им в прошлом экстремальными проявлениями насилия, отражается на чувствах, восприятиях, ориентациях и действиях не только военных поколений, но и последующих» [6, с. 63].

В 90-е гг. XX в. в разной степени постсоциалистические общества в результате развала СССР подверглись «насилию» и сегодня еще одержимы этим прошлым, которое болит и не проходит, присутствует в настоящем и определяет его, усиливает дискретность исторического сознания социума.

Историческое сознание, являясь дискретным концептом, включает в себя образы исторических событий и явлений, сформированных в результате личного переживания травмирующего события или приобретенного в процессе коммуникативной практики и исторических репрезентаций. Они представляют собой теоретические конструкты и могут носить концептуальный и обыденный характер. Исторические репрезентации – это «разговор» о том, как конкретные исторические события или феномены оцениваются и выражаются в репрезентациях познающих субъектов. В современном научном дискурсе можно выделить несколько классификаций исторических репрезентаций: аналоговые (их также называют образными, сохраняющими подобие оригиналу) и вербальные, которые включают пропозициональные и пропозициональноподобные репрезентации [7]; символические репрезентации и перцептуальные, образующиеся в результате восприятия информации, полученной по чувственно-перцептуальным и сенсорно-моторным каналам [8]; аналоговые репрезентации, на основе которых происходит наглядное изображение фрагментов исторического прошлого, и символические, представляющие собой когнитивные модели, которые воспроизводят часть информации об исторических феноменах и процессах, фрагментов исторического прошлого [9].

В рамках нашего исследования особый интерес может представлять оригинальная классификация исторических репрезентаций и источников формирования исторического сознания, предложенная французским историком П. Нора. Он выделяет так называемые «места памяти», которые можно рассматривать как особый вид исторических репрезентаций: топографические (архивы, библиотеки и музеи), монументальные (кладбища и архитектурные сооружения), символические (коммеморативные церемонии, паломничества и юбилеи), функциональные (учебники, автобиографии и мемуары) [10, с. 17].

Следует отметить, что для каждой социальной общности существуют свои уникальные «места памяти» и адекватные способы исторической репрезентации, которые представляют собой «открытую многомерную ментальную систему, выраженную актуальными в данный момент времени для сознания и мышления языковыми знаками, объективирующими уровни знаний и

способы познания человеком действительности. Вербализованный концепт – продукт духовного производства, репрезентирующий научную, этическую, эстетическую, религиозную и другие виды деятельности» [11, с. 23]. По мнению В.Н. Телии, с помощью языка как формы сознания, происходит формирование исторического сознания; «культура и язык существуют в диалоге между собой; субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; нормативность – общая для культуры и языка черта; историзм – одно из существенных свойств культуры и языка; культуре и языку присуща антиномия динамика-статика» [12, с. 225–226]. Язык представляет собой особую репрезентационную систему, с помощью которой происходит кодирование в определенной знаковой форме знаний об исторических событиях и приобретенного в результате переживания этих событий социального опыта. С помощью языка формируется историческое сознание, в котором отражаются результаты познавательной деятельности (ощущения, восприятия, представления, мышление и сознание), соотносящиеся с разными историческими репрезентациями, представленными на разных уровнях исторического сознания: концептуальном и обыденном.

Следует учитывать, что результатами исторического познания являются не сами исторические репрезентации, а процесс формирования исторического сознания, которое «рождается в акте познания. При этом познание самого процесса познания заставляет людей понять то, что мир, который они наблюдают, предстает не определенным, а зыбким миром, конструируемым вместе с другими людьми» [13, с. 7]. Конструируемый мир, созданный с помощью исторических репрезентаций, зависит от разных когнитивных способностей субъектов познания, приобретенных в результате социокультурного взаимодействия, и «приводит к закономерностям, свойственным социальной динамике, и через нее детерминирует рефлексию, позволяющую понять то, что люди обладают только тем миром, который они создают вместе с другими людьми» [12, с. 7].

Используя концепцию персональных (личных) конструктов или конструктивного альтернативизма Дж. Келли [14], можно говорить о том, что исторические репрезентации возникают тогда, когда разные люди с разными когнитивными, языковыми и другими способностями, в разных темпоральных и социокультурных контекстах пытаются по-разному интерпретировать исторические события. В рамках исторических репрезентаций на концептуальном и обыденном уровне полученные когнитивные структуры помогают прогнозировать наступление повторяющихся исторических событий, которые способны нанести «травмы» историческому сознанию и предотвратить их.

Проблема заключается в том, что исторические репрезентации отличаются известной недостаточностью, поскольку индивид воспринимает и интерпретирует исторические события индивидуально, сформировавшиеся персональные конструкты детерминируют процесс социокультурного взаимодействия. При различных обстоятельствах разными познающими, интерпретирующими и репрезентирующими индивидами могут улавливаться разные стороны бытия и концептуализироваться с помощью языка и других коммуникативных средств по-разному. Различия между используемыми концептами, с помощью которых происходит формирование исторических репрезентаций, разных способов интерпретации одного и того же травмирующего исторического события участниками различных социокультурных ситуаций, можно представить на примере репрезентации коллективной травмы, полученной социумом в результате пережитых событий во время Второй мировой войны.

Особенностью исторических репрезентаций является тот факт, что познающим субъектом может выступать конкретный человек, свидетель, который имеет непосредственный опыт наблюдения за историческим событием. В этой ситуации важно учитывать, что участники одних и тех же событий, находящиеся в противоборствующем состоянии, по-разному воспринимают и оценивают исторические события. У выживших свидетелей геноцида, узников концлагерей и тех, кто принимал непосредственное или опосредованное участие в этой трагедии, формируются разные представления и исторические репрезентации о произошедшем. Со времен окончания Второй мировой войны в странах, которые принимали участие в тех событиях, по-разному и на разных уровнях предпринимаются попытки преодолеть коллективную травму, зафиксированную в историческом сознании нескольких поколений. Долгое время немцы после

Второй мировой войны «рассматривали себя не виновниками преступления, а жертвами и побежденными в обычной войне» [15, с. 98]. На концептуальном и обыденном уровне создавались исторические репрезентации, с помощью которых предпринимались попытки преодолеть коллективную травму и перевести понятие «вины» в приемлемый формат или снять вопрос о всеобщей коллективной ответственности за развязывание войны, Холокост, геноцид и другие преступления, совершенные в предвоенный и военный период.

В связи с этим особое внимание привлекает французский документальный фильм режиссёра Клода Ланцмана «Шоа», посвящённый Холокосту, который снимался около 10 лет. По своей структуре он представляет собой интервью, которые проводились в 1974 – 1980 гг. в 14 странах с участниками событий, произошедших возле польского города Хелмно, в концентрационных лагерях Аушвиц (Освенцим), Трешлинка, Терезиенштадт. В числе интервьюируемых были выжившие заключенные, нацистские преступники и их пособники (солдаты, надзиратели, бюрократы Рейха), пассивные свидетели происходившего (жители окрестных мест). Конструкция фильма представляет собой ответы на поставленные вопросы, на которые многие интервьюируемые не могут с помощью обычного языка дать ответы, замыкаясь в себе, находясь в эмоциональном, когнитивном, психологическом коллапсе. Другими словами, с помощью исторических репрезентаций возможно преодолеть историческую травму, используя разные способы репрезентации, с помощью которых выражаются чувства и эмоции в отношении произошедших исторических событий, рассказать и проговорить эти события, определив аудиторию, в качестве которой может выступать поколение молодых людей, способных воспринимать эти репрезентации. С помощью исторических репрезентаций можно определить степень болезненности переживания исторических событий, «глубину» полученной социокультурной травмы, перевернувшей мир человека или социума, которые и в настоящем невозможно выразить с помощью вербальных или других форм исторических репрезентаций. «Шоа» – документальный фильм, который представляет собой историческую репрезентацию о том, что такое Холокост и как рассказ об этом историческом событии, которое нанесло коллективную социокультурную травму всем участникам, заставляет заново переживать эти события.

В Советском Союзе преодоление коллективной травмы происходило вытеснением из общественного сознания травмирующего опыта с помощью героизации и сакрализации войны. Великая Отечественная война носила священный характер, что и сегодня способствует примирению с трагическими событиями прошлого, наполняет смыслом настоящее. Такой образ войны «новый, отритушированный и национализированный» одинаково «устраивал как верхи, так и низы социума» [16, с. 75]. Исторические репрезентации, в которых представлены эти образы, реализуются в современной политике в виде определенных социальных и политических практик, учебно-воспитательной, культурной и патриотической работе.

В историческом сознании современного российского общества Великая Отечественная война и «...отрицательные значения событий, предшествовавших войне (коллективизация, голод, репрессии), заметно снизились, тогда как символы всего негативного, разрушительного или угрожающего разрушением оказались перенесены в более близкий хронологический период и сконцентрировались в еще совсем недавней, но уже ставшей прошлым “эпохе перестройки”, девяностых годах. Тем самым дальние временные планы воображаемого целого истории как бы высветлились, ближние же, напротив, стали чернее» [16].

Исторические репрезентации являются индикатором степени дискретности исторического сознания, поскольку то, о чем тяжело и болезненно говорить, создает «лакуны» в историческом сознании, разрывая и фрагментируя его. Вербальные репрезентации, с помощью которых создаются оксюмороны типа «невспоминаемое воспоминание», «забытое незабываемое», указывают на то, что в историческом сознании есть «лакуны», «белые пятна», которые не заполняются и не преодолеваются.

В работах Э. Сантнера предлагается преодоление исторической травмы с помощью таких репрезентаций, как «работа скорби» и «нарративный фетишизм» [17]. Под «нарративным фетишизмом» он понимает «конструирование и использование нарратива, сознательная или бессознательная цель которого состоит в том, чтобы стереть следы той травмы или утраты, которая, собственно, и дала жизнь этому нарративу» [17]. Нарративный фетишизм представляет

собой способ, с помощью которого происходит отказ от скорби, допускается замалчивание и забывание исторического события, которое нанесло социокультурную травму.

Другим способом преодоления исторической травмы в историческом сознании является «работа скорби» – «процесс переработки и привыкания к реальности утраты или травматического шока путем их воспоминаний и повторов в символически и диалогически опосредованных дозах; это процесс перевода, метафоризации и олицетворения утраты; процесс, включающий в себя «определенным образом ритуализированную связь между языком и молчанием» [18].

Таким образом, при анализе исторических репрезентаций необходимо учитывать их взаимосвязь и уровень развития социума как субъекта исторических репрезентаций. Исторические репрезентации имеют свои особенности и связаны в первую очередь с историческим и социокультурным контекстом, в которых они формируются, с уровнем развития исторической науки и научных коммуникаций, направленных на формирование исторического сознания. Исторические репрезентации можно рассматривать как способ рассказа о чем-либо, что символически оформляет произошедшее историческое событие. На концептуальном и обыденном уровне используются разные способы исторических репрезентаций, с помощью которых можно понять, какой опыт переживает социум или отдельный индивид в процессе своего развития и движения во времени. Целью использования исторических репрезентаций является восстановление континуальности исторического сознания, сохранение исторической памяти, трансляции социального опыта и поддержание межпоколенческих коммуникаций.

Исторические репрезентации отличаются своей недостаточностью и рискогенностью, поскольку индивид воспринимает и интерпретирует исторические события индивидуально, улавливая разные стороны бытия. Исторические репрезентации могут являться показателем степени актуальности тех или иных исторических событий, степени дискретности исторического сознания. Использование исторических репрезентаций, в рамках которых происходит вербализация и концептуализация травмирующих исторических событий, способно дать положительный результат и предотвратить повторение этих событий, а такие способы преодоления коллективной травмы, как «забвение» или «молчание» об исторических событиях, которые нанесли коллективную травму, лишённые своей концептуализации, вытесненные из исторического сознания, наоборот, приводят к коллективному беспомыслию, создают условия для новых угроз и ведут к повторению исторической травмы.

Список источников

1. *Rüsen J.* Trauma and Mourning in Historical Thinking // *Journal of Interdisciplinary Studies in History and Archaeology*. 2004. Vol. 1, № 1.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 175 с.
3. *Язык и национальное сознание.* Вып. 10 / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2008. 203 с.
4. *Freud Z.* Research of hysteria. St. Petersburg, 2005. Vol. 1. 365 p.
5. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 6–16.
6. *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 52–63.
7. *Pylyshyn Z.W.* The robot's dilemma: the frame problem in artificial intelligence. New York : Ablex, 1987. 156 p.
8. *Jackendoff R.S.* Patterns in the mind: Language and human nature. New York, 1994. 246 p.
9. *Магазов С.С.* Когнитивные процессы и модели. М. : URSS, 2007. 248 с.
10. *Нора П., Озуф М., Пюшмеж Ж., де, Винок М.* Проблематика мест памяти // *Франция-память*. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
11. *Свиридова А.В.* Вербализация концепта знание/познание средствами русской фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах (на материале фразеологических единиц с компонентом не) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2008. 45 с.
12. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки и культура, 1996. 288 с.

13. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М. : Прогресс-традиция, 2001. 224 с.
14. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструкторов. СПб. : Речь, 2000. 249 с.
15. Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41).
16. Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» Победа: О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х годов // Отеч. записки. 2004. № 5 (20).
17. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышление о репрезентации травмы // Травма: пункты : сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 389–407.
18. LaCapra D. Representing the Holocaust: Reflections on the Historians' Debate // Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final Solution" / S. Friedlander (ed.). Cambridge : Harvard University Press, 2016. 248 p.

References

1. Rösen J. Trauma and Mourning in Historical Thinking. *Journal of Interdisciplinary Studies in History and Archeology*. 2004;1(1).
2. Berdyayev N.A. *The meaning of the story*. Moscow: Mysl' Publ.; 1990. 175 p. (In Russ.).
3. Sternin I.A., ed. *Language and national consciousness*. Voronezh: Istoki Publ.; 2008;(10). 203 p. (In Russ.).
4. Freud Z. *Research of hysteria*. St. Petersburg, 2005. Vol. 1. 365 p. (In Russ.).
5. Shtompka P. Social change as a trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2001;(1):6-16. (In Russ.).
6. Welzer H. History, memory and modernity of the past. *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2005:52-63. (In Russ.).
7. Pylyshyn Z.W. *The robot's dilemma: the frame problem in artificial intelligence*. New York: Ablex Publ.; 1987. 156 p.
8. Jackendoff R.S. *Patterns in the mind: Language and human nature*. New York, 1994. 246 p.
9. Magazov S.S. *Cognitive processes and models*. Moscow: URSS Publ.; 2007. 248 p. (In Russ.).
10. Nora P., Ozouf M., Puimège J., de, Vinok M. Problems of places of memory. *France-memory*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press; 1999:17-50. (In Russ.).
11. Sviridova A.V. *Verbalization of the concept of knowledge / cognition by means of Russian phraseology in linguo-cognitive and linguocultural aspects (based on phraseological units with a component not)*. Dissertation Thesis. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press; 2008. 45 p. (In Russ.).
12. Telia V.N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Yazyki i kultura Publ.; 1996. 288 p. (In Russ.).
13. Maturana U., Varela F. *The tree of knowledge*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2001. 224 p. (In Russ.).
14. Kelly J. *Psychology of personality. The theory of personal constructs*. St. Petersburg: Rech Publ.; 2000. 249 p. (In Russ.).
15. König H. Memory of National Socialism, the Holocaust and the Second World War in the political consciousness of the Federal Republic of Germany. *Neprikosnovennyi zapas = Emergency Reserve*. 2005; (2/3). (In Russ.).
16. Dubin B. "Bloody" war and "great" Victory: On the construction and transmission of collective representations in Russia in the 1970s - 2000s. *Otech. zapiski = Domestic Notes*. 2004;(5). (In Russ.).
17. Santner E. History Beyond the Pleasure Principle: Reflections on the Representation of Trauma. *Trauma: Items*. Col of art. S. Ushakin, E. Trubina, comp. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009:389-407. (In Russ.).
18. LaCapra D. Representing the Holocaust: Reflections on the Historians' Debate. *Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final Solution"*. S. Friedlander, ed. Cambridge: Harvard University Press; 2016. 248 p.

Информация об авторах

И. Л. Мерзлякова – кандидат философских наук, доцент кафедры исторических наук и политологии.

М. В. Кошман – кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью.

И. А. Каирова – кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью.

Information about the authors

I. L. Merzlyakova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of Historical Sciences and Political Science Department.

M. V. Koshman – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of Department of Public Relations.

I. A. Kairova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of Department of Public Relations.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья

УДК 111.1

doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-31-39

ПОНЯТИЕ НИЧТО В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ КУЛЬТУРЫ

Анастасия Валерьевна Перекрестова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия,

perekrestova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с понятием бытия и его антиподом – *ничто*, которые, безусловно, являются квинтэссенцией не только онтологии, но и культуры в целом. Цель статьи – обозначить основные концептуальные позиции по проблеме обоснования понятия *ничто*, выделить значимые аспекты интерпретации, схематично наметить ведущие направления в культуре, апеллирующие к этому онтологическому модусу, произвести краткий обзор идей, соотносимых с данной категорией. Подобные попытки прояснения фундаментальных универсалий становятся все более актуальными, так как коррелируют с поисками новых мировоззренческих идей, предпринимаемыми современной наукой. В центре внимания автора находится преимущественно современный подход к проблеме, без обширных ретроспекций, поскольку акцент сделан на онтологическом, а не историко-философском аспекте.

Ключевые слова: *ничто*, небытие, отрицание, отсутствие, пустота, ноль, неопределенность, апофатическое богословие, первоначало, сущее

Для цитирования: Перекрестова А.В. Понятие *ничто* в онтологическом измерении культуры // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 31–39.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE CONCEPT OF *NOTHING* IN THE ONTOLOGICAL DIMENSION OF CULTURE

Anastasia V. Perekrestova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, perekrestova@mail.ru

Abstract. The issues related to the concept of being and its antipode – *nothing*, which, of course, are the quintessence not only of ontology, but also of culture as a whole, are considered. The purpose of the article is to identify the main conceptual positions on the problem of substantiating the concept of *nothing*, to highlight significant aspects of interpretation, schematically outline the leading trends in culture appealing to this ontological mode, to make a brief overview of the ideas correlated with this category. Such attempts to clarify fundamental universals are becoming more and more relevant, as they correlate with the search for new worldview ideas undertaken by modern science. The author focuses mainly on the modern approach to the problem, without extensive retrospections, since the emphasis is on the ontological, rather than the historical and philosophical aspect.

Keywords: *nothing*, non-being, denial, absence, emptiness, zero, uncertainty, apophatic theology, origin, existence

For citation: Perekrestova A.V. The Concept of *Nothing* in the Ontological Dimension of Culture. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):31-39. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В современном мире интерес к метафизике и онтологическим проблемам почти нивелирован общими культурными тенденциями. Фактически в творчестве М. Хайдеггера онтология не только обрела свое новое рождение, но и приблизила свое окончательное угасание. Робкие попытки реанимировать эту сферу, среди которых в XX в. наиболее заметной была работа Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», не увенчались успехом, а постструктурализм со своей критикой метафизики и дезавуированием всего, что с ней связано, практически вычеркнул онтологию из ряда актуальных направлений философии. Будет ли возрожден фундаментальный интерес к философской онтологии в XXI в., сказать сложно, учитывая современную мировоззренческую обстановку, но даже если это и произойдет, прогнозировать многочисленные интеллектуальные достижения в этой области, на наш взгляд, не приходится.

Сегодня мало востребовано концептуальное рассмотрение таких категорий, как *бытие* или *сущее*, однако в философии есть универсалии, анализ которых крайне проблематичен не в связи с социокультурной обстановкой и господствующими мировоззренческими трендами, а в силу специфики идей, которые они репрезентируют – это тяжело поддающиеся вербализации, сложно эксплицируемые понятия, сопряженные со сферой трансцендентного уже на уровне поверхностной семантики. К таковым, в частности, относится понятие *ничто*. Как полагал Хайдеггер, главный метафизический вопрос как раз и есть вопрос о *ничто*. Пытаться дефинировать *ничто* – непосильная и невыполнимая задача, а исследование его особенностей – дело еще более труднореализуемое, чем обращение к вопросу о бытии. Тем не менее отдельные содержательные прецеденты осмысления данной проблемы в философии и культуре имеют место быть и, несмотря на их неоднозначность и субъективность, заслуживают особого внимания. Это связано с тем, что именно *ничто* можно считать одним из структурообразующих стержней представления человека об устройстве мироздания. Сложность рассмотрения *ничто* очевидна и не требует специального объяснения того, в чем именно она заключается, при этом следует учитывать, что толкование подобного термина сильно зависит от того, в какой предметной области производится его анализ. Чтобы зафиксировать своеобразие данной категории, следует коснуться основных культурных дискурсов, главными среди которых будут философский и естественнонаучный, ибо они представляют ведущие сферы, которые затрагивают проблематику *ничто* в соотнесении с мировоззренческой парадигмой в XXI в.

В самом слове *ничто* уже наличествует неразрешимая, непреодолимая лингвистическая трудность: вербализация этого понятия создает смысловой тупик, демонстрируя всю бессмысленность любых манипуляций с ним. Это тот случай словоупотребления, когда оперирование категорией не столько вскрывает некие частные проявления и отдельные характеристики понятия, сколько извращает, искажает сущность, вводит в заблуждение и обнаруживает полное несоответствие объективной действительности. В популярных словарях *ничто* описывается как нечто, означающее отсутствие, небытие конкретного сущего или же отсутствие бытия вообще [1]. То, что это не совсем корректное определение, абсолютно очевидный факт, но важным в данном случае моментом оказывается апелляция к другой универсалии, соотносимой со сферой трансцендентного – небытию.

Небытие для человека выступает более онтологически проясненной категорией, поэтому закономерно, что при попытке теоретического анализа понятия *ничто* небытие не только оказывается своеобразным фундаментом, задающим определенный стиль всей архитектонике мысли, но и становится первичной инстанцией для дальнейших рассуждений. В свою очередь, небытие не существует в отрыве от категории бытия, поскольку уже само слово *небытие* противопоставлено другим лексемам языка, так как его семантика репрезентирует неантизацию всего, если прибегнуть к сартровскому неологизму, делая акцент на состоянии *не являться, не бытийствовать* в качестве чего бы то ни было. Однако здесь мы сталкиваемся с древней онтологической проблемой, сформулированной еще в античности: если небытие объективно существует, то его нельзя мыслить, поскольку, как только оно становится объектом мышления, оно мгновенно приобретает некое существование, воплощаясь в виде специфического бытия. Из

этого положения проистекает сложность, связанная с различными трактовками и смыслами категории небытия, а также с механизмами его взаимодействия с бытием как таковым. Тем не менее от попыток рационального осмысления понятия небытия уйти достаточно проблематично, ибо в философии оно не без оснований постулируется как онтогенетическое: небытие выступает как отсутствие или отрицание бытия, может рассматриваться в качестве несуществования как такового, и в силу этого за счет логической первичности данного модуса квалифицироваться как абсолютное начало всего сущего. У этого положения были известные сторонники, которые иногда выражали свою позицию в чрезвычайно экспрессивной, метафорической форме, как это сделал А.Н. Чанышев в своем знаменитом трактате: «Бытие только тень небытия, его изнанка. Оно как сверкающая всеми цветами радуги пленка нефти на поверхности океана, океана небытия...» [2, с. 159].

В самом деле в мире всё многообразие объектов, явлений и творений возникает из небытия и в свое время исчезает в небытии. В любом зародыше или семени как в начальной точке непостижимым, но поразительным образом в свернутом виде содержится будущий сформированный организм или зрелое растение, которые, пройдя свой жизненный цикл, распадутся до первичных элементов. Однако эти элементы станут, в свою очередь, строительным материалом для новых проектов природы. Подобным образом никакое событие не проходит бесследно и в социокультурном измерении действительности: если некое событие миновало, став достоянием небытия, его последствия прямым или косвенным способом воздействуют на настоящее, незримо пребывая в нем как отголоски. Насколько правомерно онтологический статус такого эфемерного присутствия в настоящем времени событий прошлого, уже миновавших, или феноменов будущего, которые еще не появились, соотносить с небытием – это уже отдельный вопрос, затрагивающий категории потенциального и актуального.

Небытие в различных своих проявлениях присутствует повсюду. Общеизвестно, что органическая жизнь для поддержания своей функциональности нуждается в постоянном обновлении – залогом существования любого организма считается непрерывная элиминация старых, выработанных клеток с одновременной заменой их новыми, молодыми паттернами. А одним из ключевых свойств человеческого сознания выступает способность к фильтрации потока информации, самоочищению от избыточных и неактуальных сведений, проявляющаяся в феномене забывания. Величайшие умы цивилизации осознавали подобные нехитрые законы жизни и воплощали эту мудрость в своих творениях, подобно Гёте: «...И всё к небытию стремится, чтоб бытию причастным быть» [3, с. 109].

Что касается непосредственно категории *ничто*, то она представляется более коннотативно богатой, нежели понятие небытия. Полный объем *ничто* не исчерпывается соотношением с существующей реальностью и включает всю бесконечную совокупность предметов, форм и явлений несуществующей реальности – всё то, что было, будет, может быть, и быть не может. Ключевой производной понятия *ничто* выступает категория отсутствия, которая имеет свои модификации. Так, чрезвычайную значимость для культуры имеет такое явление, как смысло-несущее отсутствие, выступающее своеобразным апофатическим кодом – пустое пространство, пробелы, паузы, умолчания, несмотря на «небытийную» компоненту, не только делают возможными мышление, речь и создание произведений искусства, но и наполняют их особой содержательностью. Эта идея находит отражение во многих памятниках древней мудрости, одним из таких примеров может служить известная метафора из великого трактата «Дао дэ Цзин»: «Из глины делают сосуды, а употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, а пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность чего-либо имеющегося зависит от пустоты в нем. Вот что значит полезность бытия и пригодность небытия» [4, с. 15].

Значимым оказывается смысловое отсутствие в тандеме с апофатическими определениями и при дефинировании различных феноменов. Самым элементарным определением любой вещи или реалии окружающего мира можно считать экспозицию того, чем данный объект не является. Это широко распространенная дескрипция феномена через *иное*, когда мы, фактически, обозначаем внешние границы бытия вещи. Этот метод активно употребляется в философии и теологии, поскольку наиболее адекватен применительно к предельным понятиям, абсолютам и

универсалиям, не поддающимся релевантной вербализации в силу бесконечности смыслов, заключенных в одной лексеме. Эта методологическая стратегия когда-то сформировала целое направление в богословии – апофатическое, воспринятое многими религиозными традициями, пытающимися определить Бога через тотальное отрицание всего, причастного миру, для того чтобы показать совершенную трансцендентность божественного. При этом существенно то, что в теологии и в мистической философии отрицательное дефинирование Бога как запредельной для разума и недоступной для мышления сущности, оказывается конституированием первичности отсутствия, выражаемого частицей *не*, в качестве аутентичного фундамента бытия и истока материальности мира (в этом ракурсе воспринималась и греческая материя – теон, буквально означающая *несущее*).

Существует целый ряд мыслителей, преимущественно представляющих религиозную философию и теологию, которые напрямую соотносили перводанное Ничто с божественностью, более того, определяли Бога как Ничто, подобно Дионисию Ареопагиту. Среди столь метафизически настроенных умов не только средневековые мистики (М. Экхарт, Я. Бёме и др.), но и отечественные философы, тяготевшие к религиозной традиции – С. Булгаков, С. Франк, Н. Бердяев. С. Булгаков, называя Бога одним из модусов абсолютного Ничто, резюмировал: «В Ничто рождается всё, и в этом смысле оно есть всё в его единстве. Родится не только мир, но и бог, ибо и бог здесь рождается в Ничто и из Ничто» [5, с. 253].

Значимость понятия *ничто* и сопряженной с ним категории небытия наглядно демонстрируется и в контексте эвристической активности и когнитивной проблематики. В самой попытке постижения первопринципов мироздания, в процессе осмысления окружающей реальности, уже заключено утверждение великой тайны, признание своеобразного небытия знания, которое человек и стремится преодолеть в многочисленных формах познавательной деятельности – философских, научных, религиозных. Т. Гексли провозглашал: «Знание конечно, незнание бесконечно; в интеллектуальном отношении мы стоим на островке посреди бесконечного океана необъяснимого» (цит. по: [6, с. 434]). Разум обречен на эту устремленность к недостижимому горизонту и непрекращающееся странствие по узкой тропе, прокладываемой через необозримые равнины незнания. Чем с большим объемом знаний сталкивается человечество в современном информационно перенасыщенном мире, тем лучше оно осознает всю их ничтожность по сравнению с беспредельностью непознанного, убеждаясь, что ситуативные иллюзии всезнания – это всегда признак ограниченности ума. В этом смысле весьма показательна модель «ученого незнания» Н. Кузанского как идея перманентной тяги к мудрости, которая не может быть удовлетворена: стремление к всеобъемлющему знанию дает понимание невозможности его обретения и в новом свете представляет образ незнания как чистой потенции, в которой заключено всё [7]. В системе Кузанского абсолютный минимум совпадает с максимумом, тотальное незнание тождественно совершенному знанию, а ничто латентно содержит в себе всё, тем не менее это не делает мир понятнее, поскольку тайной остается точка взаимоперехода одного в другое.

Вышеобозначенные аспекты и проявления *ничто* дают не просто теоретическое понимание, но острое ощущение специфичности понятия *ничто* и связанного с ним небытия. Если опустить момент потенциальности, абсолютная небытийственность предстает как то, чего не было, нет и никогда не будет; в этом отношении оно неизменно, потому что нельзя изменить то, чего нет. *Ничто* онтологически первично, оно не является побочным эффектом или производной бытия, которое просто помогает ему проявиться, актуализироваться. Материя же выступает как своеобразная граница между бытием и небытием, чем-то и ничем, при этом она состоит одновременно из них обоих. И точка как минимальный фрагмент сущего, которое находится в миге от полного исчезновения, является, пожалуй, самым мощным и емким символом, разграничивающим *ничто* и *нечто*. *Ничто*, несмотря на абсолютную стерильность и отсутствие денотатов, многогранно в своих проявлениях: оно оказывается и способом существования небытия, и выступает как отрицание определенности, сущности. В современном мире, обогащенном фантастическими открытиями науки и столкнувшимся с пустотой постмодернистского нарратива, на наш взгляд, в понятии *ничто* открываются дополнительные смысловые лакуны, ставшие атрибутами культуры в XXI в.

Итак, *ничто* – это в буквальном смысле метафизическое понятие, соотносимое с небытием сущего как такового и постулирующее отсутствие, отрицание бытия в любых его проявлениях; оно выступает в качестве всеобъемлющей негации и воплощает негативность как принцип. Часто говорят о *ничто* предметном, представляющем релятивность небытия, возникающего в пространственно-временном континууме, и *ничто* фундаментальном, беспредметном, корреспондирующим к понятию абсолютного небытия.

Ничто может квалифицироваться как привативная категория, выражающая отрицание некой сущности и определенности в целом, а так как целостность сущности и бытия составляет сущее, то *ничто* оказывается непосредственным антиподом сущего, другим полюсом мира предельных абстракций. Существуют две традиции трактовки *ничто*: первая рассматривает данное понятие тождественным идее небытия, вторая указывает на необходимость их дифференциации в связи с разностью смыслов отрицания. Аргумент второго направления представляется вполне целесообразным, поскольку даже на уровне формальной семантической наполненности *ничто* – более масштабный языковый символ, который не сводится только к отрицанию существования, как это приписывается понятию небытия.

В XX в. в связи с расцветом аналитической философии и увлечением лингвистическими играми категория *ничто* вообще была низведена до уровня языкового знака, термина, не имеющего денотата. Утверждалось, что как чистая негация данное понятие содержится лишь в языке, носит формально-логический характер – поскольку оно элиминирует всякую определенность, характеризующую бытие любой вещи, постольку *ничто* не существует. Эта позиция перекликается с парменидовской максимой о несуществовании небытия, однако в современной интерпретации вскрывается более глубокий аспект: *ничто* аннигилируется не только на онтологическом уровне, но и умалывается его полноценность как символа, так как «он не выполняет роль подлинного знака» [8, с. 169]. Данный подход вводит в контекст осмысления своеобразный антропный фактор, утверждая, что *ничто* явлено в мире только благодаря человеческой способности к отрицанию – *ничто* нет, но язык и мышление наделяют его виртуальным бытием и даже создают его модификации при осуществлении акта негации.

Несмотря на всю свою проработанность и логическую последовательность, эта позиция в толковании *ничто* не является самой распространенной и популярной. Гораздо более традиционным и расхожим считается классическое понимание сущности *ничто*, рассматривающее данную категорию как базовую универсалию и ключевое понятие онтологии наравне с бытием, сущим, Богом и т.д. Эта точка зрения была близка многим прославленным философам прошлого, среди которых Платон, Гегель, Хайдеггер, Сартр и другие, всем строем своей мысли опровергавшие знаменитую античную формулу о невозможности возникновения чего-либо из ничего, ставшую идиомой благодаря Лукрецию – *nil de nihilo fit*. Так, например, в философской системе Гегеля имеются три основополагающие универсалии – *бытие*, *ничто* и *нечто*, при этом *ничто* эксплицируется как «простое равенство с самим собой, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания» [9, с. 69]. *Nichts* предстает как второе после чистого бытия понятие гегелевской логики, квалифицируемое в качестве антитезиса первой категории. Гегель заявляет, что чистое *ничто* есть полное отсутствие определений и, значит, является совершенно тождественным чистому бытию. Переход понятия в свою противоположность мыслитель объясняет через введение идеи становления, уточняя, что «каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности» [9, с. 69]. Вполне закономерным, учитывая общий характер и направленность его философии, было обращение к проблематике *ничто* и М. Хайдеггера – *Dasein*, его «выдвинутость» в *ничто* и их взаимное соотношение с бытием и сущим составляли предметный интерес «философа в берете». Он спрашивает: «Как обстоит дело с этим Ничто?» [10, с.25], – по мнению Хайдеггера, наука, по определению, не занимается такими вопросами, ибо ее интересует сущее, а *ничто* она просто зачеркивает, объявляя его несуществующим. Тем не менее, отвергая *ничто*, наука все же нуждается в этой категории хотя бы формально, для построения фраз, содержащих отрицание. Сама возможность вопроса, напрямую коррелирующая с вопросом Лейбница о том, почему существует *нечто*, а не *ничто*, во многом обосновывает для Хайдеггера его правомерность. Нашей целью не является анализ интерпретации данной категории отдельными мыслителями, но нам бы хотелось обратить внимание на то, что утвер-

ждения Хайдеггера об онтологических и гносеологических притязаниях науки не соответствовали действительности уже в XX в., а сегодня в свете невообразимых открытий в сфере квантовой теории поля и физики элементарных частиц подобные заявления являются ошибочными.

В современном мире понятие *ничто* имеет весьма важное теоретическое значение в естественных науках, оставаясь принципиально неverifiedируемым. В физике, например, неоднократно предпринимались попытки дифференцировать понятия *вакуума* и *ничто*, определить специфику идеи пустого пространства и его соотношения с базовыми космологическими терминами. В частности, вакуум эксплицируется как отсутствие в пространстве вещества как такового, тем не менее уточняется, что в вакууме не просто существуют различные поля, но и происходят непрерывные процессы возникновения и аннигиляции элементарных частиц. Если представить, что в пространственно-временном континууме отсутствует любая материя и энергия, что невозможно в соответствии с физическими законами нашей Вселенной, он предстанет как идеальная пустота, в которой можно разместить любой объект, однако универсум является структурой, в которой проблематично найти место для *ничто*. Согласно принципу суперпозиции, при наложении одного поля на другое и возникшего между ними взаимодействия, теоретически возможно достичь в отдельном фрагменте пространства напряженности поля равной нулю, но на практике всё обстоит гораздо сложнее – данное допущение не действует в нелинейных теориях и не выполняется на микроуровне, например, при контакте атомов.

Экспериментально подтвердить или опровергнуть существование пустоты невозможно, поскольку пустота нематериальна и не может быть подвергнута наблюдениям, поэтому гипотезы относительно ее статуса остаются на периферии научного познания. Аналогично и *ничто* в современной физике оказывается в большей степени чистой идеей, неким символом и знаковым выражением, обозначающим отсутствие вообще всего – не только материи, энергии, полей, но и фундаментальных категорий, определяющих человеческое мышление – пространства и времени. Тем не менее образ абсолютного *ничто* как несуществования чего бы то ни было будоражит умы современных физиков, столкнувшихся с совершенно немислимыми фактами о структуре мироздания, вызывая у некоторых рефлексии невероятной философской глубины. Эти размышления ещё более обостряются за счет перманентной, скрытой и явной, полемики ученых с религиозным креационизмом: «Время и пространство способны возникать спонтанно и теперь нам твердят, что и это “ничто” – совсем не то “ничто”, которое требуется. Нам твердят, что избавление от “настоящего ничто” требует Божественной воли» [11, с. 23].

В современной космологии сегодня представлено огромное количество концепций, более или менее правдоподобно объясняющих происхождение Вселенной и биологической жизни. Причем самыми авторитетными и проработанными теориями являются те, которые предлагают модель, берущую в качестве точки отсчета *ничто*. В соответствии с этими сценариями, из *ничего* непосредственно и самопроизвольно возникает материальный мир как реализация предвакуумного состояния, воплощение геометродинамики, развертывание единого суперполя и т.д., а на определенном этапе развития физической реальности, согласно антропному принципу, возникают человек и сознание. Совокупность эмпирических данных и теоретических расчетов позволила сделать общий вывод, что в прошлом наша Вселенная имела неизмеримо малые размеры и некое общее единое начало, получившее название точки космологической сингулярности, которая часто сопоставляется с *ничто*.

Примечательно, что в физике предпринимались попытки разработки теорий формирования Вселенной не просто из квантового вакуума, который давно квалифицируется как *ничто*, но из *абсолютного ничто* – состояния, в котором нет ни материи, ни пространства, ни времени. Наиболее известной и резонансной среди них является концепция квантового туннелирования А. Виленкина, однако и она обнаруживает много противоречий, слишком вольных допущений и несоответствий. Сам Виленкин не единожды обращает на это внимание в своих работах: «И вместе с тем состояние “ничто” нельзя определить как абсолютное небытие. Туннелирование описывается законами квантовой механики, а значит, “ничто” должно подчиняться этим законам. Законы физики должны существовать, несмотря на отсутствие вселенной» [12, с. 233]. Само применение известных физических законов при построении гипотезы, апеллирующей к предельным метафизическим сущностям, на наш взгляд, изначально дезавуирует идею и непосред-

ственное содержание теории, разрушая ее концептуальную основу. Однако методологически сегодня важен следующий момент: на фоне обнаружения свидетельств и косвенных аргументов в пользу инфляционного происхождения Вселенной и возможности появления реальности в результате квантовых флуктуаций всё больше физиков сходятся во мнении, что *ничто* – вероятно, единственное понятие, которое соответствует всем требованиям и условиям к начальной точке возникновения мира.

Существенной категорией выступает *ничто* и в математике, в контексте которой данное понятие всегда ассоциировалось с нулем. Как торжественно провозгласил американский математик Ч. Сейфе, «Вселенная начинается с нуля и кончается нулем» [13, с. 265]. В этом смысле для точных наук знаменательным событием стали первые проблески формирования идеи нуля, который изначально был введен в утилитарных целях и использовался в качестве символа-заполнителя для обозначения пустого места при счете. Примечательно, что ноль для культуры открыли не западные, а восточные умы – впервые ноль стали применять вавилоняне в своей шестидесятеричной системе приблизительно в 300 г. до н.э.; в исходной версии обозначаемый двумя клинышками, он был структурным элементом своеобразного «компьютерного кода» древнего народа. Независимо от них Древняя Индия активно употребляла ноль в рамках десятичной позиционной нумерации, – показательно, что данное число графически передавалось в виде крупной точки, а его наименование с санскрита переводилось как *пустота*. Существуют также свидетельства того, что майя использовали знак, эквивалентный нулю, при создании своего солнечного календаря для выражения нулевого года. В Европу ноль пришел достаточно поздно, это связано с тем, что греческие мудрецы долгое время отказывались использовать его в своих записях – по мнению Сейфе, ноль олицетворял для них первозданный хаос и пустоту, что противоречило ментальности древних греков с их установками гармонии и красоты, но как раз было близко восточному мировосприятию. Даже обширная деятельность античных корифеев математики, таких как Пифагор и Архимед, не способствовала тому, чтобы западный мир принял ноль. Тем не менее в Средние века через арабских ученых эта загадочная цифра всё-таки попала в Западную Европу. Как видно, отождествление *ноля* с *ничто* имеет тысячелетнюю традицию и накладывает отпечаток на его свойства – уже в древности было замечено, что *ноль* и *ничто* бесконечно делимы, могут при этом образовывать многообразные изощренные системы, оставаясь в то же время ничем. Пустое множество бессодержательно, благодаря чему вездесуще, поскольку как подмножество входит в любую систему. Когда-то просочившись в математику, *ничто* стало ее неотъемлемым, структурообразующим принципом – сегодня без него немислим математический анализ, программирование и другие разделы точных наук.

Как следует из этого краткого обзора, понятие *ничто* настолько многопланово и универсально, что к его осмыслению неизбежно обращаются не только философы, но и представители науки, теологии и, конечно, искусства, для которого *ничто* давно приобрело концептуальную значимость (достаточно вспомнить «Черный квадрат» К. Малевича). Каждая из этих сфер настолько многообразна и безмерна, что предполагает отдельное предметное рассмотрение категории *ничто* в ракурсе определенной культурной парадигмы. Нашей целью в большей степени было показать, что разные измерения культуры в контексте проблематики *ничто* являются для философии богатейшим источником идей и теорий, вдохновляя рассматривать базовые понятия онтологии в новых ракурсах, дабы открыть их неизведанные грани. Ведь сегодня, как и столетия назад, разум по-прежнему бережит великий вопрос метафизики, озвученный Хайдеггером и не утративший своей весомости и актуальности: «Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?» [14, с. 87].

В век онтологического нигилизма и культурной безвекторности философия становится чем-то в высшей степени специфическим. Времена великих мыслителей и фундаментальных философских систем, видимо, безвозвратно канули в небытие. В этой ситуации энтузиазм вселяет лишь одно – то, что человека продолжают интересовать пресловутые «вечные вопросы» об устройстве и истоках мироздания, смысле сущего, конце мира и т.д. Прав был Хайдеггер, называя язык домом бытия. В этом смысле безмолвие – обитель *ничто*, ведь только молчание может адекватно выразить *ничто*.

В мире *ничто* все не явлено, это измерение нерожденного и канувшего, отжившего, неставшего, невозникнувшего и исчезнувшего. *Ничто* – не только совокупность отсутствующих признаков, но и интегральное выражение, так сказать, небытия без бытия; оно изначально, неопределенно, потенциально, метафизично, недоступно и непознаваемо. Ключевым параметром данного понятия оказывается его запредельность, трансцендентность для разума, бытия и мира в целом.

Предпринятая нами попытка в очередной раз попробовать прояснить феномен *ничто* в действительности малопродуктивна и гносеологически рискованна, поскольку сказать что-то о *ничто* в принципе невозможно. Чистое *ничто* (греческий *υκον*) также непостижим и немислим, как и чистое бытие, а само понятие *ничто* может рассматриваться только в соотношении с понятием бытия, ибо они онтологически связаны. Ведь Вселенная и всё, что в ней явлено, – это сочетание бытия и ничего, союз между «да» и «нет», «+» и «-», «1» и «0». При этом философия приводит ряд аргументов и логических свидетельств в пользу того, что *ничто* первичнее бытия, ибо оно порождает бытие, как и любое нечто, как и всё вообще, а создав мир – исчезает.

Ничто предстает одновременно как реальность отсутствия, несуществующая действительность, онтологическая неопределенность и небытие всякого нечто. *Ничто* можно рассматривать как начало и конец всего, первую и последнюю инстанцию, нулевую метку в системе координат, точку возникновения и завершения. Это основополагающая онтологическая универсалия и, будучи включенной в современную культуру в качестве понятия, референтного достижения науки, которая сегодня конструирует невообразимую картину мира, *ничто* способно, само оставаясь тайной, приоткрыть путь в иные миры.

Список источников

1. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 2007. 576 с.
2. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 157–165.
3. Гёте И.В. Избр. произведения. Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1977. 480 с.
4. Дао дэ Цзин. М.: Э, 2016. 320 с.
5. Булгаков С. Свет не вечерний: созерцания и умозрения. СПб. : Азбука, 2017. 672 с.
6. Судзуки Д.Т. Дзэн-буддизм: основы дзэн-буддизма. Практика дзэн. Бишкек : Одиссей, 1993. 672 с.
7. Кузанский Н. Об ученом незнании. М. : Академический проект, 2015. 161 с.
8. Канке В.А. Философия науки : краткий энциклопедический словарь. М. : Омега-Л, 2008. 328 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб. : Наука, 2005. 800 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. СПб. : Наука, 2007. 621 с.
11. Краусс Л. Всё из ничего: как возникла Вселенная. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 283 с.
12. Виленкин А.В. Мир множества миров. Физики в поисках иных вселенных. М. : АСТ, 2018. 288 с.
13. Сейфе Ч. Ноль: биография опасной идеи. М. : АСТ, 2014. 287 с.
14. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1997. 304 с.

References

1. *Philosophical encyclopedic dictionary*. Moscow: Infra-M Publ.; 2007. 576 p. (In Russ.).
2. Chanyshv A. N. Treatise on non-existence. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*. 1990;(10):157-165. (In Russ.).
3. Goethe I.V. *Selected works*. Minsk: BSU named after V.I. Lenin Press; 1977, 480 p. (In Russ.).
4. *Tao Te Ching*. Moscow: E Publ.; 2016. 320 p. (In Russ.).
5. Bulgakov S. *Non-evening light: contemplation and speculation*. Saint Petersburg: Azbuka Publ.; 2017. 672 p. (In Russ.).
6. Suzuki D.T. *Zen Buddhism: fundamentals of Zen Buddhism. Zen practice*. Bishkek: Odyssei Publ.; 1993. 672 p. (In Russ.).
7. Kuzansky N. *About scientific ignorance*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2015. 161 p. (In Russ.).
8. Kanke V.A. *Philosophy of science: a concise encyclopedic dictionary*. Moscow: Omega-L Publ.; 2008. 328 p. (In Russ.).

9. Hegel G.V.F. *Science of logic*. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 2005. 800 p. (In Russ.).
10. Heidegger M. *Time and Being: articles and speeches*. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 2000. 621 p. (In Russ.).
11. Krauss L. *All from Nothing: how the Universe came to existence*. Moscow: Alpina non-fiction Publ.; 2020. 283 p. (In Russ.).
12. Vilenkin A.V. *The world of many worlds. Physicists in search of other universes*. Moscow: AST Publ.; 2018. 288 p. (In Russ.).
13. Safe Ch. *Zero: biography of a dangerous idea*. Moscow: AST Publ.; 2014. 287 p. (In Russ.).
14. Heidegger M. *Introduction to metaphysics*. Saint Petersburg: Higher Religious Philosophical School Press; 1997, 304 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.B. Перекрестова – аспирант кафедры философии и мировых религий.

Information about the author

A.V. Perekrestova – Postgraduate, Department of Philosophy and World Religions.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 09.10.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 572.1/.4
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-40-46

ВИРТУАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ИГРОИЗАЦИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОРОДОВ

Елена Евгеньевна Тебякина

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии
А. В. Хрулёва, Санкт-Петербург, Россия, Elenasofos@gmail.com

Аннотация. Анализируется влияние фактора виртуальности на изменение современного городского пространства. Рассматривается история и эволюция городов от Античности до современности, выявляются отличительные признаки городской среды и жизненного пространства горожан в каждую эпоху, включая наше время. Описываются проблемы, волновавшие урбанистов в разные исторические периоды, в частности вопросы, связанные как с изменением облика городов под влиянием виртуальной среды, так и смещением основных городских функций от политической и экономической к культурной и туристической.

Основным фактором выбора места жительства для человека нашей эпохи становится не центральное положение города, а привлекательность по качеству жизни, поскольку, благодаря возможности удаленной работы, отпадает необходимость жить в столичном многомиллионном городе с транспортными и экологическими проблемами. Эти и другие факторы кардинально меняют облик современных городов, заставляя их модифицироваться, чтобы не отстать от других в обеспечении высокого уровня жизни своих жителей. Однако нельзя сказать, что этот процесс не встречает определенных трудностей и проблемных моментов.

Ключевые слова: городская среда, креативность, виртуальность, антропотехники, городские пространства, урбанистика, социальное пространство, города-утопии

Для цитирования: Тебякина Е. Е. Виртуальность городской среды: игроизация и цифровизация городов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 40–46.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE VIRTUALITY OF THE URBAN ENVIRONMENT: GAMIFICATION AND DIGITALIZATION OF CITIES

Elena E. Tebyakina

Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev, Saint Petersburg,
Russia, Elenasofos@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the virtuality factor influence on the change in modern urban space. The history and evolution of cities from Antiquity to the present is considered, the distinctive features of the urban environment and the living space of townspeople in every era, including our time, are revealed. The author describes what problems urbanists worried about in different historical periods. Actual urban studies are often concerned with issues related to both the change in the appearance of cities under the influence of the virtual environment, and the shift of the main urban functions from political and economic to cultural and tourism, as well as the problems and difficulties associated with this circumstance. The main factor in choosing a place of residence for a person of our era is not the central position of it in the city, but the attractiveness in terms of the quality of life, since, thanks to the possibility of remote work,

© Тебякина Е. Е., 2021

there is no need to live in a multi-million dollar city with transport and environmental problems. These and other factors are fundamentally changing the appearance of modern cities, forcing them to modify in order to keep up with others in ensuring a high standard of living for their residents. However, it cannot be said that this process does not face certain difficulties and problematic moments.

Keywords: urban environment, creativity, virtuality, anthropotechnics, urban spaces, urbanism, social space, utopian cities

For citation: Tebyakina E. E. The Virtuality of the Urban Environment: Gamification and Digitalization of Cities. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2021;(4):40-46. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Современная эпоха – это эпоха городов. Они выступают не только политическими и экономическими, но и культурными центрами жизни людей. Как изменится городская среда под влиянием фактора виртуальности? Сохранят ли столичные города свое значение? И какие тенденции в современной урбанистике окажут наибольшее воздействие на развитие городской культуры и общества? Осмыслению этих и ряда других вопросов будет посвящено наше исследование. Анализ любого феномена повседневности (в том числе и городской) сегодня сложно представить полноценным только в рамках одной дисциплины. Поэтому осмысление городского пространства и связанных с ним изменений антропологического характера необходимо осуществлять в междисциплинарном поле урбанистики и философской антропологии, т. е. посредством изучения представлений о новом понимании меняющегося места людей в мире виртуальности. В ходе исследования планируется использовать герменевтический метод для интерпретации источников в духе научной парадигмы, компаративный метод для работы в обоих дисциплинарных полях – урбанистики и философской антропологии, а также диалектический подход для синтеза новых форм знания по рассматриваемым вопросам.

История городов и городского пространства

Жизнь современного общества невозможно представить без городской среды, которая формирует особое социальное пространство, объединяющее жителей и включающее в себя историю становления и развития города, урбанистические решения разных эпох, культурные, милитаристические, политические и экономические факторы общественной жизни, а также формальное и неформальное восприятие его самими горожанами. Социальное пространство городов постоянно создаётся и изменяется под влиянием различных социальных и экономических факторов и составляет тем самым совершенно особенное – уникальное – пространство города. Одно из самых точных определений города как явления даёт французский философ и социолог А. Лефевр: «Теперь представим себе город, пространство, оформленное, отделанное, полное разнообразной социальной активности, развёрстывавшейся в ходе исторического времени» [1], т. е. только синтез социальной активности и её разворачивание в историческом процессе создают характерные особенности городов и позволяют им играть ведущие роли в человеческой истории. Ведь именно города выступали колыбелью цивилизации и культуры на протяжении тысячелетий мировой истории, а городские жители по сравнению с жителями сельскими вели более активную политическую, экономическую и культурную жизнь. Как отмечает известный исследователь-урбанист, создатель особого направления в философской антропологии – антропологии города М.С. Уваров, «городская культура даёт своеобразные образцы возвращения Homo Faber – человека-творца» [2, с. 29].

Древние города Античности составляли центр греческого мира, а имея замкнутую полисную систему социального устройства, представляли собой целое государство, со своим экономическим укладом и политической жизнью. Средневековые города выглядели как крепости с необходимыми запасами продовольствия и боеприпасов, способные выдерживать оборону и защищать своих жителей. Однако центром средневековых европейских городов становилась уже не публичная политическая жизнь граждан на собраниях, а их духовное спасение под сенью храма. Средневековый город, обнесенный крепостной стеной, в самом своем сердце имел храмовую постройку с рыночной площа-

дью перед ней. Как отмечает известный отечественный философский антрополог Б. В. Марков, именно храм и рынок становятся социальным и политическим центрами средневековых городов, выполняя не только экономические и идеологические, но и консолидирующие функции [3].

На рыночной площади горожане обменивались новостями, глашатаи провозглашали королевские указы, устраивались места судов и казней и многое другое. Весь средневековый городской мир был сконцентрирован вокруг такого своеобразного духовно-торгового центра. Даже в процессе осады и штурма городов именно храмовые постройки выступали последним рубежом обороны и пристанищем для мирных городских жителей, спасавшихся от военных действий.

С развитием технологий и переходом к новому и новейшему времени города утрачивают (хотя и полностью не теряют) духовный и военный смыслы, но приобретают при этом совершенно иные – экономический и культурный. Возникает интерес к городскому пространству как особому жизненному феномену. Появляются разнообразные проекты идеального города, в котором социальная и политическая жизнь граждан находятся в гармоничном равновесии, а само городское пространство служит источником счастья и удовлетворения. Таковыми были мечты философов-утопистов (Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона, С. Де Бержерака и др.) об идеальном устройстве общества и, следовательно, городского пространства. Как пишет А. Тённесманн, «для мыслителей-утопистов Ренессанса идеальный город был любимой формой воплощения их мечты о счастье и порядке» [4, с. 132].

Города эпохи Возрождения и раннего Нового времени становятся центрами культуры, экономики и международной торговли, перераспределяя ресурсы и формируя новые экономические ниши. Кроме того, города продолжают сохранять своё политическое значение, а мировые столицы впервые после Римской империи вновь начинают олицетворять собой сущность и представление о государстве в целом. С дальнейшим развитием капитализма и переходом к индустриальному типу общества центральные столичные города теряют свои ведущие позиции в качестве промышленного центра и уступают место новым периферийным городским центрам, оставляя за собой руководящие и распределяющие функции. Организация городского пространства отныне больше не направлена на центр, а смещается на его периферию, где располагаются крупные промышленные предприятия, а значит, и вспомогательная инфраструктура (рабочие получают квартиры вблизи предприятий, общественный транспорт связывает между собой разные части города, позволяя его гражданам со всех точек и окраин добираться на работу). Близость водных ресурсов, железных дорог и автотрасс уходит на второй план, поскольку вырастает значение авиасообщения и организации внутренних транспортных развязок и автострад.

Возникают города, которые по сути являются гигантскими заводами, и вся жизнь их жителей становится подчиненной обслуживанию этих стальных гигантов (например, такие российские города, как Магнитогорск или Тольятти, Детройт в США и т.п.), а вся экономика – завязанной вокруг обслуживания машин и транспортировки или обработки продуктов ими произведённых. Но постепенно сменяется и индустриальная эпоха, приводящая в упадок заводские предприятия-гиганты, и на смену ей приходит совершенно новый тип сознания, деятельности и человеческого существования, основанный на постиндустриальном, информационном типе общества, когда жизнь каждого его члена переходит из реального в виртуальное пространство.

Современные российские исследователи-урбанисты выделяют три типа городов, исходя из способа внедрения городских инноваций и логики развития городской среды:

« – глобальные города-“магниты”, обладающие статусом столицы и/или крупнейшего экономического центра;

– города-“стратеги”, внедряющие инновационные концепции развития и ставящие приоритетом формирование высоких стандартов жизни на основе новейших технологий;

– города-“новаторы”, пережившие кризис (как правило, вследствие упадка традиционных секторов, на которых базировалась их экономика), но сумевшие применить новаторский подход в создании новых источников роста и привлечении необходимых ресурсов» [5, с. 33].

Современный город и его жители

Переход к новому типу жизненного уклада приводит и к появлению новых городских проблем. Как отмечает известный урбанист Ч. Лэндри, «в наши дни появились особые причины

для размышления о проблемах городов с точки зрения креативности и инноваций – или их недостатка. Сегодня многие города мира переживают переходный период, в значительной степени связанный с процессом глобализации» [6, с. 15]. И именно этот «переходный период» формирует совершенно новую модель организации городского пространства в соответствии с запросами общества нового информационного типа. Современный город должен стать не просто удобной для жизни средой с грамотной транспортной развёрткой, поддержанием зелёных экологических зон, гармоничным расположением вновь построенных жилищных комплексов и обеспечением транспортной доступности для всех его жителей, но и креативным современным пространством с зонами wi-fi и стабильным выходом в интернет.

Поскольку виртуальный мир оказывается непосредственным спутником жизни каждого современного человека, а его интернет-аватар (профиль в социальных сетях, адрес электронной почты и т.д.) превращается не просто в визитную карточку в сфере социальных взаимодействий (при знакомствах с новыми людьми, приёме на работу), но выступает реальным коммуникационным агентом в виртуальном пространстве, то и социальные запросы нового информационного мира будут направлены прежде всего на виртуального адресата, который строго не «привязан» к определенному реальному месту. Однако IT-технологии не только связывают людей по всему миру и предоставляют доступ к электронной информационной среде, но и активно развивают сферу развлечений (компьютерные игры, развлекательный контент в социальных сетях, видеохостингах и стриминговых сервисах), тем самым проникая во все сферы повседневной человеческой жизни и виртуализируя её.

Таким образом, с каждым днём остаётся всё меньше людей, которые бы не имели виртуального следа (страницы в социальных сетях, регистрации на форумах и сайтах, каналы на видеохостингах и т.д.), особенно среди жителей крупных городов нашей страны. Кроме того, в связи с последними событиями, связанными с пандемией, виртуальность продемонстрировала большие успехи по переходу на удаленный режим работы в самых различных сферах трудовой деятельности и явила огромный потенциал для дальнейшего развития сферы виртуального производства и возможности удаленной работы. В связи с этим меняется характер и реального пространства. А значит, и предъявляются принципиально иные требования к организации внутренней структуры современных городов, которые тоже включаются в игровую структуру виртуальности. Как отмечают исследователи, «новое творческое пространство не поддается логике старого мира потому, что правила жизни в таком городе изменяются, поэтому первым шагом должно быть осознание невозможности решения проблем нового мира старыми средствами» [7, с. 73].

Поскольку все более весомое место на рынке труда занимают профессии, ориентированные на виртуальную сферу, а трудиться и выходить в интернет можно из любой точки земного шара, равно как и работать на любую международную корпорацию, не привязываясь ни к месту, ни к стране проживания, то необходимо создать принципиально новую городскую среду, которая бы привлекала новых жителей, а значит, и позитивно влияла на экономику города и повышение комфортности городской среды. Но каким же образом привлечь и инвестиционный и интеллектуальный капитал в тот или иной город, если в общем смысле они станут равными по значению (например, место столицы страны станет не столь привлекательным, поскольку зачастую в столичных городах имеется большое количество проблем с транспортной доступностью, экологией, перенаселением, ценами на аренду и покупку жилья и т.д.)? Именно здесь обнаруживает себя игровой, постмодернистский характер современной культуры, способной превратить город в принципиально иное пространство праздника, фестиваля или инновационного пространства.

Ч. Лэндри приводит в качестве примера несколько европейских городов, которые благодаря креативности своих жителей и градоуправленцев обрели культовые мировые статусы. Так маленький английский городок Хей-он-Уай обрел статус международного книжоторгового центра с ежегодными книжными ярмарками, а также постоянным притоком туристов и расширением числа рабочих мест для местного населения [6]. Среди российских городов можно привести в пример Москву, ставшую центром молодежного и инновационного движения в России, и Санкт-Петербург, который не только позиционирует себя в качестве «культурной столицы», привлекающей туристов за счет богатой истории и культуры, но и создающей новые культурные события и объекты – форумы (например, Всемирный экономический форум), фестивали

(например, как включение Санкт-Петербурга в качестве участника международных фестивалей – Фестиваль красок, фестиваль «Опера всем», акция Музейная ночь, так и создание собственных фестивалей, например, фестиваль Ф.М. Достоевского, проект «Тридцать Три Знака» – размещение букв русского алфавита в разных местах Санкт-Петербурга).

Кроме того, практика проведения фестивалей сосредоточена не только в столичных центрах, но и распространена на всей территории России (Международный фестиваль «Архстояние» в парке Николо-Ленивец в Дзержинском районе Калужской области, представляющий собой открытую творческую площадку, праздник виноделия «Таманская лоза» в станице Тамань Краснодарского края, и др.). Как отмечает Г.Е. Гун: «Современный город представлен как рационально организованная территория, как средоточие производственного, политического и социокультурного потенциала. Он характеризуется высокими темпами научно-технического, промышленного и социального развития, мультикультурностью городской среды, гетерогенностью, атомизированностью и мобильностью населения» [8, с. 75].

Виртуализация городской среды

Актуальный урбанизм нового типа создает новый вид антропотехнических характеристик в контексте виртуализации публичного городского пространства. Виртуальность диктует новые правила игры, такие как появление точек wi-fi в кафе, общественном транспорте и публичных местах (парках, пляжах) в качестве обязательного атрибута. Таким образом городские пространства выполняют уже не просто свои непосредственные реальные функции (как парков и зон отдыха), но и удобного и экологичного пространства для удаленной работы. Город превращается в пространство виртуальной игровой среды с точками check point-ами и в виде точек wi-fi, лофтовых зон, будок мгновенной печати фотографий из Instagram на городских улицах как возможность реальной актуализации виртуальности, созданием новых мест культурного досуга и культурной памяти, а также необычных памятников (памятник гоголевскому Носу в Санкт-Петербурге, памятники Счастью в Томске и т.д.), что лишним раз подчеркивает игровой характер современной городской культуры и формирует новые экономические отношения, которые находят свою реализацию в виртуальной и психологической среде человеческого взаимодействия. Современные авторы определяют этот процесс следующим образом: «Новое восприятие современного человека в культурном пространстве изучает новая экономика – экономика ощущений» [7, с. 71].

Поэтому города сегодня также включаются в этот поток поставки эмоций и ощущений, превращая факторы повседневности в объекты культуры и туристические места (например, стилизованные кареты, которые курсируют по Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. Туристам предлагают прогулки «в дворянском стиле», т. е. продается не только услуга (прогулка по Дворцовой площади в карете), но целый аттракцион с погружением в историческую среду и причислением себя к высшему свету и дворянской аристократии).

Городской феномен Петербурга вообще представляет собой уникальное явление среди русских городов. С одной стороны, Петербург не является собственно русским городом, но при этом и не в полном смысле и городом европейским, скорее он воплощает в себе представление русского человека о Европе. С другой же стороны, поскольку город строился согласно четкому плану и урбанизировался в соответствии с замыслом, то все здания, расположенные на его территории (по крайней мере в центральной части города), имеют особое назначение и смысл. В петербургской архитектуре при оформлении исторического центра невозможны случайные постройки, и по настоящее время комитет по благоустройству Санкт-Петербурга тщательно следит и разрабатывает нормы по застройке центра города и его благоустройству. Именно поэтому Петербург является привлекательной культурной и туристической столицей России. Как отмечают исследователи-петербурговеды, «Петербург ещё и фотографичен в том смысле, что всякий отдельный сюжет и каждая отдельная деталь в нём требуют к себе внимания, призывают взглянуть в себя. Здесь нет второго плана, нет фона. В этом городе все здания одинаково разнообразны, а памятники – равно уникальны» [9, с. 78].

В современном мире жизненное пространство горожанина всё больше виртуализируется, и потому формируются новые механизмы идентичности, самопрезентации и новые техники тела

и антропотехники. Становятся обязательными электронные атрибуты – ноутбук, планшет, смартфон. Но и сама городская среда изменяется под влиянием виртуальности. В современной урбанистике и благоустройстве города разрабатываются проекты по оборудованию мест для фото, селфи, причём специальному благоустройству (например, установки тантамарески – стенда для фотосъёмки с отверстием для лица) подвергаются как уже существующие благоустроенные зоны, памятники архитектуры и т.п., так и специально созданные урбанистические пространства и лофты.

Городская среда обретает новый облик глобального и удобного мобильного офиса ещё и благодаря возможности удалённой работы. В туристическом отношении город становится игровым пространством по типу квеста – необходимо найти и сфотографировать все значимые городские пространства, которые выделяются не только исторической ценностью и сохранением наследия, но и культурной составляющей или претензией на креативность и молодёжность, а значит, и созданием чего-то принципиально иного, нового (разнообразные творческие мастерские, креативные пространства, фестивали ремесел и др.).

Кроме того, сохраняется тенденция микроисторичности и локальности, которые позволяют не только создавать музейные пространства на основе повседневных практик (широко распространён феномен музеев-квартир знаменитых деятелей культуры, писателей и поэтов, а также музей-кабинеты государственных деятелей), но и музеи, посвященные повседневным практикам (например, музей советских игровых автоматов в Санкт-Петербурге, музей мыла в городе Шуя, музей мировой погребальной культуры в Новосибирске) и необычным феноменам (музей эмоций, музей Lego, музей Coca-Cola, музей сновидений Зигмунда Фрейда в Санкт-Петербурге и др.), которые ранее не находили свое воплощение в пространствах краеведческих музеев. При этом и виртуальность начинает оказывать влияние на действительность – можно привести в пример известный недавний случай, связанный с парижским пожаром 2019 г. в соборе Нотр-Дам. Чтобы достоверно восстановить внутреннее убранство собора, реставраторы обратились, помимо исторических документов, к создателям компьютерной игры *Assassin's Creed Unity* (в частности, к художнице Кэролайн Миусс, потратившей больше двух лет на воссоздание полноценной виртуальной копии собора), которая может стать детальным образцом для реставрационных работ, проводимых в пострадавшем соборе [10]. Ещё одним примером виртуализации действительного пространства является наличие современных спутниковых карт (например, Google Maps), которые по своей сути являются точными компьютерными моделями городов, позволяющие жителям путешествовать виртуально, например, по мировым столицам – Риму, Парижу, Нью-Йорку, не выходя из собственного дома.

Заключение

В заключение следует отметить, что влияние виртуальной среды на непосредственно данную реальность, а также попытки превращения крупных городов в креативные пространства и культурные центры встречают как позитивный отклик, так и неодобрение самих городских жителей, поскольку вызывают неудобства (например, связанные с ограничением или перекрытием движения транспорта в местах проведения культурных мероприятий, привлечением большого количества посетителей в парках или скверах, реорганизацией привычных городских пространств и перепрофилированием их в новую сферу – например, создание лофтов, кофеен и музеев в бывших заводских помещениях и т.п.), кроме того, значительно возрастает фактор шумового загрязнения городских улиц, не только увеличением количества транспорта, но и за счет установки новых баннеров со звуковой рекламой, что негативно сказывается как на городской экологии, так и на здоровье горожан. Поэтому необходимо научиться бороться с негативными последствиями городского строительства и преобразования, а также сохранять баланс между культурным наследием прошлого и устройством современного модернизированного и виртуализированного города.

Список источников

1. *Лефевр А.* Социальное пространство // Неприкосновенный запас. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/soczialnoe-prostranstvo.html> (дата обращения: 16.07.2021).

2. Уваров М. С. Поэтика Петербурга : очерки по философии культуры. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 252 с.
3. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб. : Алетейя, 1999. 304 с.
4. Тённесманн А. Монополия: игра, город и фортуна / пер. с нем. А. В. Бояркиной. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. 216 с.
5. Бойкова М. В., Ильина И. Н., Салазкин М. Г. Будущее городов: города как агенты глобализации и инноваций // Форсайт. 2014. Т. 5, № 4. С. 32–48.
6. Лэндри Ч. Креативный город : пер. с англ. М. : Классика XXI, 2006. 399 с.
7. Кудашева Л. О. Современная урбанистика как ресурс формирования бренда города // Актуальные проблемы гуманитарных наук : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2012. С. 71–74.
8. Гун Г. Е. Урбанистика и художественная культура города // Вестн. Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1 (29). С. 74–77.
9. Аванесов С. С. Антропология города в трудах М. С. Уварова // Парадигма : философско-культурологический альманах. 2018. № 29. С. 76–87.
10. Нотр-Дам-де-Пари будут восстанавливать по компьютерной игре Assassin's Creed Unity // The Russian Times. URL: <http://therussiantimes.com/news/356976.html> (дата обращения: 18.07.2021).

References

1. Lefebvre H. *La production de l'espace*. Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/socialnoe-prostranstvo.html> [Accessed 16th July 2021]. (In Russ.).
2. Uvarov M.S. *Poetics of St. Petersburg: essays on the philosophy of culture*. Saint Petersburg, St. Petersburg University Press; 2011. 252 p. (In Russ.).
3. Markov B.V. *Temple and market. Man in advertising*. Saint Petersburg, Aletheia Publ.; 1999. 304 p. (In Russ.).
4. Tennesmann A. *Monopoly: Game, city and fortune*. Saint Petersburg, Publishing House of Ivan Limbach, 2013. 216 p. (In Russ.).
5. Boykova M.V., Ilyina I.N., Salazkin M.G. The future of cities: cities as agents of globalization and innovation. *Forsait = Foresight*. 2014;5(4):32-48. (In Russ.).
6. Landry C. *Creative city*. Moscow, Klassika XXI Publ.; 2006. 399 p. (In Russ.).
7. Kudasheva L.O. Modern urbanism as a resource for the formation of a city brand. *Actual problems of the humanities. Proceedings of the International scientific-practical conference*. Tomsk, 2012:71-74. (In Russ.).
8. Gun G.E. Urbanism and artistic culture of the city. *Vestn. Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv = Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2012;(1):74-77. (In Russ.).
9. Avanesov S.S. Anthropology of the city in the works of M. S. Uvarov. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh = Paradigm: Philosophical and Cultural Almanac*. 2018;(29):76-87. (In Russ.).
10. Notre Dame de Paris will be restored from the computer game Assassin's Creed Unity. *The Russian Times*. Available from: therussiantimes.com/news/356976.html [Accessed 18th July 2021]. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Е. Тебякина – кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Information about the author

E. E. Tebyakina – Candidate of Science (Philosophy), Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines.

Статья поступила в редакцию 14.08.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 14.08.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 001; 101.1
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-47-53

У ИСТОКОВ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА РГУ (ЮФУ): А. Н. СИНИЦКИЙ

Елена Альбертовна Чичина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, chichinaelena@mail.ru

Аннотация. Освещаются деятельность и творчество одного из деканов факультета философии Ростовского государственного университета в 70-е гг. XX в. Анатолия Николаевича Синицкого. Рассказывается о его жизненном пути, научных устремлениях, вехах его творчества, влиянии на процесс эстетического воспитания студентов, в связи с чем он осуществил в рамках РГУ проект общекультурной и гуманитарной подготовки. Говорится о необходимости эстетического образования в наши дни.

Ключевые слова: культура, философия, культурная подготовка, эстетика, эстетическое воспитание, художественное творчество, наука, моделирование в искусстве

Для цитирования: Чичина Е. А. У истоков философского факультета РГУ (ЮФУ): А. Н. Синицкий // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 47–53.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

AT THE ORIGINS OF THE FACULTY OF PHILOSOPHY OF THE ROSTOV STATE UNIVERSITY (SFEDU): ANATOLY SINITSKY

Elena A. Chichina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, chichinaelena@mail.ru

Abstract. The article is devoted to Anatoly Sinitsky's life and creative work. He was one of the deans of the Rostov State University's Faculty of Philosophy in the 1970s. The article runs about Anatoly Sinitsky's life path, his scholar aspirations, milestones in his career, and his influence on the process of university aesthetic education. Regarding the latter, he implemented a project of general cultural and humanitarian education at RSU. The article grounds nowadays need in aesthetic education.

Keywords: culture, philosophy, cultural education, aesthetics, aesthetic education, artistic creativity, science, artistic modeling

For citation: Chichina E. A. At the Origins of the Faculty of Philosophy of the Rostov State University (SFedU): Anatoly Sinitsky. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):47-53. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В 2020 г. философский факультет Южного федерального университета (ранее – Ростовский государственный университет) отпраздновал свое 50-летие. В статье директора Института философии и социально-политических наук (в прошлом – философский факультет) Е. В. Сердюковой и декана факультета, когда он назывался факультетом философии и культурологии, Г. В. Драча говорится: «Философский факультет Ростовского государственного (Южного фе-

дерального) университета стал самостоятельным подразделением 1 сентября 1970 года. У основания факультета стояли крупные учёные, известные в стране и за рубежом, а за прошедшие годы многие из молодых преподавателей и выпускников получили широкую известность и признание» [1, с. 87].

Наша статья посвящена одному из успешных руководителей этого подразделения РГУ – Анатолию Николаевичу Сеницкому. Он был деканом с 1972 по 1976 г. и заведующим кафедрой логики, этики и эстетики. Глубокий учёный и интересный человек, он внёс значительный вклад в развитие эстетики как науки и эстетического образования в университете, особенно ставшего востребованным в наши дни.

И обучаясь, и работая на факультете, я не могла не отметить своим тогда юным взглядом, что «чистые философы» относились порой с легкой усмешкой к «музыканту». Дело в том, что помимо философского образования А. Н. Сеницкий получил и музыкальное. А между тем еще А.-Г. Баумгартен – немецкий философ-просветитель, основатель эстетики как науки – говорил, что эстетик должен быть не только отвлеченным теоретиком прекрасного, но и практиком искусства. Именно таким не отвлеченным теоретиком был А. Н. Сеницкий. Он еще в детстве попал в школу музыкантских воспитанников, с 1956 по 1959 г. служил в Советской армии в военном оркестре, без отрыва от службы закончил музыкальное училище г. Новосибирска по классу кларнета, а с 1959 по 1962 г. был студентом Новосибирской государственной консерватории. В 1962 г. он досрочно и с отличием окончил обучение там по двум классам – кларнета и дирижирования. После окончания консерватории с 1962 по 1964 г. А. Н. Сеницкий работал руководителем духового и симфонического оркестров Дворца культуры «Академия» Сибирского отделения Академии наук СССР в Новосибирском Академгородке и параллельно с 1960 по 1964 г. был солистом оркестра Новосибирского театра оперы и балета.

А вот с 1964 по 1967 г. А. Н. Сеницкий проявляет явный интерес к философско-эстетической сфере и поступает в аспирантуру на кафедру философии и научного коммунизма Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева, где пишет диссертацию «О роли моделей и метода моделирования в искусстве» [2]. Защита состоялась на заседании диссертационного Совета по присуждению ученых степеней по историческим, филологическим и философским наукам при том же университете в 1967 г., А. Н. Сеницкому была присвоена ученая степень кандидата философских наук. Он исследовал проблему соотношения науки и искусства, отталкиваясь от рассмотрения её в античной философии и в практике художников Возрождения, постепенно подходя к попыткам ее решения в наше время как в философской теории, так и во взаимодействии отдельных наук и искусств.

В диссертации он сосредоточивается и на самих процессах, происходящих в науке и искусстве, и на логическом методе моделирования как элементе взаимосвязи науки и искусства, подмечая, что применение моделирования в науке отличается введением в исследование элементов художественного мышления, а его применение в искусстве оттеняет рациональный момент эстетического. Сущность моделирования для А. Н. Сеницкого состояла в замене реального объекта аналогом, что позволяло, с его точки зрения, лучше изучить отдельные стороны и функции какого-либо явления. По сути моделирование выступало у Сеницкого методом познания мира. Главная часть диссертации была посвящена специфике моделирования в искусстве. Автор рассматривал фундаментальные категории эстетики под особым углом зрения, связанным с моделированием, развивал их исследование. Так, сопоставляя понятие «художественный образ» с понятиями «модель» и «символ» в искусстве, он тем самым расширял толкование категории художественного образа.

С 1967 по 1968 г. А. Н. Сеницкий – старший преподаватель кафедры философии Ростовского музыкально-педагогического института (сейчас – Ростовская государственная консерватория имени С. В. Рахманинова). Таким образом, начиная с этих лет, он в своей деятельности стал на новом теоретическом уровне совмещать интерес к миру искусства и его изучению с точки зрения философии. С 1968 по 1979 г. работает на философском факультете РГУ. С 1974 по 1979 г. я была студенткой этого факультета. Анатолий Николаевич читал нам курс эстетики, а для специализирующихся по этой дисциплине – спецкурс, касающийся его основной темы: особенностей бытия искусства в век научно-технической революции, а также моделирования в искусстве.

А. Н. Сеницкий – автор диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук на тему: «Теория моделирования и искусство (логико-методологический анализ)», которая была им выполнена уже на кафедре философии РГУ. К сожалению, эта научная работа, успешно им защищённая, так и не была утверждена ВАКом. На мой взгляд, это произошло из-за боязни умаления в ней роли ленинской теории отражения, хотя Анатолий Николаевич никогда не являлся каким-либо диссидентом и всячески подчеркивал, что теория отражения ни в коем случае не заменяется теорией моделирования, а только дополняет ее. Однако ряд советских эстетиков были не удовлетворены тем ценностным подходом, который он развивал в своем докторском исследовании [3].

Особенно велика роль А. Н. Сеницкого в организации общегуманитарной и культурной подготовки в РГУ, которая понималась им как реализация подлинного эстетического образования. Как истинный просветитель, как сказали бы сейчас, он выступил автором перспективного проекта, а тогда говорили – программы общекультурной и гуманитарной подготовки (ОКГП). Суть этого проекта заключалась в том, что в учебный процесс всех факультетов университета внедрялось преподавание курсов по истории и теории разных видов искусств, что и осуществилось в конце 70-х – начале 80-х гг. и, конечно, благоприятно повлияло на формирование личности студентов, независимо от их специализации. Безусловно, Анатолий Николаевич преследовал и прагматические цели: наш факультет, наша кафедра и он сам получали возможность нестандартно и креативно заявить о себе в формате общеуниверситетских задач. Но еще он понимал, что погружение молодого человека в мир искусства, чему способствовала ОКГП, расширяет его когнитивные способности.

Не подлежит сомнению актуальность идей А. Н. Сеницкого и сегодня. Современное образование совершенно не включает в себя эстетическое воспитание, понимаемое нами как формирование вкуса, способность образно воспринимать мир, а следовательно, глубже понимать его. Нельзя отрицать, что молодые люди знают немало, но осознают ли они специфику искусства – вопрос. Впервые заговорил о роли человеческой чувственности уже упоминавшийся нами А. Баумгартен, и выделение именно ее главным предметом изучения создало эстетику как отдельную дисциплину. Также этому способствовал анализ категории вкуса. Так, одно из первых и блестящих, датированное 1757 г., исследований принадлежит Д. Юму [4, с. 721–744].

Главным средством формирования человеческой чувственности, а следовательно, главным средством эстетического воспитания выступает художественное творчество. Конечно, трудно не вспомнить в связи с этим мысль Э. В. Ильенкова – советского философа, о связи идей которого с нашим факультетом (сейчас – институтом) говорят многие ученые. Она высказана им в 1967 г. и остается существенной до сих пор [5, с. 224–276]. Ильенков во многом актуализировал идеи великого И. Канта. «Эстетическая природа фантазии» Э. В. Ильенкова – это своеобразная реинкарнация «способности суждения о прекрасном» кенигсбергского мыслителя. Ильенков подчеркивал, что для развития человеческой чувственности нет иного пути, кроме формирования вкуса на материале искусства, в чем и заключается, по его мнению, сущность эстетического воспитания.

Прерывание традиции эстетического воспитания как раз и сказалось на отрицании понимания искусства как условности, заложенной еще софистами («Искусство – это иллюзия, и лучше художник обманувший, и лучше воспринимаемый обманувшийся» – Горгий) и Аристотелем («Не так важно, если поэт не знал, что лань не имеет рогов, как то, если бы он представил ее несоответственно...») [6]. Новая культура (или посткультура) демонстрирует отсутствие способности образно видеть мир. Сегодня очень часто можно столкнуться с людьми, которые просто не понимают конкретно-чувственную природу искусства, т. е. художественную образность. Даже умные, глубокие люди видят в художественном творчестве только идейно-философское содержание, ищут в нем исключительно символы, а далекие от гуманитарного образования персонажи задают наивные вопросы, что «хотел сказать» художник в своем произведении и воспринимают искусство как «пересказ» каких-то реальных событий.

Такое неграмотное понимание мира образов, т. е. отсутствие эстетического воспитания, выступает базой нетворческого отношения к любой форме деятельности и, что особенно неприятно, дает повод для манипуляции сознанием. Яркий, эмоционально заряженный художествен-

ный образ легко становится ее средством, способствуя направлению общественной мысли в целях той или иной социальной группы [7]. Человек эстетически невоспитанный не осознает, что созданный художником мир – пусть и очень глубокий, только частный – один из многих ракурсов взгляда на жизнь, что при характеристике действительности и разнообразных процессов в ней необходимо учитывать и много других художественных оценок. Эстетическое воспитание, вырабатывая умение слышать многоголосицу искусства, учит смотреть на мир широко. Очень часто те или иные исторические события ассоциируются у нас с определенными образами, и число их, скажем прямо, не слишком велико. Мы полагаем, что в России это связано с колоссальной ролью литературы как общественной трибуны и в XIX, и в XX в., а также с трепетным отношением публики к художнику (гению), берущем свое начало еще с романтической традиции.

Властвующие элиты всегда и с удовольствием пользуются теми образами, которые репрезентируют их ценности. Так, радикальные критики советского периода русской истории неоднократно превозносили художественный мир романа В. Астафьева «Прокляты и убиты», в котором на основе личных впечатлений и собственных нравственных установок писатель-фронтовик рассматривает проблемы взаимоотношений людей во время Великой Отечественной войны, включающие конфликт между патриотизмом, православием и особенностями режима, установившегося в СССР в это время. В. Астафьев утверждает мысль, что для советских людей Великая Отечественная война была вовсе не великой отечественной, но наказанием Божиим за отказ от веры и принятие режима Сталина. Астафьев имеет на это право. Но это только один из взглядов на то время! Кроме Астафьева, о войне не менее насыщено и глубоко (и тоже не из Ставки, а в основном «из окопа») писали Ванда Василевская («Радуга»), Константин Симонов («Дни и ночи», «Солдатами не рождаются», военная лирика), Михаил Шолохов («Судьба человека», «Они сражались за родину»), Александр Твардовский (великий «Василий Теркин» и не менее великие экзистенциальные послевоенные стихи), Леонид Леонов («Нашествие»), Александр Фадеев («Молодая гвардия»), Эммануил Казакевич («Звезда»), Виктор Некрасов («В окопах Сталинграда»), Александр Бек (его книга «Волоколамское шоссе», кстати, была настольной книгой Кастро и Че Гевары), Виктор Курочкин («На войне как на войне»), Константин Воробьев («Крик», «Убиты под Москвой»), Юрий Бондарев («Берег», «Горячий снег»), Вячеслав Кондратьев («Сашка»), Владимир Богомолов («Момент истины», «Иван», «Зося»), Борис Васильев («А зори здесь тихие», «Завтра была война») и многие другие. Эстетически развитый (эстетически воспитанный) человек это знает, и его никогда не заставить «исповедовать» только взгляд В. Астафьева или, например, только В. Василевской; напротив, сочетание видения войны всеми этими и другими художниками делает его представление о трагедии человека в ее аду по-настоящему объемным, а значит, более правдивым и более справедливым.

В общем подлинное эстетическое воспитание, опирающееся на художественное творчество, позволяет человеку увидеть то, что в реальной жизни хитроумно скрыто. Оно учит приятию всей полноты жизни, а не того, что в творчестве того или иного художника услужливо подсовывает конкретная элита. Это хорошо понимал А. Н. Сеницкий. Конечно, необходимость эстетического воспитания, а также его реализация может быть осознана только при наличии соответствующего содержания современного образования. Если последнее будет ставить главными целями оказание образовательной услуги и воспитание конкурентноспособной личности, а не формирование всесторонне развитого человека, стремящегося реализовать собственные возможности и преодолеть отчуждение, то постановка вопроса о необходимости эстетического воспитания в его системе будет абсурдной. Во времена Сеницкого при встречавшемся тоже довольно часто формальном отношении к делу в идеале все-таки целью выступал человек. И если кто-то не согласен с этим тезисом, пусть укажет на то государство на земле, где человек обрел это свое идеальное воплощение. В Ростовском государственном университете человека полагали целью и его – да – воспитывали, а не позиционировали учреждение как средство предоставления образовательных услуг.

Хотелось бы отметить особенности эстетического образования на философском факультете в те давние годы. Помимо введения в учебный процесс РГУ в 70–80-е гг. системы общекультурной и гуманитарной подготовки, благодаря Анатолию Николаевичу специализирующиеся по эстетике на философском факультете слушали интересные курсы по истории изобразитель-

ного искусства Маи Яковлевны Малышевой, истории кино Елены Сергеевны Бережной (Христо), лекции по истории и теории музыки Евгения Георгиевича Шевлякова, Татьяны Геннадьевны Лешкевич, а также интереснейшие лекции самого А. Н. Сеницкого. Историю изобразительного искусства преподавала Антонина Арсентьевна Нарыжная – искусствовед, сейчас заместитель директора по научной работе Ростовского областного музея изобразительных искусств, эксперт по произведениям искусства. Еще одним специалистом в области эстетических наук была Лариса Ивановна Корсикова, сотрудник нашей кафедры. Об истории и теории кинематографа рассказывал Юрий Леонидович Яновский — писатель, критик, представитель отделения Союза кинематографистов в Ростове-на-Дону, директор ростовского Дома кино. Ю. Л. Яновский был еще одним из редакторов легендарной, известной тогда в стране Ростовской студии кинохроники и занимался пропагандой советского киноискусства на своем посту, организовывая встречи с известными деятелями нашего кино. О пропаганде советского киноискусства мы говорим безо всякой иронии, потому что считаем, что национальные культура и искусство – тот базис, благодаря которому формируется истинный гражданин страны.

В общем Анатолий Николаевич очень серьезно относился к организации учебного дела. Нелучайно руководитель школы дизайна Обнинского центра развития детского творчества «Эврика» А. Романов говорил: «Уважаемый мною Анатолий Николаевич Сеницкий, известный не только в Обнинске педагог, философ, общественный деятель, сравнивал в свое время хорошее учебное заведение с банкой с рассолом. Огурчики туда опустишь – зимой худо-бедно пропитаешься. И чем крепче “рассол”, тем лучше» [8]. Анатолий Николаевич – автор более 60 печатных работ по общей тематике «Моделирование и искусство». Надо учитывать, что это количество в доинформационную эпоху составляет весьма солидное число.

Впечатляет и научно-организационная деятельность А. Н. Сеницкого. С 1980 по 1982 г. он работал на Кубе советником ректора университета в г. Камагуэй. С 1984 по 1991 г. – заведующим кафедрой философии Университета марксизма-ленинизма при Обнинском ГК КПСС. В 1991–1994 гг. А. Н. Сеницкий – один из учредителей и ректор Обнинского гуманитарного университета. В период с 1984 по 1991 г. под его руководством и при его участии в Обнинске прошло немало очень интересных научно-методологических конференций и семинаров. В 1985 г. был проведен симпозиум «Взаимосвязь методологии и методов специальных наук» и состоялся Всесоюзный симпозиум «Закономерности и современные тенденции развития математики». В июне 1986 г. – Всесоюзная конференция, посвященная 30-летию г. Обнинска «Мировоззренческие и методологические проблемы компьютеризации современной науки».

В 1987 г. при его участии состоялась конференция «Методологические проблемы взаимосвязи фундаментальных исследований и разработки интенсивных технологий» (в рамках подготовки к VIII Международному конгрессу по логике, философии и методологии науки (Москва, август 1987 г.). В 1988 г. – конференция «Особенности современной естественнонаучной картины мира». В 1990 г. – конференция «Особенности современной социальной картины мира». В 1992 г. – совещание «Развитие технополисов, технопарков, инкубаторов бизнеса в научных центрах России». В 1994 г. А. Н. Сеницкий в качестве сопредседателя оргкомитета руководил подготовкой к проведению в г. Обнинске XI Международной конференции «Логика, методология, философия науки». Конференция стала крупнейшим философско-методологическим мероприятием первой половины 90-х гг. после распада СССР. Она была проведена в апреле 1995 г. после скоропостижной смерти А. Н. Сеницкого (родился он 21 ноября 1937 г. в селе Быстрый Исток на Алтае, скончался в 1994 г. в Обнинске).

Сегодня в ЮФУ, в ИФиСПН, интерес к гуманитарному знанию актуализируется, и «легкая усмешка чистых философов» канула в Лету, и хоть, к сожалению, после ухода А. Н. Сеницкого из университета общегуманитарная подготовка фактически завершилась – последующие руководители кафедры не проявили должного энтузиазма в продолжении этого дела, да и времена настали иные, – но вот в учебном плане нашего Института философии и социально-политических наук, преемника философского факультета РГУ, мир искусства сегодня представлен весьма широко. Так, автор этих строк читает курс по истории и теории мирового и отечественного кинематографа, Екатерина Юрьевна Липец рассказывает в своих лекциях о художественной культуре, а директор ростовского музея изобразительных искусств Светлана Вале-

рьевна Крузе – об искусстве Серебряного века и философии русского символизма. В общем сегодня отношение к искусству на нашем факультете (в институте) иное, и большое количество студентов выполняют свои квалификационные выпускные работы именно на этом материале.

Своеобразным продолжением эстетического воспитания и образования явилось открытие на нашем факультете в 2007 г. при активном содействии Таисии Сергеевны Паниотовой отделения искусства и гуманитарных наук, просуществовавшего по 2012 г. Это был замечательный опыт, пусть короткий и распространенный только на наш факультет. Таким образом, заслуга осознания того, что эстетическое воспитание, опирающееся на материал искусства, расширяет когнитивные способности человека и формирует интеллектуально и эмоционально развитую личность, которая всегда способна противостоять процессу манипуляции, безусловно, принадлежит одному из наших замечательных деканов Анатолию Николаевичу Синицкому. Именно формирование эстетического воспитания легло в основу его деятельности. Стремление к новациям А. Н. Синицкого наложило на сферу моих интересов в области эстетики, и я бесконечно благодарна этому человеку, поскольку всю свою жизнь в профессии занимаюсь любимым делом. Анатолий Николаевич Синицкий был настоящим педагогом, он помог мне с формулировкой темы и ее корреляцией с особенностями духа нашего сугубо теоретического факультета. Именно он предложил мне рецензентом человека, который занимался именно этой проблемой – кандидата наук, преподавателя Курского педагогического института Станислава Алексеевича Бабушкина, кандидатская диссертация которого называлась «Пространство и время художественного образа» (1971 г.).

Не только мне, но и многим молодым коллегам-единомышленникам Анатолий Николаевич Синицкий помогал совершенно бескорыстно, способствуя их вовлечению в круг общения серьезных специалистов. Так, лично мне запомнилась замечательная конференция в Казани, Всесоюзная школа молодых ученых и специалистов «Свет и Музыка» в 1979 г., о которой мне сообщил именно Анатолий Николаевич [9]. После пребывания там мне открылось очень много нового в эстетической сфере. На этом форуме я лично познакомилась с такими выдающимися персонами, как Лев Сергеевич Термен, создатель первого электронного инструмента «терменвокса» (thereminvox) в 1920 г.; этот инструмент Термен продемонстрировал не только когда-то В. И. Ленину, но и участникам конференции. На этом молодежном форуме я услышала доклад самого известного тогда эстетика СССР, доктора философских наук Юрия Борисовича Борева. Послушала ослепительно яркую и глубоко профессиональную лекцию искусствоведа, работника Эрмитажа Бориса Алексеевича Зернова, который для многих людей, близких к искусству, является олицетворением культуры великого города на Неве. Было очень интересно поговорить с одним из соучредителей этой конференции и одним из ее вдохновителей – художником, изобретателем и ученым Булатом Галеевым, работавшим в СКБ «Прометей» в Казани, и многими другими. На этой конференции мне запомнилось представительство всех республик СССР: там были участники из Эстонии, Украины, Белоруссии и всех других регионов Советского Союза. Конечно, не могу не отметить, что мое выступление на этой конференции и публикация тезисов по нему были первыми в моей жизни, и атмосфера благожелательности запомнилась мне навсегда. И все это произошло благодаря Анатолию Николаевичу.

Список источников

1. Драч Г. В., Сердюкова Е. В. Перелистывая страницы истории: к 50-летию создания философского факультета РГУ (ЮФУ) // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1. С. 87–93.
2. Синицкий А. Н. О роли моделей и метода моделирования в искусстве : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1967. 19 с.
3. Синицкий А. Н. Теория моделирования и искусство (логико-методологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Свердловск : Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1974. 43 с.
4. Юм Д. О норме вкуса // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1966. Т. 2. С. 721–744.
5. Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Искусство и коммунистический идеал : избранные статьи по философии и эстетике. М. : Искусство, 1984. С. 224–276.

6. *Аристотель*. Поэтика // Соч. : в 4 т. (1976–1983) / ред. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
7. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. URL: <http://www.kara-murza.ru/manipul.html> (дата обращения: 08.09.2021).
8. *Малявская С.* В поисках «золотого сечения». URL: <http://www.vest-news.ru/article/5380> (дата обращения: 08.09.2021).
9. Всесоюзная школа молодых ученых и специалистов «Свет и Музыка» (24 июня – 4 июля 1979 г.) : тез. докл. Казань : Изд-во Казанского авиац. ин-та, 1979. 175 с.

References

1. Drach G.V., Serdyukova E.V. Turning over the pages of history: commemorating the 50th anniversary of the Philosophical Faculty, RGU (SFEDU). *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of Caucasus*. 2020;(1):87-93. (In Russ.).
2. Sinitskiy A.N. *About the role of models and the method of modelling in the art*. Dissertation Thesis. Tomsk: Tomsk University Press; 1967. 19 p. (In Russ.).
3. Sinitskiy A.N. *The theory of modelling and the art (logical and methodological analysis)*. Dissertation Thesis. Sverdlovsk: Ural State University named after A.M. Gorkiy; 1974. 43 p. (In Russ.).
4. Hume D. About the norm of taste. *Essays*: in 2 vol. Moscow: Mysl' Publ.; 1966;2:721-744. (In Russ.).
5. Ilyenkov E. V. About the aesthetic nature of phantasy. *Art and communist ideal: selected works on philosophy and aesthetics*. Moscow: Iskustvo Publ.; 1984:224-276. (In Russ.).
6. Aristotle. *Poetika. Essays*: in 4 vol. (1976-1983). A. I. Dovatur, F.H. Kessidis, eds. Moscow: Mysl' Publ.; 1983;4. 830 p. (In Russ.).
7. Kara-Murza S. *Manipulating the Consciousness*. Available from: <http://www.kara-murza.ru/manipul.html>. [Accessed 8th September 2021]. (In Russ.).
8. Malyavskaya S. *The golden-section search*. Available from: <http://www.vest-news.ru/article/5380>. [Accessed 8th September 2021]. (In Russ.).
9. Light and Music. All-Union School of Young Scholars. 24th June – 4th July 1979. Abstracts of Reports. Kazan: Kazan Aviation Institute Press, 1979. 175 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Чичина – старший преподаватель кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук.

Information about the author

E. A. Chichina – Senior Lecturer of the Department of Culture Theory, Ethics and Aesthetics, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 101:323.1
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-54-63

РОЛЬ АРХЕТИПОВ, ЛЕГЕНД И СИМУЛЯКРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ТЕРРИТОРИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Леонид Сергеевич Яницкий¹✉, Никита Николаевич Равочкин^{2,3}

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, ideologie@mail.ru✉

² Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Кемерово, Россия, nickravochkin@mail.ru

³ Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

Аннотация. Исследуется вопрос о том, каким образом современная социальная философия способна решать актуальные практические задачи, что позволяет ей реализовывать не только теоретико-методологические, но и прикладные функции. Установлены связи между проблемами управления и языком. Анализируются возможности нарративов, которые являются мощным инструментом создания и моделирования реальности. Обоснована значимость исследования имиджа территорий как предметного поля современных социально-гуманитарных научных изысканий. На примере Кемеровской области показана роль различных типов историй, воплощенных в архетипах, легендах и симулякрах, на формирование имиджа рассматриваемой территории. Подтверждается, что в настоящее время истории зачастую подвергаются сомнению и могут формировать не позитивный имидж, а ту гиперреальность, которая порой не имеет ничего общего с региональными нарративами. Таким образом, проблема формирования имиджа территорий требует проведения дополнительного изучения, прежде всего в аспекте понимания их идентичности.

Ключевые слова: нарратив, архетип, имидж территорий, прикладная философия, общество, государство, легенда, идентичность

Для цитирования: Яницкий Л.С., Равочкин Н.Н. Роль архетипов, легенд и симулякров в формировании имиджа территорий: социально-философский анализ // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 54–63.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ARCHETYPES, LEGENDS AND SIMULACRIUMS ROLE IN TERRITORIES IMAGE FORMATION: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Leonid S. Yanitskiy¹✉, Nikita N. Ravochkin^{2,3}

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ideologie@mail.ru✉

² Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia, nickravochkin@mail.ru

³ Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

Abstract. The article examines the issue how modern social philosophy is able to solve urgent practical problems, which allows it to implement not only theoretical and methodological, but also applied functions. Having established connections between management problems and language, the authors

analyze the possibilities of narratives, which are a powerful tool for creating and modeling reality. The importance of studying the image of territories as a subject field of modern social and humanitarian scientific research has been substantiated. On the example of the Kemerovo region, the role of different types of stories, embodied in archetypes, legends and simulacres, on the formation of the image of the territory under consideration is shown. It is confirmed that at present, stories are often questioned and can form not a positive image, but that hyperreality, which sometimes has nothing to do with regional narratives. In conclusion, it is shown that the problem of forming the image of territories requires additional study, primarily in the aspect of understanding their identity.

Keywords: narrative, archetype, image of territories, applied philosophy, society, state, legend, identity

For citation: Yanitskiy L.S., Ravochkin N.N. Archetypes, Legends and Simulacriums Role in Territories Image Formation: Social and Philosophical Analysis. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):54-63. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Философию, даже современную, зачастую упрекают в излишней теоретичности и абстрактности. Тем не менее требования, предъявляемые к философии, подразумевают ее приложения в прикладных контекстах. В самом деле сегодня все чаще говорят о практическом характере философии, который проявляется не только посредством исполнения традиционной методологической функции, но и в предложении решений общих проблем в тех или иных сферах общественной жизни, будь то формулирование и последующая артикуляция ценностей или же выработка адекватных и релевантных принципов, обеспечивающих успех в конкурентной борьбе. Не вдаваясь в дальнейшие рассуждения о прикладных возможностях философии, укажем на ее внушительный в данном аспекте потенциал, поскольку вырабатываемые ею законы, категории и принципы применимы как для реальных повседневных проблем отдельного человека, так и для поиска и установлений всеобщей связи явлений.

Начнем с того, что философия управления является одной из активно разрабатываемых в равной мере зарубежными и отечественными исследователями, занятыми в глубинной проработке разделов прикладной философии, перед которой стоят наиболее актуальные проблемы, сопряженные с повышением конкурентоспособности в самых различных аспектах и срезах. Как известно, современный процесс управления неотделим от производства и дистрибуции целых потоков информации, что органически связано с языком. Интерес философии к различным лингвистическим исследованиям ознаменован целым «поворотом», состоявшимся в начале XX в. Переосмысление языка в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и прагматическом аспектах состоялось в связи с наступлением кризиса в классической онтологии. Фундаментальная роль лингвистического опыта сохраняется вплоть до настоящего времени [1]. Так, аналитическая философия является одной из наиболее авторитетных традиций не только в породившем ее англо-американском мире, поскольку ее идеи уже восприняты и приобрели значимость в некоторых странах континентальной Европы и России.

Связь языка и управленческой деятельности не может не порождать частные жанры дискурса. Так, одним из типов дискурса являются нарративы. Они не просто транслируют информацию и оказывают воздействие на адресата, но и моделируют определенные текстуальные реальности и создают целые картины мира. Философам-постмодернистам удалось сосредоточиться не только на темпоральных характеристиках дискурса, но также обнаружить высокий потенциал и внушительную объяснительную силу нарративов. В самом общем виде под нарративом принято понимать некоторое повествование, организованное вокруг определенных последовательных событий и осуществляемое в контексте, что не просто отражает позицию того или иного рассказчика, но и выполняет поясняющую функцию [2].

В наступившей постсовременности повседневность и самые различные исторические конструкции (мифы, сказки, биографии) и их интерпретации, которые ранее воспринимались всерьез преимущественно антропологами, сегодня вошли в круг внимания многих исследователей, предложив специалистам социально-гуманитарного профиля качественно иную оптику, суще-

ственно определившую «дух Новейшего времени» [2–4]. По замечанию В.Л. Лехциера, нарративы – это еще и «максимально гуманизированный научный дискурс» [4, с. 8].

Сегодня применение нарративов как формы социальной практики объективировалось и в управленческой деятельности, найдя свое воплощение в такой передовой технологии, как сторителлинг. Посредством выбора и комментариев практическое применение историй к социальному позволяет конструировать действительность и тем самым реализовывать ценностный подход к реальности. Ю.М. Беспалова отмечает, что, связывая воедино индивидуальные и социальные события и упорядочивая связи со временем и пространством, активный субъект способен осуществлять изменения и преобразования в обществе, при этом неизбежность множественных интерпретаций зачастую позволяет старым словам обретать новые смыслы [2].

При анализе управленческих процессов особое значение имеет понятие имиджа, который стал объектом исследований в социальных и гуманитарных науках только в XX в. и связан прежде всего с повсеместным распространением рыночной экономики. Так, в России «имидж» вошел в общеупотребительную практику лишь в 80-е гг. прошлого века. При этом можно обнаружить некоторое противоречие, ведь имидж государственных деятелей, главным образом вождей и элиты партийной номенклатуры, создавался еще в советское время, но скорее интуитивно, а не на научной основе. К примеру, имидж Сталина, вне всякого сомнения, четко формировался на протяжении нескольких десятилетий его правления, а над его созданием и корректировкой трудилась вся государственная пропагандистская машина. Аналогичное можно сказать и об имидже органов государственной безопасности, что подтверждается многочисленными эмпирическими фактами на протяжении всего советского периода.

Одним из новых для современной социальной философии становится решение таких нетривиальных задач, которые связаны с формированием имиджа территории, от которого зависит эффективность осуществляемых ею социальных коммуникаций, в том числе и на международном уровне. Именно нарративы приобретают сегодня инструментальное значение в управлении имиджем территории, поскольку они создают «репрезентации», позволяющие, по мнению Ф.Р. Анкерсмита, схватить исторический опыт и укоренить в сознании людей территориальную идентичность, которая является важнейшим символическим ресурсом [5]. Под имиджем территории будем понимать «состав устойчивых социальных представлений» [6; 7, с. 20] о ее месте в национальной геокультуре и мире. По нашему мнению, создать такой имидж, который бы позитивно работал на ту или иную территорию, – это сложный и многоступенчатый процесс. В логике нарративного подхода найти составляющие элементы имиджа возможно через обращение к традициям, событиям, представлениям, образам, впечатлениям, суждениям, стереотипам, мифам, ассоциациям и биографиям, связанным с этой территорией в массовом сознании.

Применительно к нашей тематике следует отметить, что если работа над формированием имиджа территории и велась, то в абсолютном большинстве случаев «советские имиджмейкеры» посвящали себя Москве, которая, по их мнению, одновременно являлась и столицей Советского Союза, и образцовым социалистическим городом. Так, например, в «Песне о советской столице» на стихи В. Лебедева-Кумача (1938 г.) выделяются главные сакрализованные, «заветные» имена соцреалистического канона: «Три слова народу заветными стали, // Большие, родные слова: // Нет имени выше, чем Ленин и Сталин, // Нет слова теплей, чем Москва». Такого рода пропагандистские тексты более или менее эффективно способствовали формированию желаемого имиджа как самих вождей, так и мест их обитания. Самоочевиден переход к современному пониманию имиджа в отечественном идеологизированном научном дискурсе. По мнению авторов, удачным комментарием по поводу пребывания советских гуманитариев в этой когда-то «Terra incognita» является фраза Р.М. Горбачевой: «Понимаете, никто не объяснил нам, что такое имидж. И, конечно же, мы наделали кучу ошибок» [8, с. 12].

Попытаемся показать значение различного рода историй, представляющих собой находящийся в глубинах коллективного бессознательного, но одновременно с этим целенаправленно организованный в целях обретения идентичности и релевантный объекту массив информации, в конституировании имиджа территорий. Для наглядности, которая бы подтверждала значимость заявленных в названии статьи феноменов в создании имиджа территорий, обратимся к тем, что связаны с регионом нашего проживания – Кемеровской областью – Кузбассом.

По нашему мнению, архетипы, легенды и симулякры едины не только в том, что в различном соотношении заполняют пространство абсолютно любой населенной территории, но и в том, что присутствующее в их структуре бессознательное, филогенетически врожденное и лежащее в основании психической жизни индивидов, помогает последним осмысливать реальность и включаться в нее. Мотивы по поводу последующего осознания объекта (в нашем случае территории) могут варьироваться от полного безразличия к нему до глубокого и всестороннего понимания скрытых связей. Таким образом, мы имеем дело с моделированием субъективной реальности и неизбежным размыванием первоначальных смыслов ввиду утраты референции.

Говоря об имидже, укажем, что он происходит от английского слова *image*, в свою очередь восходящего к латинскому *imago*, связанному со словом *imitare* («имитировать») и означает «образ». Любопытно, что процессы имитации и подражания начинаются еще в животном мире, являясь таким образом инстинктивными. У древних людей, причем, возможно, еще до появления *Homo Sapiens* существовала такая система представлений, как тотемизм, которая заключалась в возведении происхождения рода или племени к определенному первопредку, например животному; представители такой первобытной группы могли в ходе ритуалов подчеркивать свое сходство с этим первопредком. Одним из крупнейших отечественных специалистов по данной проблеме является С.А. Токарев. В работе о тотемизме он пишет: «Под этим термином принято разуметь деление племени на группы, связанные родством по женской или мужской линии, причем каждая из таких групп верит в свое таинственное родство с тем или иным классом материальных предметов – “тотемом” группы, чаще всего видом животных или растений; связь с тотемом обычно проявляется в запрете убивать его и употреблять в пищу, в вере в происхождение группы от своего тотема, в магических обрядах воздействия на него» [9, с. 51]. Ученый указывает также, что «с представлением о тотемических предках связана и другая идея ... – идея перевоплощения (реинкарнации). Тотемические предки считаются вечно воплощающимися в своих живых “потомках”, т.е. в членах тотемической группы» [9, с. 74]. При этом образ территории обитания племени связывался с тотемическим образом племени как «своя», «наша» земля, пронизанная мифологической образностью. Так формировалось то, что можно назвать архетипическим имиджем племени и его территории.

Будем руководствоваться значением термина «архетип» не столько в его юнгианском русле, тем самым понимая некую структуру коллективного бессознательного, общую для всех людей, сколько придавая ему смысл некоего архаического образа, коренящегося в общечеловеческой культурной традиции. Возникающие из коллективного бессознательного архетипы представляют собой стержневые элементы мифов и легенд.

В свою очередь важно указать и на отличия мифов от легенд, отождествление которых зачастую можно встретить в ряде научных работ, что, на наш взгляд, недопустимо. Несмотря на кажущуюся близость, мощную движущую силу и тот факт, что бессознательное участвует в процессах создания и мифов, и легенд, содержание последних, как правило, пусть и переплетается с вымыслом, но коррелирует с реальностью, тогда как сюжет когда-то созданных мифов может изменяться до неузнаваемости и вовсе не иметь отношения к действительности и не даваться чувственному восприятию. В отличие от мифов легенды не стремятся репрезентировать реальность во всей ее предельной полноте или вовсе предложить картину мира, но могут осветить отдельные эпизоды прошлого какой-либо социальной группы, представители которой наделяются сверхсилами, или же напомнить о сколько-нибудь значимом для конкретной территории природном событии.

Так как в архетипах заложена мощная сила внушения, то закономерно, что они используются при создании имиджа и в наше время. В качестве примера можно привести созданный Кузбасской медиагруппой в 2016 г. фильм «Дороги Тулеева» [10], в котором имидж бывшего губернатора Кемеровской области связывается с памятью о его предках и роде, а конфликты с главой Правительства РФ Егором Гайдаром в 90-е гг. объясняются родовой враждой: как рассказывается в фильме, дед Е. Гайдара, известный советский писатель Аркадий Гайдар, убил деда Амана Тулеева после Гражданской войны в России. Важным уточнением считаем, что в транслируемом различным целевым аудиториям образе А.Г. Тулеева очень часто прослеживались архетипические черты мудрого отца, заботящегося о народе Кузбасса, такой имидж отра-

жался и в средствах массовой информации, и в художественных произведениях. Известны, например, многочисленные стихи про Тулеева такого рода: «Ночь темна, ни шороха, ни шуму. // Над Кузбассом дымка и туман. // Думает свою большую думу // Губернатор области Аман» [11]. Здесь губернатор Кузбасса не спит ночами, размышляя о своем регионе, – и этот образ вызывает в коллективной памяти целого ряда социальных групп ассоциации с фигурой Сталина, который также часто изображался как мудрый вождь, который не спит ночами, думая о стране («И Кремль еще спит, как старший брат, // Но люди в Кремле никогда не спят» (Н. Тихонов). Подобная образность коренится глубоко в архетипических представлениях о мудром правителе.

Совершенно иначе ведется работа над выстраиванием фигуры нынешнего губернатора Кузбасса С.Е. Цивилёва, в его имидже несколько важных составляющих, сочетающих образы «бывшего морского офицера», «строителя», «примерного семьянина». Все эти аспекты имиджа губернатора также имеют архетипическую основу, например образ строителя, или еще шире создателя, восходит к фигуре такого известного библейского персонажа, как царь Соломон, который, как известно, построил Иерусалимский храм. Эта архетипическая основа имиджа мощно воздействует на массовое сознание, обращаясь к его глубинным первоосновам, позитивно воспринимаемым адресатом.

Необходимо подчеркнуть, что манипулирование коллективным бессознательным позволяет сконструировать тот или иной имидж вождя, отождествляемый авторами с образом и занимаемой позицией руководителя региона, поскольку приобретением идентификации со стороны населения это помогает превратить результат целенаправленной работы команды политтехнологов в реально работающий ресурс. В самом деле, в ходе предвыборной кампании С.Е. Цивилёва использовался целый ряд взаимосвязанных образов, оказавших существенное влияние на формирование новой территориальной идентичности: Кузбасс – «регион номер один», «регион шести морей» и т.п. Цивилёв сообщил, что Кузбасс – «это регион “шести морей”: именно через “шесть морей”, через терминалы, которые там находятся, реализуется наша продукция на экспорт» [12]. В другом случае нынешний губернатор Кемеровской области отметил, что «Кузбасс должен стать регионом номер один за Уралом по социально-экономическому развитию. Уверен, что мы это сделать можем» [13]. Становится ясно, что выбор данной стратегии для (ре)позиционирования всей территории Кемеровской области коррелирует с имиджем нового главы: история «региона шести морей» должна непременно ассоциироваться с вехами биографии самого Цивилёва, поскольку, как уже было сказано, он был именно морским офицером. В свою очередь дистрибуция идей о «регионе номер один» должна вновь вызвать у широкой аудитории патриотические чувства и гордость за Кузбасс. Однако любые истории могут быть интерпретированы по-своему, следовательно, неизбежны самые различные комментарии и оценки, их дополняющие. Так, в Интернете иронически переосмысливается морское прошлое С. Цивилёва, а некоторые пользователи вручают ему такие ярлыки, как «поставленный морячок». Прозвища руководителей, данные им народом, вообще представляют ценный материал для исследования их имиджа, так, например, за Аманом Тулеевым закрепилось прозвище «хан», которое, однако, использовалось многими кузбассовцами скорее с симпатией или с иронией, чем с осуждением. Соответственно, в эпоху правления Тулеева и Кузбасс приобрел качественно новые грани своего имиджа, когда и в народе, и в СМИ его стали называть «Сибирским ханством».

Любое позиционирование фигуры руководителя региона, оказывающего существенное влияние на имидж территории, начинается с нейминга, т. е. создания названия, имени, поскольку имя, еще согласно древним мифологическим представлениям, неразрывно связано с человеком и определяет его судьбу. Неслучайно Аман-Гельды Молдагазыевич Тулеев в общении с народом предпочитал использовать сокращенный вариант своего имени – Аман, считая его более подходящим для своего имиджа: «Родители дали своему сыну имя народного казахского героя-революционера Аман-Гельды. Но в Сибири, где более 30 лет живет семья Тулеевых, длинные восточные имена не приживаются в обиходе. Мунира Файзовна как-то сказала сыну: “Зовись, сынок, Аманом Гумировичем”. С тех пор так и пошло» [14]. Как говорил сам Тулеев, «мое имя Амангельды, по сути, является именем-пожеланием и в переводе означает “чтобы вернулся здоровым, невредимым, благополучным”» [15]. В основанном на интервью с Тулеевым фильме

по поводу имени политика говорится следующее: «Человек начинается с имени. Это начальная точка в судьбе каждого. Имя – это память, незримая связь с предками» [10].

Неслучайно также, что название «Кузбасс» было официально закреплено за Кемеровской областью в качестве ее второго наименования, в слове «Кузбасс» соединяются многочисленные важные смыслы и ассоциации, способствующие эффективному позиционированию региона. У бренда «Кузбасс» есть своя легенда, запоминающаяся история о регионе, согласно которой сибирский рудознатец Михайло Волков в XVIII в. плыл по реке Томи, и 11 сентября 1721 г. остановился, чтобы отдохнуть в районе нынешнего города Кемерово, развел костер и обнаружил «горючий камень», т. е. уголь. Легенда во многом является основой для концепции имиджа Кузбасса, который основывается на трехсотлетней истории освоения территории русскими поселенцами и на особом, символическом значении угля для региона. Сам Волков стал одним из героев бренда Кузбасса, памятник Волкову, держащему в руках кусок угля, находится в центре города Кемерово напротив Кузбасского технического университета. Целевая аудитория всегда больше доверяет бренду, имеющему историю, корни; и бренд территории – это не исключение. Легенда создает на основе эффективного сторителлинга устойчивую эмоциональную связь между образом региона и его целевой аудиторией. Празднование трехсотлетия Кузбасса, к которому в настоящее время ведется активная подготовка, призвано актуализировать эту легенду и оживить в сознании целевой группы эти позитивные ассоциации.

Еще одна легенда, связанная с возникновением Кемеровской области как территориальной единицы, восходит к образу, являющемуся одним из ключевых для современного российского массового сознания. Это образ И.В. Сталина, который своим решением создал Кемеровскую область в 1943 г. Согласно данной легенде, центром области стал не более развитый тогда Новокузнецк, а город Кемерово, потому что Новокузнецк в то время назывался Сталинск, а Сталинская область в СССР уже была. Архитектура исторического центра Кемерово, выполненная в стиле, известном как «сталинский ампи́р», зримо напоминает об этой легенде. При этом вклад Кузбасса в победу, героический труд кузбасских предприятий во время войны стали одной из важных составляющих образа региона, который и в наше время воспринимается как кузница победы.

Третья легенда бренда «Кузбасс» была связана с именем А. Тулеева, «первого народного губернатора», который пришел к власти по воле народа в трудное для Кузбасса время, «лихие девяностые» и добился стабильности и процветания региона. Данная легенда использовалась при позиционировании области на протяжении более чем 20 лет и прекратила свое существование после катастрофического пожара в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня» в марте 2018 г. После пожара и отказа Тулеева выйти на площадь перед областной администрацией к народу Кузбасса, в СМИ его стали награждать различными нелюбезными прозвищами, так, например, Е. Гришкoveц назвал его «бессмысленной мумией губернатора».

Трагическое событие стало началом создания имиджа нового губернатора Кемеровской области С. Цивилёва; в день, когда он вышел на площадь перед областной администрацией, чтобы встретиться с пришедшими на нее жителями Кемерово, и встал на колено перед народом, впервые был создан имидж этого политика. Жест губернатора, стоящего на колене перед толпой, обошел все федеральные и региональные СМИ, впоследствии он вызвал неоднозначные оценки, однако сам С. Цивилёв, объясняя его, сослался на свою биографию морского офицера, который таким же образом встает на одно колено в особо значимых для него ситуациях, например, целуя знамя во время присяги. Так биография политика с самого начала использовалась для формирования его имиджа.

При этом следует разграничить содержание таких социальных технологий, как пропаганда и связи с общественностью. Социальная философия зачастую упускает проработку данных категорий, однако уже с возникновением первых государств по сути появляется и пропаганда, которая включает в себя создание имиджа правителя и подвластных ему территорий. Здесь также можно увидеть и первые интуитивно разрабатываемые технологии черного пиара, целенаправленно использующего «двойные стандарты» для создания негативных представлений в целях демонизации и дискредитации оппонентов. Еще египетские пирамиды выполняли ритуальные функции, но помимо этого создавали образ сильного государства и божественного правителя,

обладающего возможностями воздвигнуть такие сооружения, которые и по сей день неотделимы от территориального имиджа Египта. В ходе национальных праздников фараоны стремились продемонстрировать народу свою хорошую физическую форму, поскольку состояние их здоровья и сил магическим образом влияло на благополучие страны.

Пожалуй, можно привести многочисленные факты формирования имиджа посредством пропаганды и на протяжении последующих тысячелетий вплоть до XX в., когда также происходит институционализация, появляется феномен связей с общественностью. В отличие от односторонне воздействующей пропаганды, миссия PR заключается не в банальной манипуляции сознанием целевой аудитории, а в выстраивании конструктивного диалога с аудиторией, в формировании доверительных отношений, и именно в русле этой концепции формируется имидж, важность обуславливается тем, что именно он определяет отношение к объекту. Основная часть социальных интеракций и хабикуализация самих практик строится именно на основе имиджа.

Правильно сформированный имидж позволяет решить одну из главных задач философии управления – увеличить конкурентоспособность его носителя. Подчеркнем, что создание имиджа посредством передовых социальных технологий происходит целенаправленно, но в его основе все же лежит реальный объект. Здесь важно сказать, что если создается такой образ, к реальности отношения не имеющий, а для его формирования намеренно используются никоим образом не связанные с ним истории, то речь идет уже о симулякре. Создание этих неправдоподобных феноменов и целых жизненных миров как раз лежит в плоскости пропагандистских процессов, уходящих своими корнями в глубокое прошлое, однако появление новых медиа существенно расширило возможности для производства симулякров, амбивалентно влияющих на имидж территории.

Философ Ж. Бодрийяр рассуждает о широком распространении симулякров в современном мире, он пишет следующее об имидже территории: «Симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального. Территория больше не предшествует карте и не переживает её. Отныне карта предшествует территории – преемница симулякров, именно она порождает территорию» [16]. По мнению французского мыслителя, «репрезентация исходит из принципа эквивалентности реального и некоего “представляющего” это реальное знака (даже если эквивалентность утопическая, это фундаментальная аксиома). Симуляция, наоборот, исходит из утопичности принципа эквивалентности, из радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии, из умерщвления всякой референтности. В то время как репрезентация пытается абсорбировать симуляцию, интерпретируя её как ложное, “повреждённое” представление, симуляция охватывает и взламывает всю структуру репрезентации, превращая представление в симулякр самого себя» [16]. Далее Бодрийяр описывает фазы развития образа: (1) отражение фундаментальной реальности, (2) ее маскировка и искажение, (3) вторая маскировка, но уже отсутствия этой реальности, (4) отсутствие каких-либо связей и отношений – «симулякр в чистом виде» [16]. В другой своей работе Ж. Бодрийяр показывает, что, например, война в Персидском заливе 1991 г. была сконструирована СМИ как симулякр, не связанный напрямую с реальностью, осуществлена прежде всего и главным образом как пропагандистская кампания, а не как реальные боевые действия; по словам автора, «война измеряется не степенью накала, а ее спекулятивным развертыванием в абстрактном, электронном информационном пространстве» [17].

Развитие Интернета и социальных сетей создало и новые возможности для тиражирования и дистрибуции симулякров, в последние годы появился и стал популярным даже специальный термин Fake News, означающий ложные, фальшивые новости, но не просто дезинформацию, которая существовала всегда, а принципиально новый феномен, ставящий под сомнение достоверность всякой информации, стирающий границы между правдивой и ложной информацией, имеющей в нашем случае самое непосредственное отношение к исследованию имиджа территорий. Распространение подобных новостей становится возможным именно в эру симуляции и симулякров, причина популярности Fake News именно в их притягательности для массового сознания. Учитывая особенности когнитивных навыков и поведенческих характеристик современного человека, приходим к выводу, что распространение симулякров способствует усиле-

нию скепсиса к имиджу как таковому, ведь сомневаться можно в чем угодно. Рассказываемые теми или иными субъектами истории все чаще интерпретируют как создаваемые и распространяемые мифы, которые хоть и как-то связаны с реальностью, но в свою очередь непредсказуемы на предмет затребованной от социальной философии прагматики по позитивному изменению реальности.

Таким образом, современная социальная философия становится надежным теоретико-методологическим и прикладным инструментом, используемым для решения проблем, возникающих в процессе управленческой деятельности.

Нами было показано, какую роль способны выполнять самые разнообразные истории при решении актуальной задачи – конструировании имиджа территорий. Обращение к данной теме позволяет по новому взглянуть на составление целостной картины и создание идентичности территорий в составе того или иного государства для адекватного объяснения положения его развития на конкретном историческом этапе.

Имидж является представлением и об объекте, целенаправленно формирующимся в массовом сознании различными социогуманитарными технологиями. Под формированием имиджа понимается создание и продвижение устойчивого положительного впечатления, образа. Сознательно моделируемый нарративами имидж территории напрямую влияет не только на ее восприятие и понимание жителями, но позволяет отличить территорию А от В и т. д. Следовательно, имидж не является статичным, он постоянно изменяется в результате деятельности повествователей. В современном динамичном мире изменения имиджа происходят стремительно, и управление им посредством сторителлинга для положительных эмоций и необычных, влияющих на его привлекательность впечатлений и нахождения новых аттракторов должно быть оперативным и постоянным. С точки зрения авторов, руководствующихся положениями современной социальной философии имидж территории – это паблицитный капитал, от его наличия зависит ее успешность и место на фоне других территорий в рамках страны, (макро)региона и глобального мира в целом.

Список источников

1. Равочкин Н. Н. Лингвистический поворот: социально-философский потенциал // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 70–74.
2. Беспалова Ю. М. Нарративный поворот в социологии и проблема сохранения семейно-родовой памяти // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 3. С. 21–24.
3. Борисенкова А. Нарративный поворот и его проблемы (обзор публикаций по нарратологии) // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 327–332.
4. Лехциер В. Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 5–8.
5. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Канон+, 2009. 400 с.
6. Авилев Г. М., Кранзеева Е. А., Яницкий Л. С. Региональная идентичность молодежи и проблема формирования имиджа // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 110–119.
7. Маркина Ю. М. Имидж региона и региональная идентификация населения Дальнего Востока России (социологический анализ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2010. 20 с.
8. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М. : Рефл-бук, 2001. 698 с.
9. Токарев С. А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 622 с.
10. Дороги Тулеева (фильм, 2016). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QLtrUQ-0r3w&t=33s> (дата обращения: 23.06.2021).
11. Ахметова Д. «Сибирь давно ждала большого атамана...» // Независимая газета. 2000. 11 мая. URL: http://www.ng.ru/margin/2000-05-11/8_tuleev.html (дата обращения: 23.06.2021).
12. Цивилёв С. Кузбасс – это регион «шести морей» // Вести Кузбасс. URL: <http://vesti42.ru/news/45515-sergey-tsiviliov--eto-region-shesti-morey/?date=2019-08> (дата обращения: 12.12.2019).
13. Будущее с Сергеем Цивилевым: «Кузбасс должен стать регионом номер один за Уралом» // Кузбасс. 2018. 14 апр. URL: <http://kuzbass85.ru/2018/04/14/budushhee-s-sergeem-tsivilevyim-kuzbass-dolzhen-stat-regionom-nomer-odin-za-uralom> (дата обращения: 21.06.2021).

14. Тулеев А. // Новокузнецк 400. URL: <http://новокузнецк400.рф/persons/64-tuleev.html> (дата обращения: 23.06.2021).
15. Тулеев А. Казахстан – родина моих предков // Qazaq uni. URL: <https://qazaquni.kz/2016/05/24/52409.html> (дата обращения: 12.12.2019).
16. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : ПОСТУМ, 2014. URL: <https://e-libra.ru/read/482881-simulyakry-i-simulyaciya.html> (дата обращения: 23.06.2021).
17. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М. : Рипол-классик, 2016. 224 с.

References

1. Ravochkin N.N. Linguistic turn: socio-philosophical potential. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovation. Investments*. 2018;(8):70-74. (In Russ.).
2. Bepalova Yu.M. Narrative turn in sociology and the problem of preserving family and ancestral memory. *Teleskop = Telescope. Journal of Sociological and Marketing Research*. 2015;(3):21-24. (In Russ.).
3. Borisenkova A. Narrative turn and its problems (review of publications on narratology). *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. 2010;(3):327-332. (In Russ.).
4. Lekhtsier V.L. Narrative turn and the relevance of the narrative mind. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury = International Journal of Cultural Research*. 2013;(1):5-8. (In Russ.).
5. Ankersmit F.R. *History and Topology: The Rise and Fall of Metaphor*. Moscow: Kanon+ Publ.; 2009. 400 p. (In Russ.).
6. Avilov G.M., Kranzeeva E.A., Yanitskiy L.S. Regional identity of youth and the problem of image formation. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional education in Russia and abroad*. 2019;(1):110-119. (In Russ.).
7. Markina Yu.M. *Image of the region and regional identification of the population of the Russian Far East (sociological analysis)*. Dissertation Thesis. Khabarovsk, 2010. 20 p. (In Russ.).
8. Pocheptsov G.G. *Imageology*. Moscow: Refl-book Publ.; 2001. 698 p. (In Russ.).
9. Tokarev S.A. *Early forms of religion*. Moscow: Politizdat Publ.; 1990. 622 p. (In Russ.).
10. *Roads of Tuleyev*. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=QLTrUQ-0r3w&t=33s> [Accessed 23rd June 2021]. (In Russ.).
11. Akhmetova D. “Siberia has been waiting for a great chieftain for a long time...” *Nezavisimaya gazeta = Independent Newspaper*. 2000. 11th May. Available from: http://www.ng.ru/margin/2000-05-11/8_tuleev.html [Accessed 23rd June 2021]. (In Russ.).
12. Tsivilev S. Kuzbass is a region of “six seas”. *Vesti Kuzbass = News Kuzbass*. Available from: <http://vesti42.ru/news/45515-sergey-tsviliov--eto-region-shesti-morey/?date=2019-08> [Accessed 12th December 2019]. (In Russ.).
13. The future with Sergei Tsivilev: “Kuzbass should become the number one region beyond the Urals”. *Kuzbass*. 2018. 14th April. Available from: <http://kuzbass85.ru/2018/04/14/budushhee-s-sergeem-tsvilevyim-kuzbass-dolzhen-stat-regionom-nomer-odin-za-uralom> [Accessed 21st June 2021]. (In Russ.).
14. Tuleyev A. *Novokuznetsk 400*. Available from: <http://novokuznetsk400.rf/persons/64-tuleev.html> [Accessed 23rd June 2021]. (In Russ.).
15. Tuleyev A. Kazakhstan is the homeland of my ancestors. *Qazaq uni*. Available from: <https://qazaquni.kz/2016/05/24/52409.html> [Accessed 12th December 2019]. (In Russ.).
16. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Moscow: POSTUM Publ.; 2014. Available from: <https://e-libra.ru/read/482881-simulyakry-i-simulyaciya.html> [Accessed 23rd June 2021]. (In Russ.).
17. Baudrillard J. *The spirit of terrorism. There was no war in the Gulf*. Moscow: Ripol-classic Publ.; 2016. 224 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. С. Яницкий – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социологических наук.

Н.Н. Равочкин – доктор философских наук, доцент кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия; доцент кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева.

Information about the authors

L.S. Yanitskiy – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences.

N.N. Ravochkin – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy; Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev.

Статья поступила в редакцию 20.08.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 20.08.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 13.12.2021.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 93.625.1:629.4

doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-64-69

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Алексей Владимирович Забелин

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
awzabelin@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема появления железнодорожного транспорта в Ставропольской губернии как важнейшего инструмента развития региона. Приведены мнения о целесообразности данного вида сообщения, а также хронология событий – от момента возникновения идеи о строительстве железных дорог на Северном Кавказе, в том числе и в Ставропольской губернии, до ее воплощения в жизнь. Анализируются предпосылки и проблемы, связанные с планированием и утверждением внутрирегиональных линий.

Отмечено, что в середине XIX в. железная дорога уже доказала свою целесообразность в качестве внутренних путей сообщения и стремительно развивалась в российских регионах. В 1860-е гг. Кавказским наместничеством стал рассматриваться вопрос о соединении Северного Кавказа с центром губернии. По предварительным проектам линия должна была пройти по территории Ставропольской губернии через её административный центр г. Ставрополь, являвшийся исторически транзитным пунктом гужевой дороги к Владикавказу и далее в Закавказье.

Однако окончательно было принято решение г. Ставрополь обойти южнее, что негативно сказалось на жизни как города, так и региона в целом. В дальнейшем руководству и жителям Ставрополя для предотвращения упадка пришлось самим добиваться сооружения собственной сети железных дорог.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказское наместничество, Северный Кавказ, железнодорожный транспорт, Ставрополье, Общество Владикавказской железной дороги, Ставропольская губерния, Ставрополь, Благодарный, Армавир, станция Кавказская

Для цитирования: Забелин А. В. Очерк развития ставропольского железнодорожного узла в середине XIX – начале XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 64–69.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

HISTORICAL SCIENCES

Original article

ESSAY OF THE DEVELOPMENT OF STAVROPOL RAILWAYS JUNCTION MID 19th – EARLY 20th CENTURY

Alexey V. Zabelin

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, awzabelin@mail.ru

Abstract. The problem of the emergence and development of railway transport in the Stavropol province, as the most important tool for the development of the region, is considered. Preconditions and opinions on the appropriateness of this type of message are given.

The chronology of the events is given, starting from the idea of building railways in the North Caucasus and in the province under consideration, in particular, to the emergence of a network of open and planned railways. The prerequisites and problems associated with the planning and approval of intraregional lines are considered.

In the middle of the 19th century the railway has already proven its worth for the development of internal communication routes and is rapidly enveloping Russian regions. In the 1860s the Caucasian governorship began to consider the issue of connecting the North Caucasus with the center of the province. According to preliminary projects, the line was supposed to pass through the territory of the Stavropol province through its administrative center - Stavropol, which was historically a transit point of the horse-drawn road to Vladikavkaz and further to the Caucasus.

However, it was finally decided to bypass the city of Stavropol to the south, as a result of which this circumstance began to affect negatively both the city life and the region as a whole. In the future, the leadership and residents of the Stavropol Region, in order to prevent the decline, had to seek the construction of their own railway network themselves.

Keywords: Caucasus, Caucasian governorship, North Caucasus, railway transport, Stavropol region, Vladikavkaz Railway Society, Stavropol province, Stavropol, Blagodarnyi, Armavir, Kavkazskaya station

For citation: Zabelin A. V. Essay of the Development of Stavropol Railways Junction Mid 19th – Early 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):64-69. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В середине XIX в. между Европой и Азией активно развивались товарно-денежные отношения, на юге России появлялись новые населённые пункты, наблюдался существенный подъём сельского хозяйства. Нарастала важность упрочения связи закавказских губерний с центром России, соединения Чёрного и Каспийского морей, поддержки местного населения и укрепления стратегической цели Северокавказского и Закавказского регионов. Правительством России стал рассматриваться вопрос о создании нового эффективного транспортного коридора. Всё большую популярность набирал железнодорожный транспорт.

Начиная с 1858 по 1872 г. в обществе активно прорабатывался вопрос и выдвигались варианты наиболее оптимального с географической, стратегической и экономической точек зрения направления первого северокавказского пути. Ближайшим крупным торговым городом, имеющим прямое железнодорожное сообщение с Москвой и Санкт-Петербургом, был Ростов-на-Дону. В качестве конечной точки рассматривался центр Терской области г. Владикавказ, также имевший прямую связь по Военно-Грузинской дороге с Тифлисом (ныне – Тбилиси) – столицей Кавказского наместничества.

К этому времени г. Ставрополь был основным транзитным пунктом для гужевых перевозок между Ростовом и Тифлисом. Наибольшее число проектов железнодорожного пути Ростов – Владикавказ также включало Ставрополь в данную линию как транзитный пункт. Первое упоминание в печати о Кавказском направлении сделано отставным капитаном Г. И. Любанским, Ставрополь, по его мнению, должен был входить в состав линии Варшава – Новочеркасск – Успенское – Ставрополь – Новосельцы – Кизляр – Петровск – Баку – Тифлис [1, с. 3–4].

Однако в конечном итоге из четырёх заключительных вариантов, основанных на проведённых изысканиях правительственных инженеров, в 1872 г. был выбран вариант инженера Крамера. Предлагалось строительство пути от Ростова-на-Дону до станции Новоулетской, далее – на бывший Романовский пост, затем по долине р. Кубань до станции Невинномысской, по долинам рек Барсука и Кусавка, рек Кумы, Молки и Терека до Владикавказа. Пятигорск и Ставрополь оставались в стороне, за счет чего сокращалось расстояние до одного из портов

Чёрного моря и исключались трудности при проведении дороги через Ставропольскую возвышенность.

2 июля 1872 г. был окончательно утверждён проект линии и принят Устав Общества Ростово-Владикавказской железной дороги [2, с. 98–99]. После того стал прорабатываться вопрос о поиске наиболее благоприятного местоположения припортовой станции на берегу Чёрного моря. Шли разговоры о проведении перекрёстной линии, захватывающей Ставрополь: Царицын (Волгоград) – Ставрополь – Армавир – Туапсе. Однако после выбора и утверждения сооружения порта в Новороссийске (круглогодично незамерзающая бухта) и ветви Тихорецкая – Екатеринодар (Краснодар) – Новороссийск (участок Екатеринодар – Новороссийск был более полог и прост в строительстве и эксплуатации, чем участок Армавир – Туапсе), проект Царицын – Туапсе был отклонён и забыт.

Со временем оставление губернского города в стороне от железной дороги начало сказываться на его экономических показателях. В обзоре Ставропольской губернии за 1881 г. отмечалось, что город, служивший до этого центром торгового и промышленного движения почти всего Северного Кавказа, лишился удобных подъездных путей, вследствие чего и торгово-промышленное движение в нем стало ослабевать. Указывалось, что для предотвращения экономического упадка Ставрополю необходимы более удобные связи с Ростово-Владикавказской линией [3, с. 15]. С этой целью Ставропольская городская дума вошла в соглашение с Обществом Владикавказской железной дороги на соединение Ставрополя с общей сетью железных дорог.

Среди вариантов предлагалось строительство ветви Армавир – Ставрополь как части линии Царицын – Туапсе, однако наибольшую оптимальность приобретало направление Кавказская – Ставрополь.

Изыскания проводились по поручению Общества Владикавказской железной дороги инженером В. Воробьёвым летом 1889 г. Согласно проекту, длина дороги была равна 130 вёрстам [4]. 9 мая 1893 г. в Севастополе на броненосце «Синоп» Александр III утвердил «Второе дополнение к уставу Общества Владикавказской железной дороги», предусматривающее строительство Ставропольской ветви (от г. Ставрополя-Кавказского до станции Кавказской) Главной линии Владикавказской железной дороги. Согласно дополнению, при прокладке на ветви допускались облегченные технические условия, установленные для подъездных паровозных железных дорог в России [5]. Технические условия сооружения ветви были утверждены министром путей сообщения 10 октября 1893 г.

До открытия ветви основной товарооборот стал переходить из столицы губернии в г. Армавир. Ближайшей станцией железной дороги была Невинномысская. Для налаживания связи с нею приняли решение соорудить первую в губернии шоссированную дорогу Ставрополь – Невинномысская, что в дальнейшем способствовало экономическому росту ст. Невинномысской.

Временное движение от станции Кавказской до Ставрополя было открыто 15 октября 1896 г., а регулярное – 1 января 1897 г. Освидетельствование ветви правительственной инспекцией состоялось 7 декабря 1897 г. Комиссия признала, что Ставропольская ветвь построена не по типу подъездных путей в соответствии с техническими условиями, и допустила скорости движения поездов, как на прочих ветвях Владикавказской железной дороги. Протяженность ветви составила 144 версты и 236,10 сажени по продольному профилю полотна от оси станции Кавказская [6, с. V–VI].

Построенная ветвь, несомненно, оказывала благоприятное действие на развитие г. Ставрополя. Однако она проходила по практически незаселённой местности и никак не способствовала развитию Ставропольской губернии в целом.

В начале XX в. железнодорожный транспорт в России и мире уже давно доказал свою значимость и эффективность. В европейской части империи была сформирована прочная и густая сеть железных дорог общего пользования. Магистралы служили мощным двигателем прогресса, способствовали развитию товарно-денежных отношений, вдоль магистралей возводились новые населённые пункты, повышалась мобильность населения.

Для городов связь между собой железными дорогами служила огромным плюсом. Там же, где данный вид транспорта отсутствовал и располагался на сравнительно дальнем расстоянии (150–250 вёрст), наблюдалось огромное отставание во всех сферах деятельности. В данном случае наиболее показательным примером являлся целый ряд населённых пунктов Ставропольской губернии.

Ставропольская ветвь влияла лишь на сам губернский город, тогда как в судьбе целого региона она практически не играла никакой роли. Другие линии Владикавказской железной дороги касались только некоторых её окраин, что не могло вообще оказывать никакого положительно эффекта на субъект в целом. Без рельсовых путей сообщения оставалось около 95 % территорий региона. С целью недопущения упадка губернии правительством региона стал прорабатываться вопрос о развитии внутренней сети.

На это указывал и ставропольский краевед Г. Н. Прозрителев: «В истории нашего железнодорожного строительства немало примеров, когда бойкий, твёрдо установившийся пункт, стоявший на старом исторически сложившемся пути, сходил со сцены в торгово-промышленном отношении, только потому что “чугунка” сразу давала другое направление местной жизни, соединяя другие пункты и бросая на произвол судьбы старые» [7, с. 7–8].

Рассматривая вопрос о продолжении строительства новых линий в губернии, необходимо отметить, что в 1905 г. Общество Владикавказской железной дороги выступило с инициативой прокладки железной дороги Ставрополь – Дивное с ветвью на Прасково. В связи с этим Ставропольское городское общественное управление по данному вопросу возбудило ходатайство. Однако общественные собрания негативно отнеслись к такой идее, ссылаясь на эгоистичные желания железнодорожного акционерного Общества. Также быстрому осуществлению планов помешала Русско-японская война, поставившая экономику в угнетённое состояние.

После учреждения 17 июля 1908 г. другого железнодорожного общества-конкурента – Армавир-Туапсинской железной дороги жители и администрация Ставрополя стали рассматривать новую компанию в роли строителя и эксплуататора внутригубернской сети [8, с. 1].

В 1909 г. при проведении экономических изысканий русский статист Ф. А. Щербина подчёркивал, что Ставропольская губерния, представляющая собой удлинённую фигуру с северо-запада на юго-восток, была не оптимальна с топографической и экономической точек зрения. Равнинные пространства, чередующиеся сильно всхолмлёнными местами, служили затруднением для правильного взаимодействия населения с губернским городом и торговыми центрами.

В том же 1909 г. 11 января соединённое собрание уполномоченных городской Думы Ставрополя постановило окончательно отклонить предложения Общества Владикавказской железной дороги, как несоответствующие экономическим интересам губернии, и принять к постройке вариант железной дороги от Армавира через Ставрополь – Петровское – Винодельное – Дивное с веткой на с. Рагули.

При дальнейшем рассуждении и это предложение подверглось критике. Так, Благодарненской железнодорожной комиссией было высказано мнение, что предлагаемый губернским центром вариант, подобно Ставропольской ветви, будет исключительно важен и полезен только для самого Ставрополя, так как новая дорога пройдет не вдоль, а поперёк региона. В качестве альтернативы предлагалось строительство магистрали Великокняжеская (Царицынской ветви Владикавказской железной дороги) – с. Новый Егорлык – Петровское – Благодарное – Прасково до ставки Ачикулак. С Чёрным морем данная магистраль должна была объединиться соединительной ветвью Петровское – Ставрополь – Армавир [9].

Окончательно был принят вариант строительства «Благодарненской ветви» Армавир – Ставрополь – Петровское – Благодарное с ветвью до с. Дивного, что и отражено в Первом дополнении к Уставу Общества Армавир-Туапсинской железной дороги, утверждённому 28 мая 1912 г. [10, с. 71–72]. Согласно проекту, в единственном в губернии городе было принято решение соорудить новую железнодорожную станцию Ставрополь-Туапсинский с соединительной ветвью к станции Ставрополь-Ростовский Владикавказской железной дороги.

К строительству новой магистрали фактически приступили 15 марта 1914 г. В дальнейшем быстрому строительству и вводу в эксплуатацию дороги помешала Гражданская война, и окончание сооружения линии было произведено уже после установления советской власти.

В числе несбывшихся планов по причинам Гражданской войны известны проекты магистральной линии Ставрополь – Невинномысская – Баталпашинск (Черкесск) – Теберда – Сухум; 28 июня 1914 г. было выпущено дополнение к Уставу Общества Ейской железной дороги, устанавливавшее строительство линии Сосыка – с. Преградное; также проводились экономические изыскания ветви Петровск – с. Александровское – Георгиевск.

Таким образом, можно отметить, что железнодорожный вопрос на Ставрополье в целом, начиная от строительства первой северокавказской магистрали Ростов – Владикавказ и вплоть до 1917 г., решался с большим трудом. Обойдя исторически сложившийся торговый центр стороной, Главная линия Владикавказской железной дороги способствовала отвлечению грузов от города, что отрицательно сказывалось на экономике. Правительству Кавказского региона и империи в целом уже не было столь интересно развитие Ставрополья, и регион должен был сам добиваться улучшения собственной жизни.

Проведённая ветвь Кавказская – Ставрополь, ставшая после открытия Екатеринодарской ветви частью магистрали Екатеринодар (Краснодар) – Кавказская – Ставрополь, обслуживала незначительную территорию Ставропольской губернии и играла в основном роль только для г. Ставрополя. Дальнейшие планы по сооружению новой железнодорожной сети, поддержанные Обществом Армавир-Туапсинской железной дороги, по задумке должны были открыть новые возможности, вдохнув новую жизнь в регион, однако известные события 1917 г. и, как следствие, сложившиеся в стране новые порядки с трудом дают возможность судить о должных эффектах от Благодарненской линии и Дивненской ветви, которые были достроены уже в период установления советской власти.

Список источников

1. Любанский Г. И. Сближение Средней Азии с Европою, или Проект о железных дорогах между городами Варшавою и Тифлисом и между Чёрным морем и Каспием. СПб., 1858. 56 с.
2. Сборник сведений о железных дорогах в России 1870–1872 [отделы II и III]. СПб. : Типография министерства путей сообщения (А. Бенке), 1872. 101 с.
3. Обзор Ставропольской губернии за 1881 г. Ставрополь, 1882. 69 с.
4. Шацкий П. А. Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 191–192; Наш край : документы, материалы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. С. 188.
5. Второе дополнение к Уставу Общества Владикавказской железной дороги // Уставы русских железнодорожных обществ. Вып. XLVI. Ч. I. СПб. : Общественная польза, 1910. С. 183–188.
6. Отчёт по сооружению Ставропольской ветви. СПб. : Типография Ю. Н. Эрлих, 1900. 167 с.
7. Прозрителев Г. Н. Рельсовый путь по Ставропольской губернии. Ставрополь, 1904.
8. Устав Общества Армавир-Туапсинской железной дороги. Армавир : Г. Стряпчев и Д. Нестеров, 1909. 65 с.
9. Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир (АОАА). Ф. 51. Оп. 1. Д. 321. Л. 5.
10. Первое дополнение к Высочайше утверждённому 17 июля 1908 года Уставу Общества Армавир-Туапсинской железной дороги // Уставы русских железнодорожных обществ. Вып. LXXXVIII : дополнение к выпуску XLVI. СПб. : Тип. С. Л. Кинда, 1913. С. 71–76.

References

1. Lyubansky G.I. *Rapprochement of Central Asia with Europe, or the Project on railways between the cities of Warsaw and Tiflis and between the Black Sea and the Caspian Sea*. St. Petersburg, 1858. 56 p. (In Russ.).
2. *Collection of information about railways in Russia 1870-1872. Section II. Various information about railways*. St. Petersburg: Ministry of Railways (A. Behnke) Publ.; 1875. 101 p. (In Russ.).
3. *Review of the Stavropol province for 1881*. Stavropol, 1882. 69 p. (In Russ.).
4. Shatskiy P. A. Some issues of socio-economic development of South-Eastern Russia. Stavropol, 1970:191-192; *Our region*. Stavropol: Book Publishing House; 1977. 188 p. (In Russ.).

5. The second addition to the Charter of the Vladikavkaz Railway Society. Charter of Russian Railways. Iss. XLVI, part I. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ.; 1910:183-188. (In Russ.).
6. *Report on the construction of the Stavropol branch*. St. Petersburg: Yu. N. Erlikh Publ.; 1900. 167 p. (In Russ.).
7. Prozritelev G.N. *Rail track across the Stavropol province*. Stavropol, 1904. (In Russ.).
8. *Charter of the Armavir-Tuapse Railway Society*. Armavir: G. Stryapchev and D. Nesterov Publ.; 1909. 65 p. (In Russ.).
9. *Archival Department of the Administration of the Municipality of Armavir City*. Fund 51. In. 1. File 321. L. 5. (In Russ.).
10. The first addition to the Charter of the Armavir-Tuapse Railway Society approved by the Highest on July 17, 1908. *Charters of Russian railway societies*. Iss. LXXXVIII: Supplement to Issue XLVI. St. Petersburg: S. L. Kinda Publ.; 1913:71-76. (In Russ.).

Информация об авторе

A. B. Zabelin – студент факультета управления процессами перевозок.

Information about the author

A. V. Zabelin – Student of Faculty of Transportation Process Management.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 22.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 22.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 930(47+510)
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-70-78

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ СИНОЛОГОВ

Александр Стефанович Иващенко

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Республика Адыгея, Россия,
ivashchienko-5757@mail.ru

Аннотация. Анализируются взгляды российских исследователей на развитие ключевых аспектов советско-китайских отношений. Это актуально не только для удовлетворения чисто научного и академического интереса, но и с политической точки зрения. Исследуются воззрения российских синологов на цели и концептуальные установки советских лидеров в отношении Китая в различные хронологические периоды; рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы политики между Москвой и Пекином; анализируются взгляды на обстоятельства установления первых контактов Советской России с партией Гоминьдан. Кроме того, представлен критический анализ российскими китаеоведами деятельности советских военных советников в ходе реорганизации армии Гоминьдана в 20-е гг. XX в. и отношение советских лидеров к Сунь Ятсену. Уделяется внимание оценкам российских учёных отношений СССР с компартией Китая в годы Великой Отечественной войны, взаимоотношений И.В. Сталина с Мао Цзэдуном, вопросов военной помощи Москвы КПК в 1945–1949 гг. Приводятся точки зрения российских историков на эффективность оказания экономической и научно-технической помощи СССР Китаю в 1949–1960 гг., отзыв советских специалистов в 1960 г. из КНР и т.д.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, российские синологи, историография, СССР, Китай, Гоминьдан, Мао Цзэдун

Для цитирования: Иващенко А.С. Советско-китайские отношения в работах российских синологов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 70–78.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SOVIET-CHINESE RELATIONS IN THE WORKS OF RUSSIAN SINOLOGISTS

Alexander S. Ivashchenko

Adygea State University, Maykop, Republic of Adygea, Russia, ivashchienko-5757@mail.ru

Abstract. The article attempts to analyze the views of Russian researchers on the development of key aspects of Soviet-Chinese relations. This is relevant not only to satisfy purely scientific and academic interest, but also from a political point of view. The article examines the views of Russian sinologists on the goals and conceptual attitudes of the Soviet leaders towards China in various chronological periods; presents some controversial issues of political relations between Moscow and Beijing; analyzes views on the circumstances of the establishment of the first contacts of Soviet Russia with the Kuomintang Party. In addition, the article presents a critical analysis by Russian sinologists of the activities of Soviet military advisers during the reorganization of the Kuomintang army in the 20th of the twentieth century and the attitude of the Soviet leaders to Sun Yatsen is presented. Attention is paid to the assessments of Russian scientists of the relations of the USSR with the Communist Party of China during the Great Patriotic

War; the relationship of I.V. Stalin with Mao Zedong; issues of Moscow's military assistance to the CPC in 1945-1949. The points of view of Russian historians on the effectiveness of providing economic and scientific and technical assistance to the USSR to China in 1949-1960 are given; the recall of Soviet specialists in 1960 from the PRC, etc.

Keywords: Soviet-Chinese relations, Russian sinologists, historiography, USSR, China, Kuomintang, Mao Zedong

For citation: Ivashchenko A.S. Soviet-Chinese Relations in the Works of Russian Sinologists. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):70-78. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Интерес к изучению советско-китайских отношений как в период существования Советского Союза, так и Российской Федерации среди российских учёных отличался устойчивым постоянством. И это вполне объяснимо, если учесть, что Китай является самым большим по населению государством в мире, имеющим с нашей страной весьма протяжённую границу. Уже двух этих фактов вполне достаточно, чтобы объяснить повышенное внимание российских исследователей к истории советско-китайских отношений. Но такое объяснение было бы слишком упрощённым и не соответствовало в полной мере реальной действительности. Суть в том, что содержание советско-китайских отношений было чрезвычайно насыщенным, противоречивым и весьма далёким от идиллии.

Цель статьи – выявить точки зрения российских учёных на ключевые проблемы развития советско-китайских отношений. Представляется целесообразным остановиться на анализе работ российских китаеведов за первые два десятилетия развития синологии в России. Мы не претендуем на тотальный охват всех вопросов эволюции советско-китайских отношений.

Логично будет разделить анализ работ российских синологов на два периода. Вначале вскрыть их воззрения на развитие советско-китайских отношений со времени провозглашения советской власти в России вплоть до образования Китайской Народной Республики (КНР) 1 октября 1949 г. А затем выявить базовые проблемы эволюции советско-китайских отношений в трудах российских синологов с 1949 по 1991 г. Смысл такого деления заключается в том, что советское руководство с 1917 по 1949 г. выстраивало свои отношения не только с официальными властями Китая, но и с коммунистической партией этой страны. После 1 октября 1949 г. Советский Союз контактировал только с китайским коммунистическим правительством.

К первому фундаментальному труду российских китаеведов по истории советско-китайских отношений с 1917 по 1991 г. по праву следует отнести двухтомное сочинение Ю.М. Галеновича [1].

Российские синологи, в том числе и А.И. Картунова, не без оснований считали, что Советская Россия преследовала в 20-е гг. XX в. в отношении Китая две цели. Во-первых, добиться дружественного либо в крайнем случае нейтрального отношения к Москве пекинского правительства. Если же этого достичь не удастся, то найти способы поменять состав пекинского правительства на членов кабинета министров, лояльных Советской России. И, во-вторых, помочь китайскому национально-освободительному движению добиться независимости Китая от иностранных держав [2, с. 126].

Российские китаеведы определили также концепцию внешней политики Советской России / СССР по отношению к Китаю в 20–30-е гг. Суть её заключалась в подрыве влияния империалистических держав в Китае путём поддержки в нём национально-освободительного движения и свершении в итоге мировой революции. Таково мнение А.Д. Воскресенского. После неудач реализовать эти идеи в европейских странах с 1923 г. СССР устремил свои взоры на Китай. Свершение революции в других странах нужно было Советской России и для того, чтобы выйти из международной изоляции [3, с. 186–187].

Одним из первых частных сюжетов возникновения истории советско-китайских отношений, привлёкших внимание российских исследователей, является дискуссия по вопросу наличия признаков революционной ситуации среди российских рабочих и солдат в ноябре 1917 – начале 1918 г., которые обслуживали Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). Так, историк Г.И. Андреев утверждал, что значительное количество рабочих и солдат КВЖД поддерживало большевиков [4].

Однако специалист по Китаю Г.В. Мелихов убеждён, что никакой поддержки большевиков большинством работников КВЖД не было [5, с. 18–19, 21–22].

Установление первых контактов Советской России с руководством Китая осложнилось тем, что в начале 20-х гг. XX в. в Китае было два центра власти. С одной стороны, это пекинское правительство, фактически и юридически признанное международным сообществом, но не имеющее влияния и авторитета на территории всего Китая. С другой – кантонское демократическое правительство во главе с Сунь Ятсеном, которое наращивало свой авторитет не только в Кантоне, но и за его пределами. Советской России идеологически оно было ближе. Однако в то время, как отмечает В.И. Глунин, Советской России очень нужно было официальное дипломатическое признание на международной арене даже такого слабого и зависимого от западных держав правительства, как пекинское. В этих условиях советским лидерам приходилось действовать в отношении контактов с Сунь Ятсеном конфиденциально и осторожно, дабы добиться установления официальных связей с пекинским правительством. В. И. Глунин аргументировано утверждает, что первые контакты представителей Сунь Ятсена, а в их лице и китайской партии Гоминьдан с руководством Советской России, в том числе и с В.И. Лениным, состоялись в ходе проведения в Москве в январе 1922 г. съезда трудящихся Дальнего Востока [6, с. 98–103].

Российские исследователи подвергли критическому анализу такой аспект советско-китайских отношений в 20-е гг., как помощь советских советников в реорганизации армии Гоминьдана. А.Г. Юркевич признал, что исследовать военную помощь советских советников военным школам армии Сунь Ятсена в 20-е гг. открыто стало возможным лишь в 90-е гг. XX в. До 60-х гг. этот вопрос нельзя было изучать, так как могло вызвать недовольство китайского руководства. Ибо упоминание о помощи СССР и Коминтерна подорвало бы вклад собственно китайцев в свершение революции в Китае [7, с. 132].

А.Г. Юркевич пришёл к выводу, что советские военные советники не только догматически подошли к решению вопроса о реорганизации армии Гоминьдана, но и не смогли разгадать собственные замыслы лидеров Гоминьдана – Сунь Ятсена и Чан Кайши в вопросе подготовки военных китайских кадров. Догматизм советских советников выразился в том, что они по советам лидеров Коминтерна и ВКП(б) пытались добиться того, чтобы компартия Китая не только создала единый фронт с национальными китайскими революционными движениями, но и в будущем подчинила их себе. Однако китайским коммунистам в итоге так и не удалось «революционизировать» Гоминьдан.

Неэффективным оказался в Китае и опыт Гражданской войны в России, который хотели использовать советские военные советники. Суть его заключалась в том, чтобы проникнуть в китайские армии, которые выражали поддержку политике Сунь Ятсена, с целью ведения в них революционной пропаганды. Командиры китайских армий заблокировали все попытки такого рода. И, наконец, подчёркивает А.Г. Юркевич, советские советники в Китае так и не поняли замыслов Чан Кайши, который с их помощью хотел лишь создать ядро боеспособной армии Гоминьдана для восстановления в будущем китайской государственности [8, с. 42–43, 46–47].

Российские синологи анализировали отношение советского руководства к китайскому революционеру Сунь Ятсену в 20-е гг. Так, в поисках политических сил в Китае, на которые можно было бы опереться, РКП(б) и Коминтерн не сразу стали контактировать с Сунь Ятсеном. Суть в том, что ни работники РКП(б), ни сотрудники Коминтерна не были хорошо знакомы ни с учением, ни с революционной деятельностью Сунь Ятсена. Более того, некоторые представители Коминтерна, в частности Г.И. Сафаров, были убеждены в том, что Сунь Ятсен ничем не отличается от многих других китайских милитаристов. Недоверие Советской России к Сунь Ятсену, как утверждает А.И. Картунова, было также связано с неудачным опытом военно-финансовой поддержки большевиков национальных сил в Турции во главе с М. Кемалем. При колоссальных материальных затратах Советской России в контексте помощи кемалистскому режиму в 20-е гг. XX в. она не получила то, на что рассчитывала [2, с. 126, 130].

А.И. Картунова также даёт критическую оценку деятельности советских дипломатов в Китае. Она признаёт, что полпред Советской России в Китае в 20-е гг. Л.М. Карахан превышал свои дипломатические полномочия и нередко реализовывал поручения Коминтерна в этой стране [2, с. 127].

Заметное место в трудах российских исследователей занимает вопрос о принадлежности КВЖД. Г.Н. Романова однозначно утверждает, что правительство Советской России никогда не отказыва-

лось от своих прав на эксплуатацию КВЖД в пользу Китая. Отстранение Русско-Азиатского банка от управления КВЖД в 1924 г. и переход к управлению ею СССР и Китаем имело для нашей страны негативные последствия [9, с. 110]. Суть в том, как отмечал С.И. Мякинков, что переход управления КВЖД от частного контрагента в лице Русско-Азиатского банка к государству – СССР неизбежно поставил вопрос о нарушении суверенитета Китая, по территории которого проходила КВЖД [10, с. 41].

Российские синологи с полным основанием утверждают, что разрыв дипломатических отношений Китая с СССР в 1929 г. был одним из факторов, который побудил Японию вторгнуться в Северо-Восточный Китай в 1931 г. Такого мнения, например, придерживается Р.А. Мировицкая.

С ней нельзя не согласиться и в умозаключении, что логику развития отношений СССР с Китаем можно понять в 30-е гг. XX в. лишь с учётом целого ряда внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов. Во-первых, агрессией Японии в Северо-Восточном Китае в 1931 г. и созданием зависимого от Токио государственного образования – Маньчжоу-го. Во-вторых, политикой умиротворения агрессоров странами Запада, проводившейся не только в отношении Абиссинии, но и Китая. В-третьих, заключением Японии с Германией в 1936 г. «Антикоминтерновского пакта», направленного против СССР. И, в-четвёртых, развязыванием Японией в 1937 г. войны против Китая. Это то, что касается основных внешних факторов. Базовым внутренним фактором было выстраивание политики СССР по отношению к китайскому нанкинскому правительству и партии Гоминьдан, с одной стороны, и китайской компартии – с другой.

Р.А. Мировицкая отмечает, что захват Японией Маньчжурии в 1931 г. значительно повлиял на развитие советско-китайских отношений. Нанкинское правительство уже в 1932–1933 гг. восстановило дипломатические контакты с Советским Союзом. Возобновив их, Китай хотел таким образом стабилизировать японо-китайские отношения. Для СССР же было важно, не обостряя отношений с Японией, помочь Китаю отразить агрессивные устремления Токио [11, с. 243–245, 264–265].

Р.А. Мировицкая признаёт, что Советский Союз в 1933 г. был вынужден продать КВЖД, дабы избежать военных конфликтов с Японией. Более того, продажа КВЖД Москвой японо-маньчжурской стороне была проведена на не выгодных для СССР финансовых условиях. Японский фактор довлел над советско-китайскими отношениями на протяжении не только 1931–1937 гг., но и после, когда Япония вступила с Китаем в войну, которая длилась с 1937 по 1945 г. Советский Союз с 1937 г. стал помогать Китаю в борьбе с Японией не только из соображений солидарности с китайским народом, но и для обеспечения своей безопасности на Дальнем Востоке. Как результат этой политики – заключение 31 августа 1937 г. пакта о ненападении с Китаем [11, с. 253–254, 265, 267].

Тщательному анализу российскими синологами подверглась реакция лидеров коммунистической партии Китая (КПК) на ход Великой Отечественной войны. Известный специалист по Китаю В.С. Мясников обращал внимание на позицию, которую заняли лидеры КПК по отношению к СССР в момент выхода немецких войск к Волге в 1942 г. Они не только никак не помогли в этот трудный момент Советскому Союзу, но даже не выразили вербальной поддержки. Более того, они цинично рассуждали о вероятности разгрома СССР в Великой Отечественной войне. Лидер КПК Мао Цзэдун также не хотел брать никаких обязательств перед Москвой в случае нападения Японии на Советский Союз в период Великой Отечественной войны.

Пристальное внимание российских китаеведов привлекал и такой аспект советско-китайских контактов, как взаимоотношения И.В. Сталина с Мао Цзэдуном. В.С. Мясников с полным основанием утверждал, что отношения советского и китайского лидеров были весьма непростыми. Мао Цзэдун раздражал патронаж со стороны И.В. Сталина и Коминтерна над революционным движением в Китае. Он никак не мог простить И.В. Сталину то, что тот не дал ему во время Сианьских событий 1936 г. в Китае расправиться с главнокомандующим войсками Гоминьдана Чан Кайши. Мао Цзэдун был не согласен с тем, что по договору СССР с Чан Кайши 1945 г. Монгольской Народной Республике, или Внешней Монголии, предоставлялось право на самоопределение путём опроса общественного мнения. Мао Цзэдун считал, что Внешняя Монголия после победы революции в Китае станет частью китайского государства. Хотя, с другой стороны, публично Мао Цзэдун восхищался И.В. Сталиным [12, с. 89–91].

Изучению дискуссии между руководством Советского Союза и КПК в 1947–1948 гг. относительно судьбы демократических политических партий в Китае после победы китайской революции

посвятил свою статью А.М. Ледовский. Он отмечал, что Мао Цзэдун был убеждён, что все политические партии Китая, за исключением КПК, после победы народной революции должны уйти с политической арены. И.В. Сталин же эту точку зрения не разделял. Он обоснованно считал, что для расширения базы политической поддержки коммунистическому режиму в Китае после победы революции надо согласиться, на определённое время, на функционирование в стране демократических партий. Более того, даже включить некоторых представителей этих партий в коалиционное с коммунистами китайское правительство [13, с. 120–121].

Российские учёные пытались ответить на вопрос о масштабах военной помощи СССР вооружённым силам КПК в 1945–1946 гг. А.В. Самохин не без оснований отмечал, что в этот период Москва не оказывала массированной помощи китайским коммунистам. Для неё было важным поддерживать официальные контакты с законным правительством Китая, т.е. гоминьдановским. Дело в том, что в 1945–1946 гг. КПК была лишь потенциальной силой, которая могла в перспективе прийти к власти в Китае. В эти годы Советский Союз стремился не вовлекаться в чисто внутренний китайский конфликт. Однако уже в конце 1946 г. позиция СССР в отношении масштабов военной помощи КПК меняется. И связано это было, подчёркивает А.В. Самохин, с общим обострением отношений Москвы с США и их союзниками, и значительным сближением Чан Кайши с Вашингтоном. Увеличение Советским Союзом военной помощи КПК с конца 1946 г. было обусловлено не только идеологической близостью КПК, но и глобальными геополитическими интересами СССР на Дальнем Востоке.

А.В. Самохин доказывает, что США помогли переброске армий Гоминьдана в Маньчжурию в начале 1946 г. через целый ряд портов [14, с. 62–64]. Хотя А.М. Ледовский утверждал, что Советский Союз заблокировал переброску гоминьдановских войск в Маньчжурию через порт Дальний и таким образом помог китайским коммунистам [15, с. 9]. Хотя переброску войск можно было осуществлять не только через порт Дальний, но и через другие порты.

Военная помощь Москвы в 1949 г., т. е. в решающий год борьбы КПК с Гоминьданом, была ограниченной. Советские образцы вооружений в армии КПК составляли менее 25 %. Более того, Советский Союз продавал китайским коммунистам устаревшее оружие. Хотя, надо признать, что в 1949 г. возросли поставки Москвой КПК продукции «двойного» назначения, а также увеличилась помощь в развитии транспорта. И лишь с лета 1949 г. советское руководство с целью превращения Китая из дружественного государства в своего союзника начало оказывать КПК масштабную, в том числе и военную помощь. Такое изменение в вопросе помощи СССР КПК, отмечает А.В. Самохин, было связано с тем, что к лету 1949 г. стал окончательно ясен исход гражданской войны в Китае в пользу китайских коммунистов [16, с. 89–92].

Российские синологи в своих трудах много внимания уделили обстоятельствам разгрома войск гоминьдановского режима на заключительном этапе гражданской войны в Китае в 1949 г. Такой пристальный интерес связан, в частности, с утверждением американских учёных, якобы И.В. Сталин весной 1949 г. советовал Мао Цзэдуну воздержаться от форсирования реки Янцзы, что будто бы было обусловлено опасением советского лидера американской интервенции в Китай. Более того, как считали американские исследователи, И.В. Сталин советовал Мао Цзэдуну согласиться на раздел Китая между гоминьдановским режимом и КПК. В.С. Мясников, изучив переписку И.В. Сталина с Мао Цзэдуну, датированную 1949 г., доказал, что американские учёные в своих выводах заблуждаются. Он признал, что задержка с наступлением Народно-освободительной армии Китая (НОАК) весной 1949 г. действительно произошла. Однако причина её кроется в том, что Чан Кайши, опасаясь разгрома войск Гоминьдана, вступил с Мао Цзэдуну в переговоры по политическому урегулированию противостояния КПК с Гоминьданом. Эти усилия Чан Кайши ни к чему не привели и 22 апреля 1949 г. части НОАК начали форсирование р. Янцзы [12, с. 88].

А.Г. Яковлев выделяет в советско-китайских отношениях с 1949 по 1991 г. следующие, качественно отличающиеся друг от друга периоды. В первое десятилетие независимого существования КНР её руководство было ориентировано на тесные отношения с Советским Союзом. С первой половины 60-х гг. XX в. китайское руководство взяло курс на борьбу с «современным ревизионизмом», который, по мнению руководства КПК, в первую очередь ассоциировался с СССР. 70-е гг. XX в. ознаменовались новым витком напряжённости в политике Китая по отношению к Советскому Союзу, когда Пекин заговорил о консолидации всех региональных и глобальных сил в противостоянии «советскому гегемонизму». И лишь с конца 70-х – начала 80-х гг., и особенно после XII съезда

КПК 1982 г. Китай взял курс во внешней политике в целом и в отношении СССР в частности на конструктивизм. Нормализация советско-китайских отношений, начавшись с первой половины 80-х гг. XX в., завершилась в 1989 г. [17].

Российские учёные пытались выделить основные вехи в развитии советско-китайских отношений с момента образования КНР в 1949 г. до распада Советского Союза в 1991 г. Нельзя не согласиться с В.И. Трифоновым, что к таким поворотным и знаковым событиям относятся следующие: установление дипломатических отношений СССР с КНР в 1949 г.; заключение советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в 1950 г. и предоставление Москвой Пекину льготного кредита в 300 млн дол.; провозглашение КПК в 1956 г. нерушимой дружбы с Советским Союзом. Ухудшение двусторонних отношений с конца 50-х гг. XX в., вылившихся в отзыв советских специалистов из Китая в 1960 г. и прекращение сотрудничества СССР с КНР в ядерной сфере. Крупномасштабный пограничный военный конфликт между Советским Союзом и Китаем на острове Даманском в 1969 г. Провозглашение Китаем в 1974 г. теории «трёх миров». Суть её – борьба «второго» (западноевропейские страны и Япония) и «третьего» (страны Азии, Африки и Латинской Америки) «миров» против «гегемонизма сверхдержав» – СССР и США. Отказ КНР в 1979 г. продлить с Советским Союзом договор 1950 г. Курс Пекина с 1982 г. на улучшение отношений с Москвой и, наконец, закрепление поворота с 1989 г. в нормализации советско-китайских отношений [18, с. 57–60, 62].

Российские синологи проявляли интерес и к вопросу о позиции СССР в 1950–1951 гг. по отношению к аннексии Китаем Тибета. (В момент провозглашения КНР в 1949 г. Тибет фактически был независимым государством, но юридически международным сообществом не был признан таковым). А.И. Андреев утверждал, что без политической и военно-технической поддержки главой Советского Союза И.В. Сталиным лидер КНР Мао Цзэдун вряд ли направил бы части НОАК на завоевание Тибета. Тем более, китайской армии, наступавшей на Тибет в условиях высокогорья, нельзя было обойтись без помощи советской авиации в переброске продовольствия воинским подразделениям НОАК. В вопросе аннексии Тибета Китаем Москва оказала Пекину мощную поддержку и на международном уровне, в частности в 1950 г. в ООН. Вердикт представителя СССР в ООН по тибетскому вопросу был однозначен – Тибет является частью Китая и ввод в него китайских войск – внутреннее дело последнего.

Развивая анализ эволюции тибетского вопроса в советско-китайских отношениях во второй половине 50-х гг. XX в., А.И. Андреев подчёркивает, что и при Н.С. Хрущёве позиция Москвы о статусе Тибета не изменилась. Однако в конце 50-х гг. после лхасского восстания и бегства Далай-ламы в Индию, Советский Союз в непубличной сфере подверг тибетскую политику Китая критике, что стало одной из причин ухудшения советско-китайских отношений со второй половины 50-х гг. Хотя главной причиной ухудшения отношений СССР с Китаем со второй половины 50-х гг. были возросшие амбиции Москвы и Пекина и идейно-политические разногласия, не обошлось без влияния и личностного фактора. Н.С. Хрущёв в неприкрытой форме стремился руководить коммунистическим строительством в Китае. Для Мао Цзэдуна это было абсолютно неприемлемо. Лидер КНР хотел идти своим особым путём в развитии страны [19].

Р.А. Медведев отмечал, что КПК не одобрила решений XX (1956 г.) и XXII (1961 г.) съездов КПСС, осудивших культ личности И.В. Сталина [20, с. 167].

Привлекала внимание российских китаеведов тема экономической и научно-технической помощи Советского Союза Китаю в период максимального сближения Москвы с Пекином, это 1949–1960 гг. А.Л. Верченко обратила внимание не только на объёмы и льготные условия такой помощи СССР Китаю, но и на проблемы, возникшие в ходе механизма оказания такой помощи. Она подчёркивала, что иногда заявки китайской стороны на советских специалистов либо не выполнялись, либо оставались без ответа. Иной раз советские специалисты смутно представляли характер своей работы в Китае, либо не соответствовали заявленной специальности. Просчёты в двустороннем сотрудничестве допускала и китайская сторона, в частности в организации труда и не должной профессиональной подготовленности кадров. Немало проблем в совместной работе доставлял и языковой барьер [21, с. 73].

Давая оценку факту отзыва советских специалистов из Китая в 1960 г., А.Г. Яковлев доказал, что это был неверный шаг Москвы. Акция лишь усилила позиции левацких элементов в руководстве КПК и способствовала нарастанию антисоветских настроений в Китае [17, с. 596].

Одной из точек напряжения в советско-китайских отношениях в 60–80-е гг. XX в. была проблема пересмотра территориального разграничения на границе Советского Союза с Китаем.

Чрезвычайный и полномочный посол РФ А.И. Елизаветин проанализировал попытку главы советского правительства А.Н. Косыгина 11 сентября 1969 г. при встрече с премьером Китая Чжоу Эньлаем сдвинуть с мёртвой точки решение этой проблемы. Однако урегулирование вопроса затянулось на многие годы в силу того, что руководство КНР настаивало на выводе советских войск из так называемых китайской стороной «спорных районов», причём все эти «районы» находились на советской стороне границы СССР с Китаем. Москва же предлагала обсуждать конкретную линию прохождения советско-китайской границы без отвода советских войск из «спорных районов» [22, с. 108–109].

Российские учёные пытались выявить факторы, осложнившие нормализацию советско-китайских отношений в 1979 г. А.Г. Яковлев с полным основанием считал, что агрессия Китая против Вьетнама в феврале 1979 г. и ввод советских войск в Афганистан в декабре этого же года осложнили и затормозили нормализацию советско-китайских отношений. Эти действия руководства КНР и Советского Союза лишь продлили влияние левацких элементов на внутреннюю политику Пекина, которые к концу 70–х гг. XX в. стали постепенно сдавать свои позиции [17, с. 600–601].

Таким образом, изученный нами ряд работ российских синологов по советско-китайским отношениям даёт основания утверждать, что они достаточно объективно и не предвзято проанализировали целый ряд ключевых проблем, существовавших между Советской Россией / СССР и Китаем. Российские китаеведы признали просчёты советских военных советников, допущенные ими в ходе реорганизации армии Гоминьдана в 20-е гг. XX в.; превышение советскими дипломатами своих полномочий в Китае в вышеуказанные годы; не всегда стратегически выверенные шаги и решения по отношению к КНР и её лидеру Мао Цзэдуно особенно в 50–60-е гг. XX в.; ошибочность отзыва советских специалистов из Китая в 1960 г. Кроме того, российские учёные дали объективную оценку факту оказания СССР Китаю экономической и научно-технической помощи в 1949–1960 гг., как, впрочем, и степени готовности китайской стороны эффективно этой помощью воспользоваться.

Список источников

1. Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений (1917–1991 гг.). М. : Ин-т Дальнего Востока, 1992. Т. 1. 170 с.; Т. 2, кн. 1. 140 с.; кн. 2. 132 с.
2. Картунова А.И. Политический образ Сунь Ятсена в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом (1923 – март 1925 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 124–135.
3. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М. : Московский общественный научный фонд, 1999. 405 с.
4. Андреев Г.И. Революционное движение на КВЖД в 1917–1922 гг. Новосибирск : Наука, 1983. 141 с.
5. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М. : ИРИ РАН, 1997. 245 с.
6. Глунин В.И. Первая миссия Гоминьдана в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5. С. 98–115.
7. Юркевич А.Г. Военные школы армии Сунь Ятсена и советские советники // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 122–134.
8. Юркевич А.Г. Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е) // Вестн. РУДН. Серия : История России. 2009. № 3. С. 41–48.
9. Романова Г.Н. Взаимоотношения Советской России с Китаем и проблема КВЖД (1917–1920-е гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 105–115.
10. Мякинков С.И. Послеоктябрьская судьба КВЖД: поиски решения (1922–1924) // Восток. 2004. № 5. С. 28–42.
11. Мировицкая Р.А. Отношения СССР с Китаем в годы кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений (1931–1937 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. Т. 14, вып. 14. С. 241–271.

12. Мясников В.С. К 60-летию образования Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между СССР и КНР // Вестн. Московского ун-та. Серия № 25 : Международные отношения и мировая политика. 2009. № 2. С. 86–101.
13. Ледовский А.М. Две телеграммы из переписки Мао Цзэдуна с И.В. Сталиным // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 117–122.
14. Самохин А.В. Советская военная помощь КПК (1945–1946 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 61–66.
15. Ледовский А.М. Сталин и СССР в судьбах Китая: документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М. : Памятники исторической мысли, 1999. 339 с.
16. Самохин А.В. Военная и экономическая помощь Советского Союза Коммунистической партии Китая в 1949 г. // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 4. С. 88–93.
17. Яковлев А.Г. Международное положение и внешняя политика Китая // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М. : Восточная литература, 1999. С. 592–612.
18. Трифонов В.И. Внешняя политика КНР (1949–2009 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 57–70.
19. Андреев А.И. СССР и китайская аннексия Тибета // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2. 2005. Вып. 3. С. 104–118.
20. Медведев Р.А. Китай и распад СССР // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 167–175.
21. Верченко А.Л. Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949–1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 71–79.
22. Елизаветин А.И. Переговоры А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в пекинском аэропорту // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 1. С. 107–119.

References

1. Galenovich Yu.M. *“White spots” and “pain points” in the history of Soviet-Chinese relations (1917-1991)*. Moscow: Institute of the Far East Press; 1992. Vol. 1. 170 p.; Vol. 2, book 1. 140 p.; book 2. 132 p. (In Russ.).
2. Kartunova A.I. The political image of Sun Yatsen in the correspondence of I.V. Stalin and G.V. Chicherin with L.M. Karakhan (1923-March 1925). *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 2010;(1):124-135. (In Russ.).
3. Voskresensky A.D. *Russia and China: theory and history of interstate relations*. Moscow: Moscow Public Science Foundation Publ.; 1999. 405 p. (In Russ.).
4. Andreev G.I. *Revolutionary movement on the Chinese Eastern Railway in 1917-1922*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1983. 141 p. (In Russ.).
5. Melikhov G.V. *Russian emigration to China (1917-1924)*. Moscow: IRI RAN Press; 1997. 245 p. (In Russ.).
6. Glunin V.I. The first mission of the Kuomintang in Moscow. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 1999;(5):98-115. (In Russ.).
7. Yurkevich A.G. Military schools of the army of Sun Yatsen and Soviet advisers. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 2001;(2): 122-134. (In Russ.).
8. Yurkevich A.G. Soviet advisers and Chiang Kaishek: two strategies of military development (1920s). *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii = RUDN Journal of Russian History*. 2009;(3):41-48. (In Russ.).
9. Romanova G.N. The relationship of Soviet Russia with China and the problem of the CER (1917-1920s). *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 2009;(1):105-115. (In Russ.).
10. Myakinkov S.A. The post-October fate of the CER: search for a solution (1922-1924). *Vostok = The East*. 2004;(5):28-42. (In Russ.).
11. Mirovitskaya R.A. Relations between the USSR and China during the crisis of the Versailles-Washington system of international relations (1931-1937). *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost' = China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2009;14(14):241-271. (In Russ.).
12. Myasnikov V.S. On the 60th anniversary of the formation of the People's Republic of China and the establishment of diplomatic relations between the USSR and PRC. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya № 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Moscow University Journal of World Politics*. 2009;(2):86-101. (In Russ.).
13. Ledovskiy A.M. The telegrams from the correspondence between Mao Zedong and I.V. Stalin. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 2000;(6):117-122. (In Russ.).

14. Samokhin A.V. Soviet military aid to the CPC (1945-1946). *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*. 2007;(3):61-66. (In Russ.).
15. Ledovskiy A.M. *Stalin and the USSR in the fate of China: documents and testimonies of a participant in the events of 1937-1952*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ.; 1999. 339 p. (In Russ.).
16. Samokhin A.V. Military and economic aid from the Soviet Union to the Communist Party of China in 1949. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Administration in the East of Russia*. 2009;(4):88-93. (In Russ.).
17. Yakovlev A.G. The international situation and China's foreign policy. *China on the path of modernization and reforms. 1949-1999*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.; 1999:592-612. (In Russ.).
18. Trifonov V.I. Foreign policy of the PRC (1949-2009). *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 2009;(5):57-70. (In Russ.).
19. Andreev A.I. USSR and the Chinese annexation of Tibet. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2*. 2005;(3):104-118. (In Russ.).
20. Medvedev R.A. China and the collapse of the USSR. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 2011;(1):167-175. (In Russ.).
21. Verchenko A.L. Soviet experts in the economic, scientific, technical and humanitarian construction of the PRC (1949-1960). *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 2009;(5):71-79. (In Russ.).
22. Elizavetin A.I. A.N. Kosygin and Zhou Enlai at the Beijing airport. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 1993;(1):107-119. (In Russ.).

Информация об авторе

A.S. Иващенко – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории.

Information about the author

A.S. Ivashchenko – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of General History.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 908
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-79-83

«КРАЙ ИЗГНАНИЯ НЕПРИВЕТНЫЙ»: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ЖЕНЩИН В ТЮРЬМАХ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Валерия Андреевна Масленникова

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия, ms.valeris@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности содержания женщин-заключенных в тюрьмах Таврической губернии середины XIX – начала XX в. Выделяются и описываются проблемы содержания заключенных в арестных домах и тюремных замках. В научный оборот вводятся неопубликованные ранее документы, касающиеся инспекций тюрем Таврической губернии.

Вплоть до начала XX в., невзирая на стабильный прирост женской преступности, представительниц женского пола в местах лишения свободы находилось немного. Сегодня в науке происходит реконструкция социального самочувствия женщин в ракурсе изучения истории повседневности. В связи с этим актуальными представляются исследования особенностей их тюремного содержания в Российской империи середины XIX – начала XX в. Источники, которые бы предоставили полноценную картину социального самочувствия женщин в тюрьмах и арестных домах Таврической губернии, на данный момент отсутствуют. Реконструкция положения женщины, а также ее социального самочувствия в заключении базируется на общероссийских исследованиях, которые дают фрагментарную информацию об определенных аспектах.

Ключевые слова: женщины, преступность, тюрьма, заключение, арестный дом, Симферопольская тюрьма, Таврическая губерния

Для цитирования: Масленникова В. А. «Край изгнания неприветный»: некоторые особенности содержания женщин в тюрьмах Таврической губернии середины XIX – начала XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 79–83.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

“THE EDGE OF EXILE, UNWELCOME”: SOME FEATURES OF KEEPING WOMEN IN PRISONS OF THE TAURIDE PROVINCE IN THE MIDDLE OF THE 19th - EARLY 20th CENTURY

Valeria A. Maslennikova

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, ms.valeris@bk.ru

Abstract. The article examines the features of keeping women prisoners in the prisons of the Tauride province in the mid-19th - early 20th century. The problems of keeping prisoners in detention centers and prison castles are highlighted and described. The article uses subsequently introduced into scientific circulation, previously unpublished documents concerning the inspections of prisons in the Tauride province.

Implementation of criminal responsibility in the Russian Empire in the mid-19th - early 20th century was carried out by sending prisoners to jails, arrest houses, correctional prison departments, however, until the beginning of the twentieth century. Despite the stable increase in female crime, there were very few female representatives in places of imprisonment. At the moment, science is looking for solutions that can improve the quality of the penitentiary system in relation to women. In this regard, it is especially relevant to study the characteristics of female prison detention in retrospect. There are currently no sources that would provide a full picture of the social well-being of women in prisons and detention centers in the Tauride province, which in turn makes research on this issue relevant. The reconstruction of a woman's position, as well as her social well-being in prison, is based on all-Russian studies, which provide fragmentary information about certain aspects.

Keywords: women, crime, prison, imprisonment, house of detention, Simferopol prison, Tauride province

For citation: Maslennikova V. A. "The Edge of Exile, Unwelcome": Some Features of Keeping Women in Prisons of the Tauride Province in the Middle of the 19th - Early 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):79-83. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

«Гробом кажется тюрьма...
В ней гниют живые люди» [1, с. 31].

Отдельной темой в изучении истории женской преступности выступает анализ положения женщин в заключении. Уже на рубеже XIX – XX вв. быт заключенных стал распространенной темой для исследований. Отчасти такой интерес спровоцировали заметки в периодической печати различных губерний о притеснениях политических заключенных. В начале XX в. даже была выпущена брошюра о мнимых притеснениях заключенных в русских тюрьмах. В ней признавали факт «некоторого переполнения тюрем» [2, с. 10], но всячески отрицали случаи избиения и истязания заключенных.

Среди дореволюционных источников выделялась работа М. Шеффер, которая сама отбывала срок в российской тюрьме. При описании тюремной жизни автор уделяла внимание быту арестанток и их повседневным занятиям. Они занимались торговлей, в тюремных застенках грамотные узницы за 3–5 коп. писали письма [3, с. 88]. «Каторжанки только и живут сношениями с арестантами, заигрыванием с конвойными солдатами и вообще интригами амурного свойства» [3, с. 87].

Свидетельства следователя Н. П. Тимофеева подтверждали данное обстоятельство. Он писал, что во время прогулок, прибегая к хитрости, арестантам довольно часто удавалось устраивать свидания друг с другом, невзирая на то, что это было запрещено [4, с. 167]. Не всегда свидания случались на добровольной основе. В исследовании царских тюрем М. Н. Гернета указывалось, что тюрьмы приобретали смежные черты с публичным домом [5, с. 391–399].

Среди современных авторов, уделивших внимание особенностям тюрем на территории Таврической губернии середины XIX – начала XX в., необходимо упомянуть ученых А. Н. Григорьева [6], А. Ю. Сибилеву [7, 8].

При описании быта женщин-преступниц в заключении особое внимание привлекает состояние тюрем Таврической губернии после судебной реформы. Ряд проблем был выявлен и при рассмотрении общего положения тюремного дела на территории губернии в 1865 г. Состояние тюрем признавалось неудовлетворительным из-за тесноты и неудобств зданий и совершенной непригодности их к содержанию заключенных [9, с. 538–542]. Эти неудобства приводили к тому, что практически невозможно было исполнять правила о законном размещении арестантов по роду преступлений [10, л. 10]. Отсутствие мастерских в 9 из 10 тюремных зданий, порождало определенную праздность среди арестантов. В целом обстановка вводила их в депрессивное состояние. Пища была скудной, посуда для приготовления – непригодной.

Чтобы улучшить положение заключенных, необходимо было решить вопрос о помещениях. Экономия денежных средств земствами также отражалась на качестве жизни всех узников. В Евпаторийском уезде во время введения мировых судебных учреждений (1869 г.) старые дома были пе-

реоборудованы в арестные дома. Однако, как свидетельствовали современники, они были без полов, потолки – низкие для обычного человека, что создавали дискомфорт. Но по прошествии 15 лет «и от этого жалкого подobia законности не осталось и следа» [11, с. 180].

Существовала проблема передержки арестантов. Например, камера для призраения одного заключенного, обоснованная в камерке бывшего архива, преобразовывалась в подобие тюрьмы [12, л. 33–45]. В ней содержались и мужчины, и женщины без разделения по гендерному признаку и видам преступлений [11, с. 180].

Арестные дома в большинстве своем были неудобны. Из-за отсутствия свободных комнат, арестанты часто соприкасались друг с другом [12, л. 53]. Например, в Симферополе арестное отделение состояло из 5 комнат, которые охранял один надзиратель. Отдельно для женщин надзирательницу не нанимали, ее функции выполняла кухарка [12, л. 53]. В 1890 г. Симферопольское уездное земское собрание постановило, что по прошествии 24 лет после указа о преобразовании тюрем в Таврической губернии из-за отсутствия должного надзора со стороны правительства некоторые арестные помещения не соответствуют своим назначениям [13, с. 6].

Полной изоляции мужчин от женщин не существовало. Однако определенная доля заботы о женщинах со стороны тюремной администрации все-таки проявлялась. Для них приобретали иную посуду, не такую убогую и непригодную, как для мужчин [8, с. 134]. Старались обеспечить условия на том же уровне, что и для заключенных чиновников. Но все же, по свидетельствам очевидцев, из-за скученности и нехватки помещений, положение арестантов признавалось удручающим: спали на голой земле, испражнялись в камерах, не имели доступа к свежему воздуху [14, с. 181], по несколько месяцев обходились без мытья, а это, в свою очередь, провоцировало различные болезни [11, с. 91].

В результате из-за отсутствия отдельных камер для женщин, а также несоблюдения правил их содержания выносилось большое количество оправдательных приговоров. Присяжные сочувственно относились к бедственному положению подсудимых. Таким образом многие освобождались от уголовной ответственности и оставались на свободе [15].

Инспектировавшие тюремные помещения особое внимание обращали на соблюдение правил содержания арестантов. Статский советник Г. Ф. фон Беттихер во время служебной поездки в Симферополь нашел ряд нарушений содержания арестантов при начальнике Симферопольского тюремного замка Баланчивадзе. Он подчеркнул, что «камеры с политическими иногда бывали открыты, а женское отделение не запиралось вообще», что свидетельствовало о несоблюдении Устава о содержащихся под стражей [16, л. 21]. П. Н. Масальский-Кошуру в протоколе действительного статского советника Таврического вице-губернатора писал, что: «в ноябре 1907 г. посетил Симферопольскую тюрьму и нашел ее в крайне беспорядочном состоянии, о чем он и доложил губернатору: «Помню, что меня, между прочим, поразили крайняя распушенность и беспорядок в содержании и распределении арестантов» [17, л. 75–76]. В его служебной записке был отмечен тот факт, что арестанты свободно разгуливали по тюрьме и двору, следственные и срочные содержались в перемешку, выделенные политическим камеры оказались незапертые. «В женском отделении политические арестантки так же имели общение между общеуголовными, причем мне показалась очень подозрительной надзирательница» [17, л. 75–76].

После увольнения Баланчивадзе, который лояльно относился к заключенным женщинам, уважая их права, на его место было решено пригласить коллежского секретаря И. Павлова-Сильванского, который был аттестован как «весьма знающий и энергичный чиновник, вполне способный установить и поддержать надлежащий режим» [16, л. 24]. В итоге в течение 1908–1909 гг. о Симферопольской тюрьме пошли слухи как об одной из жесточайших тюрем Российской империи.

В прессе было опубликовано письмо из Симферополя, повествовавшее о тяжелых условиях жизни заключенных при И. Павлове-Сильванском. Указывалось, что уголовные и политические были лишены коек. Из стен вытаскивали гвозди и деревянные колышки, так что не только платья, но и полотенца валялись на полу. Надзиратели обращались ко всем заключенным на «ты» и ругали их, не исключая женщин, площадной бранью. Деньги, приходящие на имена переведенных в другие тюрьмы, удерживались И. Павловым-Сильванским, о чем подавали жалобы Таврическому губернатору. Для большей свободы он выписал своих родственников, пополнивших штат надзирателей. Из женского отделения уволил двух надзирательниц, заменив их на мужчин, нарушив Устав о содер-

жащихся под стражей [18, с. 130–141]. Случались и другие прецеденты. Например, конвойный офицер Щербаков насильно обыскал политических женщин: Биндер, Клейдман и Бондареву.

Как свидетельствовал Пучков-Безродный в своем очерке «В царских застенках в 1909 г.» (о Симферопольской губернской тюрьме), «здесь бьют всех без исключения, даже и женщин, но особенно издеваются над теми, к кому найдут повод придраться» [19, л. 3].

Таким образом, положение заключенных в целом по Российской империи было удручающим. Комиссии, описывавшие тюремные помещения после судебной реформы, признавали их неудовлетворительными по ряду показателей. На территории Таврической губернии к концу XIX в. большая часть помещений для содержания и временного расположения преступников не соответствовала своему назначению. Недостаточное финансирование усугубляло уже имевшиеся проблемы: с питанием арестантов, их лечением, улучшением их быта, отсутствием оборудованных мастерских. Стоит признать, что женщин в некоторых тюрьмах на территории Таврической губернии «щадил» – они имели доступ к лучшей посуде по сравнению с мужчинами.

В целом определенные трансформации в судебной системе конца XIX в. способствовали количественному приросту женского элемента среди заключенных. Несмотря на это, новые тюрьмы в Таврической губернии не строились. Скученность тюремных помещений приводила к тому, что некоторые преступники продолжали отбывать положенный срок наказания не в тюрьме, а в арестантском доме, который предназначался для краткосрочного пребывания. Происходило смешение преступного контингента по преступлениям, а также по половозрастному составу.

Проверки показали общую неустроенность тюремного дела на территории Таврической губернии и в начале XX в. Порой женщины содержались в вольных условиях, имели избыток личных вещей, некоторые могли свободно перемещаться по тюремному замку. Обнародование этих данных вкупе с ростом политических преступных деяний закончилось сменой руководства в отдельных тюрьмах, что в свою очередь ухудшило положение заключенных. Ужесточение режима в Симферопольской тюрьме, которая обрела славу «кожедёрни», привело к массовым возмущениям среди тюремного контингента. Заключенные объявляли голодовки, призывали к помощи извне, писали письма и жаловались на тюремное руководство. Активное участие в забастовках за улучшение своей участи принимали и женщины.

Список источников

1. *Немирович-Данченко В. И.* Стихи. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1902. 454 с.
2. Мнимые притеснения заключенных в русских тюрьмах. СПб. : Тип. газ. «Россия», 1910. 40 с.
3. *Шеффер М.* Среди арестанток. СПб. : Современ. мысль, 1907. 92 с.
4. *Тимофеев Н. П.* Записки следователя. СПб. : К.Н. Плотникова, 1872. 379 с.
5. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Госюриздат, 1961. 430 с.
6. *Григорьев А. Н.* Реформирование пенитенциарной системы на Украине в конце XIX – начале XX в. на примере Таврической губернии. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94367/14%E2%80%93Grigoryev.pdf?sequence=1> (дата обращения: 01.05.2020).
7. *Сибилева А. Ю.* Организация освещения и отопления в тюрьмах Таврической губернии в XIX – начале XX в. // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. : Юриспруденція. 2013. № 63, т. 1. С. 35–38.
8. *Сибилева А. Ю.* Организация питания заключенных в тюрьмах Таврической губернии в конце XVIII – начале XX в. // *Legea și Viața*. 2014. № 2/3(266). С. 131–136.
9. Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. СПб. : Тип. М-ва вн. дел, 1865. 668 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1278. Оп. 7. Д. 565.
11. Постановления заседаний Евпаторийского уездного земского собрания. Евпатория, 1886. 353 с.
12. РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 2.
13. Постановления Симферопольского уездного земского собрания. Симферополь, 1890. 223 с.
14. Постановления Симферопольского уездного земского собрания XXVI очередной сессии 1901 года. Симферополь, 1901. 451 с.

15. Масленникова В. А. «Кого только у нас присяжные не оправдывают»: массовые оправдательные приговоры в Таврической губернии конца XIX – начала XX в. (гендерный аспект) // Исторический путь России: из прошлого в будущее. 2021. № 2. С. 291–295.
16. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5451.
17. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 508.
18. Рябчиков А. Н. Устав о содержащихся под стражей. Казань : Лито-тип. Л.П. Антонова, 1903. 296+327 с.
19. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1146. Очерк Пучкова-Безродного «В царских застенках в 1909 г.».

References

1. Nemirovich-Danchenko V.I. *Poems*. Printing House of A.S. Suvorin; 1902. 454 p. (In Russ.).
2. *Alleged harassment of prisoners in Russian prisons*. Saint Peterburg: Russia Publ.; 1910. 40 p. (In Russ.).
3. Sheffer M. *Among the prisoners of St. Petersburg*. Saint Peterburg: Sovremennaya mysl' Publ.; 1907. 92 p. (In Russ.).
4. Timofeev N.P. *Notes of the investigator*. Saint Peterburg: K.N. Plotnikova Publ.; 1872. 379 p. (In Russ.).
5. Gemet M.N. *The history of the imperial prison*. In 5 volumes. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1961. 430 p. (In Russ.).
6. Grigoriev A.N. Reforming the penitentiary system in Ukraine in the late 19th - early 20th century on the example of the Taurida province. Available from: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94367/14%E2%80%9393Grigoryev.pdf?sequence=1> [Accessed 1st May 2020]. (In Russ.).
7. Sibileva A.Yu. Organization of lighting and heating in prisons of Tavricheskaya province in the 19th - early 20th century. *Naukovii visnik Mizhnarodnogo humanitarnogo universitetu. Ser.: Yurisprudentsiya = Scientific Bulletin of the International Humanitarian University. Jurisprudence*. 2013;1(63):35-38. (In Russ.).
8. Sibileva A.Yu. Organization of catering for prisoners in the prisons of Tauride province at the end of the 18th - beginning of the 20th century. *Legea și Viața*. 2014;(2/3):131-136. (In Russ.).
9. *Proceedings on the question of the transformation of the prison unit in Russia*. Saint Peterburg: Ministry of Internal Affairs Press; 1865. 668 p. (In Russ.).
10. *State Archives of the Russian Federation (SARF)*. Fund 1278. In. 7. File 565. (In Russ.).
11. *Resolutions of the meetings of the Evpatoria district zemstvo assembly*. Evpatoria, 1886. 353 p. (In Russ.).
12. *RSHA*. Fund 1149. In. 10. File 2. (In Russ.).
13. *Resolutions of the Simferopol district zemstvo assembly*. Simferopol, 1890. 223 p. (In Russ.).
14. *Resolutions of the Simferopol district zemstvo assembly of the XXVI regular session of 1901*. Simferopol, 1901. 451 p. (In Russ.).
15. Maslennikova V.A. “Who else is not acquitted by the jury”: mass acquittals in the Tauride province of the late 19th - early 20th century (gender aspect). *Istoricheskii put' Rossii: iz proshlogo v budushchee = Historical Path of Russia: from the Past to the Future*. 2021;(2):291-295. (In Russ.).
16. *SARF*. Fund 122. In. 1. File 5451. (In Russ.).
17. *SARF*. Fund 102. In. 238. File. 508. (In Russ.).
18. Ryabchikov A.N. *The statute on detainees*. Kazan: Lito-Printing House of L.P. Antonov; 1903. 296 + 327 p. (In Russ.).
19. *SARF*. Fund 533. In. 1. File 1146. Essay by Puchkov-Bezrodny “In the tsar's dungeons in 1909”. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Масленникова – аспирант кафедры истории России Таврической академии.

Information about the author

V. A. Maslennikova – Postgraduate of the Department of Russian History, Taurida Academy.

Статья поступила в редакцию 26.08.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 26.08.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 94(470) "1945/1955"
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-84-89

КАЗАКИ В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ

Олег Валерьевич Ратушняк¹✉, Татьяна Витальевна Ратушняк²

¹ Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына, Краснодар, Россия, oleg_ratushnyak@mail.ru✉

² Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, tatyana.ratushnyak@mail.ru

Аннотация. Анализируются сразу две проблемы, являющиеся еще малоизученными в российской историографии. Одна из них связана с деятельностью лагерей для перемещенных лиц. Другая охватывает пребывание казаков за рубежом в первые годы после окончания Второй мировой войны. Отмечается, что в целом казаки, оказавшиеся в числе перемещенных лиц, прошли тот же путь, что и другие выходцы из СССР. В то же время особенностью пребывания казаков из числа лиц, оказавшихся за пределами СССР в годы Второй мировой войны, в лагерях ди-пи был факт соседства с ними казаков, ушедших за рубеж в годы Гражданской войны. Показано, что в лагерях для перемещенных лиц социально-политическая и социально-культурная жизнь казаков была насыщена не только обсуждением современного положения, но и затрагивала вопросы прошлого и будущего казачества. Взаимоотношения казаков первой и второй волны эмиграции были противоречивыми – от взаимопомощи до неприятия – и носили преимущественно субъективный характер.

Ключевые слова: казачество, казаки, перемещенные лица, Вторая мировая война, лагеря ди-пи

Для цитирования: Ратушняк О. В., Ратушняк Т. В. Казаки в лагерях для перемещенных лиц // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 84–89.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

COSSACKS IN CAMPS FOR DISPLACED PERSONS

Oleg V. Ratushniak¹✉, Tatiana V. Ratushniak²

¹ Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, Krasnodar, Russia, oleg_ratushnyak@mail.ru✉

² Kuban State University, Krasnodar, Russia, tatyana.ratushnyak@mail.ru

Abstract. The article analyzes simultaneously two problems that are still poorly understood in Russian historiography. One of them is related to the activities of camps for displaced persons. Another problem covers the stay of the Cossacks abroad in one of the little-studied periods of Russian history - the first years after the end of the Second World War. Attention is drawn to the fact that, on the whole, the Cossacks who found themselves among the displaced persons followed the same path as other immigrants from the USSR. At the same time, the peculiarity of the stay of the Cossacks from among the persons who ended up outside the USSR during the Second World War in the DP camps of the was the fact that the Cossacks who went abroad during the Civil War were adjacent to them. It also proves the conclusion that in the camps for displaced persons the socio-political and socio-cultural life of the Cossacks was saturated not only with the discussion of the current situation, but also touched upon the issues of the past and future of the Cossacks. It is shown that the relationship between the Cossacks of the first and

second waves of emigration was contradictory - it ranged from mutual assistance to rejection. And the reasons for this dualism were predominantly subjective.

Keywords: Cossacks, Cossacks, displaced persons, Second World War, DP camps

For citation: Ratushniak O. V., Ratushniak T. V. Cossacks in Camps for Displaced Persons. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):84-89. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Проблемы российской эмиграции неоднократно становились предметом исследования как российских, так и зарубежных ученых. Однако далеко не всем вопросам уделено равное внимание. Практически не анализировалось нахождение в лагерях для перемещенных лиц отдельных представителей российской эмиграции, в частности казачества. В то же время изучение данной проблемы позволяет получить дополнительные сведения по истории казачества и российской/советской эмиграции, лучше понять некоторые процессы, происходившие в Европе после Второй мировой войны, когда за рубежом оказалось значительное количество советских граждан. Большинство из них насильственно были вывезены германскими оккупационными властями из СССР или попали в немецкий плен. Однако были и те, кто добровольно оставил свою родину. Среди лиц, оказавшихся за рубежом, фигурировали и представители казачества.

Установить точную численность казаков, перемещенных в ходе Второй мировой войны за пределы своей страны, в настоящее время чрезвычайно сложно. Прежде всего потому, что и в советских, и в германских документах казаки редко выделялись в качестве отдельной этнической группы. В некоторых документах Третьего рейха, включая документы вермахта, есть упоминание о казачьих частях и подразделениях. Однако в казачьих подразделениях вермахта, как, впрочем, и в казачьих частях Красной Армии, далеко не все военнослужащие были казаками.

После окончания войны перед правительствами государств-победителей возникли проблемы, связанные с перемещенными лицами и с действиями германских властей по отношению к ним. В-первых, необходимо было определить дальнейшую судьбу этих людей, так как не все стремились вернуться на родину. Во-вторых, до окончательного решения первой задачи нужно было создать благоприятные условия для их жизни.

Судьбой перемещенных лиц занимались различные общественные, правительственные и неправительственные организации. Одной из наиболее представительных организаций являлась Администрация Объединенных Наций по оказанию помощи и восстановлению (далее – UNRRA, от англ.: United Nations Relief and Rehabilitation Administration), созданная в ноябре 1943 г. Среди её учредителей (44 государства) был и Советский Союз.

Перемещенные лица стали одним из объектов, кому UNRRA оказывала помощь. Однако статус ди-пи (от англ.: displaced persons – перемещенные лица) еще необходимо было подтвердить. претендент на данный статус должен был доказать, что он не был гражданином СССР (по крайней мере до 1 сентября 1939 г.), в Германию привезен против своей воли, в сотрудничестве с национал-социалистами не замечен, в частях Русской освободительной армии не состоял и владеет языком страны проживания [1, с. 461].

Только пройдя процедуры регистрации и идентификации, ди-пи могли рассчитывать на материальную помощь со стороны UNRRA, которая помимо материальной поддержки занималась и вопросами репатриации и в этом плане активно сотрудничала с официальными представителями СССР.

В том, что летом 1947 г. деятельность UNRRA была приостановлена, в значительной степени ответственны правящие круги США. Однако вскоре ее работу продолжила IRO (от англ. International Refugee Organization – Международная организация по делам беженцев), учредителем которой являлась Организация Объединенных Наций (ООН). Основной задачей IRO стала организация размещения ди-пи в различных государствах, включая заботу об их устройстве на новом месте. Беженцам предоставлялась возможность переезда в те государства, правительства которых были заинтересованы в рабочих руках (Австралия, США, Канада, Бельгия, Франция, Англия и некоторые латиноамериканские государства).

С 1 января 1951 г. решение проблемы ди-пи взяло на себя Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. При этом IRO действовала еще на протяжении почти всего 1951 г. В основе работы Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев лежала Конвенция о статусе беженцев 1951 г. [2, с. 12–13], имеющая международный характер.

В основном ди-пи размещались в Германии и Австрии, в зонах, контролируемых США и Великобританией. Среди них было и значительное количество казаков. При этом в лагерях содержались и казаки, оказавшиеся за пределами СССР в годы Второй мировой войны, и казаки-эмигранты, ушедшие за границу в годы Гражданской войны в России. Пребывание в лагерях ди-пи было полностью добровольным. В большинстве их создавались комитеты и избирались коменданты из числа перемещенных лиц, которые в свою очередь подчинялись сначала представителю оккупационных властей, а позже – местным властям. При этом даже после официального роспуска лагерей часть ди-пи еще некоторое время жили в них и даже получали пособие по безработице от местной администрации [3, с. 564–565].

Положение беженцев в разных лагерях различалось. В американской и британской зонах Германии обстановка была наиболее благоприятная. Руководство лагерей поощряло действующее здесь самоуправление, поддерживало развитие различных культурных (библиотеки) и образовательных учреждений (школы), созданных ди-пи [4, с. 452]. Казаки выполняли самую разнообразную работу, получая за неё определённую плату. Жили главным образом в бараках и больших комнатах, рассчитанных на 15–20 человек. В лагерях для перемещенных лиц в Менхегофе, Мюнхене, Регенсбурге, Шляйсхайме работали школы и даже гимназии. Многие казаки, относительно хорошо устроившиеся в других государствах, помогали тем, кто находился в лагерях. Например, для Политехнической школы лагеря в Фюссене и Шляйсхайме казак А.И. Скрылов, получивший в 1928 г. в Югославии диплом геодезиста и затем переехавший в США, выслал теодолит и учебные пособия. В лагере Пеггец на казачьем кладбище 15 октября 1945 г. казаками была произведена закладка памятника [5, с. 173].

Общественно-культурная и общественно-политическая жизнь казаков в лагерях была насыщена обсуждением современного положения, затрагивала вопросы прошлого и будущего казачества. Одним из обсуждаемых был вопрос о дальнейшей судьбе казаков, проживавших в лагерях. И здесь порой наблюдалось противостояние различных казачьих организаций. Активным участником общественно-политической жизни ди-пи был Казачий национальный центр в Германии. Вопросы прошлого и будущего казачества были предметом обсуждения на различных собраниях, выносились на страницы местной печати, созданной самими казаками. Например, в лагере Шляйсхайм (Германия, недалеко от Мюнхена) издавался журнал «На пикете». Его учредителем значилась общеказачья страница. Журнал позиционировался как информационно-бытовой. Казаки-националисты издавали литературно-исторический и информационный журнал «Казакция». Всеказачьим антикоммунистическим зарубежным объединением выпускался ежедневный бюллетень «Антикоммунист».

Большая часть лагерей для перемещенных лиц окормлялась русскими православными священниками, находящимися под юрисдикцией РПЦЗ [6, с. 313–314]. Церковь играла значимую роль в жизни казаков. В.Г. Науменко в феврале и марте 1949 г. писал кубанскому казаку полковнику Ф.И. Елисееву: «В нашем лагере, где немного казаков, мы всегда служим панихиды и по Краснову, и по Шкуро и по всем другим умученным, в том числе и по Рабе Божию Келече (речь идет о генерале Султани Келеч-Гирее, повешенном в Москве по приговору советского суда вместе с П.Н. и С.Н. Красновыми, А.Г. Шкуро и Г. фон Паннвицем. – *О.Р., Т.Р.*). Хотя он и мусульманин, но ведь Бог-то один... Служим и по Рабе Божию Гельмуте – это по Паннвицу, который действительно благородно держал себя до конца...» [7, с. 413]. Как видно из сочувственного тона данного письма, сотрудничество казаков (в частности атамана Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко) с германскими властями носило добровольный характер.

Отмечали в лагерях и войсковые праздники. В коллекции документов Кубанского казачьего войска за рубежом содержится описание праздника Покрова Пресвятой Богородицы в лагере Фишбек в 1948 г.: «Войсковой праздник отмечен богослужениями... и казачьей трапезой... на богослужениях присутствовали не только казаки, но и многие жители лагеря – не казаки, а казачья трапеза, невзирая на тяжелые времена, удалась на славу. И закусок, и напитков – конечно, напитков наших, национальных – было достаточно, а особо жаждущим хватило и через край... Были речи на темы о про-

шлом и настоящем казачества и казачьих деятелей, тосты за их здоровье и казачье будущее. Затем начались танцы, песни» [5, с. 174].

Одним из популярных занятий и времяпровождения казаков в лагерях стало чтение. Они активно участвовали в издании газет и журналов, книг. Так, в 1946 г. представитель донского казачества Н.Е. Парамонов открыл в Байроте (Бавария) издательство, которое в скором времени приобрело большую известность далеко за пределами Баварии. Н.Е. Парамонов печатал преимущественно классиков, издавая их типографским способом [8, с. 388].

В издательской деятельности принял участие и атаман Кубанского казачьего войска за рубежом генерал В.Г. Науменко, сотрудничавший в годы Второй мировой войны с германскими властями. Он наладил в одном из лагерей ди-пи издание информационного листка «Казак». Издательская деятельность в лагерях ди-пи поражает прежде всего количеством наименований выпускаемых изданий, тираж которых был крайне мал. На протяжении пребывания казаков в лагерях ди-пи (преимущественно в Баварии) ими издавались различные газеты и журналы («Казачий Союз», «Казачий вестник»), информационные листки и бюллетени, в том числе журнал для молодежи «Казачья смена».

Последние годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы ознаменовались началом взаимодействия казаков-эмигрантов двух волн. К первой волне мы относим казаков, ушедших за рубеж в годы Гражданской войны в России, ко второй – тех казаков (выходцев из СССР), которые оказались за границей в результате перипетий Второй мировой войны и не планировали возвращаться в Советский Союз. Отметим определенный дуализм в их взаимоотношениях. С одной стороны, будучи казаками и потомками казаков, эмигранты обеих волн имели общее историческое прошлое, а также некий объединяющий социум в лице казачества (порой без идентификации его как сословие, этнос, субэтнос и т.д.). С другой стороны, казаки и первой, и второй волны эмиграции первоначально относились друг к другу с некоторым недоверием и даже враждебностью, что определялось различными причинами, преимущественно субъективного характера. Так, казаки первой волны эмиграции считали выходцев из СССР своеобразными предателями в гражданском противостоянии периода революции и Гражданской войны, тем, кто поддержал советскую власть. В свою очередь казаки, оказавшиеся за границей в результате перипетий Второй мировой войны, видели в казаках-эмигрантах тех, кто поддержал фашистскую агрессию и оккупацию, а также сторонников монархического режима. В то же время были причины, приводившие к стремлению казаков первой и второй волны к сближению. И общее историческое прошлое было в этом плане далеко не основной причиной. Казаки, принадлежавшие к первой волне эмиграции, разыскивали среди выходцев из СССР своих родных и близких, а казаки из числа советских эмигрантов, оказавшиеся в трудной ситуации беженца и не желавшие возвращаться в СССР, видели в «братьях-казаках» тех, кто потенциально мог оказать помощь в устройстве за границей. Обе волны эмигрантов объединяла паническая боязнь возвращения в СССР, при этом советские эмигранты боялись возвращения не меньше эмигрантов первой волны. И они делали все, чтобы этого избежать, в том числе и путем выдачи себя за казаков послереволюционной волны (если не могли вообще избежать регистрации, которой выходцы из СССР боялись почти на генетическом уровне).

И.В. Халафова (одна из современниц исследуемых событий) отмечает: «...обе эти эмиграции, несмотря на то, что многое различало и разделяло их, несмотря даже на стычки и конфликты, за пять лет общей сознательной борьбы и труда, в главном слились воедино. Одним из самых наглядных примеров этого слияния была полная взаимопомощь и сотрудничество обеих эмиграций во времена так называемых “скринингов”, в течение которых еще наивные союзники сотрудничали с СССР в вывозе бывших русских подданных, которых Советское правительство хотело вернуть на родину. В то время опасность была актуальной, и перед глазами стоял насильственный вывоз казаков из Лиенца» [9, с. 111].

Стремясь избежать репатриации, казаки использовали различные способы, включая запись во французский иностранный легион.

Дуализм во взаимоотношениях между казаками-эмигрантами обеих волн сказывался и в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны. Они то сближались, то опять разъединялись. Причины разъединения и даже обострения отношений чаще всего носили идеологический характер, связанный с разным социальным опытом, приобретенным между двумя мировыми войнами. Казак-эмигрант В.Г. Улитин вспоминает: «Трудно было нам понимать друг друга, найти общий язык для

определения сущности нашего общего врага» [10, с. 107]. И это действительно было так. Эмигранты первой волны видели в «подсоветских» виновников своего поражения в Гражданской войне, а последние в свою очередь помнили те беды, которые были связаны с антибольшевистскими силами и фашистским нашествием.

Несмотря на разногласия и противоречия между казаками-эмигрантами обеих волн, в целом их жизнь проходила по одному общему сценарию. Попав в лагеря ди-пи, они вынуждены были сосуществовать друг с другом, и искать способы избежать репатриации. Если казаки первой волны первые годы пребывания за рубежом стремились расположиться в государствах сопредельных с бывшей родиной, то после Второй мировой войны и они, и казаки-эмигранты второй волны стремились уехать как можно дальше от территории СССР, преимущественно за границы евразийского континента. В большинстве случаев возможность для выезда была одна – трудоустройство (контракт на работу) в государствах, нуждавшихся в рабочих руках. Учитывая, что многие казаки были связаны с тяжелым физическим, преимущественно сельскохозяйственным трудом, найти работу и подписать контракт для них было проще, чем для некоторых других перемещенных лиц. Чаще всего государствами, принявшими казаков-эмигрантов, были страны, нуждавшиеся в сельскохозяйственных работниках, – Австралия, Канада, государства Латинской Америки. К 1952 г. практически большинство казаков покинули лагеря ди-пи, переехав на другие континенты или оставшись в Европе. Из европейских государств большинство казаков приняли Бельгия, Великобритания, Германия, Франция, также нуждавшиеся в рабочих руках после Второй мировой войны.

Таким образом, в целом казаки, оказавшиеся в числе перемещенных лиц, прошли тот же путь, что и другие выходцы из СССР. В то же время была особенность, которая отличала жизнь казаков от других ди-пи. Она определялась соседством казаков двух волн эмиграции, которые, с одной стороны, были объединены общими историко-культурными корнями, а с другой – разъединены некоторыми событиями недавнего прошлого.

Список источников

1. Родионова Н. А. Жизнь лагеря для перемещенных лиц Менхегоф и судьба его обитателей (на основе воспоминаний К. В. Болдырева, И. И. Халафовой, А. И. Жедилягиной) // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 454–466.
2. Ионцев В. А. Мировые миграции. М. : Знание, 1992. 62 с.
3. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М. : Наука, 2002. 896 с.
4. Ульяновская Т. И. «Дикая историческая полоса»: иммиграция русских ученых в США из послевоенной Европы // Русский Берлин: 1920–1945. М. : Русский путь, 2006. С. 423–461.
5. Ратушняк О. В. Казачье зарубежье в 1940–1960-е гг. Краснодар : КубГУ, 2017. 300 с.
6. Шкаровский М. В. Русская церковная эмиграция в Италии в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 308–314.
7. Науменко В. Г. Великое Предательство. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Как погибали казаки. М. : Посев, 2009. 544 с.
8. Полчанинов Р. В. Русский книжный «бум» в Германии в 1945–1948 гг. // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 283–401.
9. Каневская Г. И. «Я – бездомный, но зато на воле...». Русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.). Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. 232 с.
10. Улитин В. Г. За Курганом... Очерки, статьи. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2000. 160 с.

References

1. Rodionova N.A. The life of the Menchegoff camp for displaced persons and the fate of its inhabitants (based on the memoirs of K.V. Boldyrev, I.I. Khalafova, A.I. Zhedilyagina). *Nansen Readings*. 2009. Saint Petersburg, 2010:454-466. (In Russ.).
2. Iontsev V.A. *World migrations*. Moscow: Znaniya Publ.; 1992. 62 p. (In Russ.).

3. Polyan P.M. *Victims of two dictatorships: life, work, humiliation and death of Soviet prisoners of war and Ostarbeiters in a foreign land and at home*. Moscow: Nauka Publ.; 2002. 896 p. (In Russ.).
4. Ulyankina T.I. “Wild historical strip”: the immigration of Russian scientists to the United States from post-war Europe. *Russian Berlin: 1920-1945*. Moscow: Russkii put' Publ.; 2006:423-461. (In Russ.).
5. Ratushnyak O.V. *Cossacks' abroad life in the 1940s-1960s*. Krasnodar: Kuban State University Press; 2017. 300 p. (In Russ.).
6. Shkarovsky M.V. Russian Church Emigration in Italy during the Second World War and the First Post-War Years. *Nansen Readings. 2009*. Saint Petersburg, 2010:308-314. (In Russ.).
7. Naumenko V.G. *Great Betrayal*. Strelyanov (Kalabukhov) P.N. *How the Cossacks died*. Moscow: Posev Publ.; 2009. 544 p. (In Russ.).
8. Polchaninov R.V. Russian book “boom” in Germany in 1945-1948. *Nansen Readings. 2009*. Saint Petersburg, 2010:283-401. (In Russ.).
9. Kanevskaya G.I. “*I am a homeless person, but I am free...*”. *Russian displaced persons in Australia (1947-1954)*. Vladivostok: Far Eastern University Press; 2005. 232 p. (In Russ.).
10. Ulitin V.G. *Behind the Kurgan... Essays, articles*. Rostov-on-Don: Rostizdat Publ.; 2000. 160 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Ратушняк – доктор исторических наук, заместитель генерального директора.

Т. В. Ратушняк – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.

Information about the authors

O. V. Ratushniak – Doctor of Science (History), Deputy General Director.

T. V. Ratushniak – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 27.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 05.10.2021; approved after reviewing 27.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-90-95

СОСТОЯНИЕ ДУХОБОРЧЕСТВА В ЗЕМЛЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Алла Валерьевна Шадрина

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, bergson@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности распространения духоборчества в Земле войска Донского в первой трети XIX в. Анализ ранее не введенных в научный оборот архивных источников, представляющих собой делопроизводственные документы Новочеркасской духовной консистории, позволил сделать выводы о том, что в донском регионе духоборчество не было религиозным движением с большим числом adeptов. Группы сектантов представляли собой объединение от одной до пяти семей, локализовавшихся вокруг личности проповедника-духоборца. Их появление в среде прихожан-казаков, как правило, обнаруживалось приходским священником случайно. Особенностью региона было присоединение к духоборцам представителей старообрядчества. Контроль появления и распространения духоборцев был возложен на приходское духовенство Новочеркасской и Георгиевской епархии. Он осуществлялся благодаря рапортам священников в духовные правления и в сыскные начальства о выявленных ими сектантах. Следственный процесс над духоборцами заключался в получении признания об уклонении в духоборчество и увещании священником присоединиться к христианской церкви. В случае отказа казаки-духоборцы отправлялись на постоянное место жительства на Кавказскую линию, а их дети распределялись по монастырям с целью изучения догматов христианской веры. Жесткий контроль войскового правительства за распространением на Дону духоборчества привел к тому, что в начале XX в. здесь проживало только два духоборца.

Ключевые слова: русское сектантство, духоборчество, Земля войска Донского, Новочеркасская и Георгиевская епархия, духовные правления

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

Для цитирования: Шадрина А.В. Состояние духоборчества в Земле войска Донского в первой трети XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 90–95.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE STATE OF DUKHOBORISM IN THE DON COSSACK HOST REGION IN THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY

Alla V. Shadrina

Federal Research Center Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia, bergson@yandex.ru

Abstract. The features of the spread of Dukhoborism in the Land of the Don army in the first third of the 19th century are considered. An analysis of archival sources that were not previously introduced into scientific circulation, which are office documents of the Novochoerkassk spiritual consistory, made it pos-

sible to draw conclusions that in the Don region the Dukhoborism was not a religious movement with a large number of adherents. Sectarian groups were an association of one to five families localized around the personality of a Dukhobor preacher. Their appearance among the Cossack parishioners, as a rule, was discovered by the parish priest by chance. A feature of the region was the joining of representatives of the Old Believers to the Dukhobors. Control over the appearance and spread of the Dukhobors was entrusted to the parish clergy of the Novocherkassk and Georgievsk dioceses. It was carried out thanks to the reports of the priests to the ecclesiastical boards and to the detective authorities about the sectarians they identified. The investigative process over the Dukhobors consisted in obtaining a confession of deviation into the Dukhobors and an admonition by a priest to join the Christian Church. In case of refusal, the Dukhobor Cossacks were sent to a permanent place of residence on the Caucasian line, and their children were distributed to monasteries in order to study the dogmas of the Christian faith. The strict control of the military government over the spread of Dukhoborism in the Don led to the fact that at the beginning of the 20th century, only 2 Dukhobors lived here.

Keywords: Russian sectarianism, Dukhoborism, Don Cossack Host Region, Novocherkassk and Georgievsk dioceses, spiritual boards

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the implementation of the State Research Center of the Russian Academy of Sciences, project No. AAAA-A20-120122990111-9.

For citation: Shadrina A.V. The State of Dukhoborism in the Don Cossack Host Region in the First Third of the 19th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2021;(4):90-95. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Русское сектантство в его многообразии начало рассматриваться как предмет исследования с последней трети XIX в. Этот интерес был обусловлен, в частности, инициированным имперским правительством становлением миссионерского дела, которое было поручено Русской православной церкви. Значительный вклад в систематизацию сект и сбор сведений об их истории и системе верований внесло Министерство внутренних дел Российской империи в связи с публикацией в 1905 и 1906 гг. указов императора об укреплении начал веротерпимости. Однако изучение данного вопроса было прервано политическими трансформациями начала XX в., что стало причиной незавершенности осмысления феномена русского сектантства. Одной из проблем, не получивших освещения в исторической науке, стало состояние духоборчества в донском регионе в начале XIX в., что позволяет говорить об актуальности поставленной проблемы.

Историография духоборчества не отличается обширностью, несмотря на то что включает как работы конца XIX в. и советского периода, так и современных исследователей. Одной из первых в 1882 г. была опубликована монография О.М. Новицкого [1], в которой автор предпринял попытку изложить историю и вероучение данной секты. В начале XX в. были изданы значимые труды С. Маргаритова [2] и Т. Буткевича [3], представляющие собой обзоры истории русских мистических и рационалистических сект. В историографии советского периода духоборчество рассматривалось в монографиях В.Д. Бонч-Бруевича [4] и А.И. Клибанова [5]. Современные работы представлены словарными статьями [6] и диссертационными исследованиями [7, 8].

Настоящая статья основана на изучении архивных источников, представляющих собой делопроизводство Нижне-Чирского и Хоперского духовных правлений и Донской (до 1842 г. Новочеркасской) духовной консистории. Также были изучены архивные документы Министерства внутренних дел Российской империи на предмет состояния духоборчества в Области войска Донского в начале XX в.

Духоборчество появилось в Земле войска Донского (до 1786 г. земле донских казаков) в 1770-х гг. [6, с. 362]. Оно было воспринято казаками от малороссиян, проживавших на территории Слободской Украины [6, с. 362], и достаточно успешно воспринималось небольшими локальными группами донцов при условии наличия проповедника-духоборца, который вызывал доверие. Причиной распространения духоборчества послужили, во-первых, весьма незначительное число православных храмов на обширной территории Земли войска Донского. По официальным данным Воронежской духовной консистории (по формулярным ведомостям) в 1800 г. в регионе числилось только 157

православных храмов: 99 в Черкасском заказе [9] и 58 в Хоперском заказе [10]. Второй причиной открытости казачьего населения для прозелитической деятельности, в частности духоборцев, было широкое распространение старообрядчества. Отсутствие однозначности в вопросах веры, незначительное число храмов и, соответственно, духовенства стали причиной уклонения казаков в различные секты, в том числе в духоборчество.

До начала XIX в. войсковая канцелярия Войска Донского не фиксировала духоборцев и динамику их распространения в регионе, хотя отношение к ним было определено еще именным указом Петра I, объявленным 29 апреля 1722 г. [11, л. 2]. Указом запрещалось «заводить или распространять между православными какие-либо ереси» и «всех тех духоборцев, иконоборцев, молоканов, иудействующих и других наставников и последователей ересей, особенно вредными признанных... предавать суду» [11, л. 2 об.].

Начало активного контроля распространения духоборчества в Земле войска Донского относится к первым годам XIX в. Сведения о, чаще всего, случайно выявленных сторонниках секты поступали в сыскные начальства Войска Донского и духовные правления Воронежской и Черкасской епархии (Черкасское, Нижне-Чирское и Хоперское), к которой относилась Земля войска Донского с 1718 по 1829 гг.

Одним из первых документально зафиксированных фактов наличия духоборцев в казачьей среде было их появление в конце января 1817 г. среди казаков станицы Березовской. Сведения о них 30 января 1817 г. сообщил в Усть-Медведицкое сыскное начальство священник церкви станицы Березовской Семенов (имя в документе не указано) [12, л. 1, 10].

По словам священника, «содержали духоборческую ересь» казаки Березовской станицы Герасим, Григорий, Кондратий Горшенины и Архип Махонин, а также их жены [12, л. 1, 10]. Выявление духоборцев повлекло за собой разбирательство, которое выражалось в виде серии допросов, к которым был привлечен и приходской священник. Именно он сообщил, что при первых допросах духоборцы «признают принятую ими духоборческую ересь, оставить [которую] до окончания жизни не желают» [12, л. 1 об.]. Также выяснилось, что все духоборцы до присоединения к секте были старообрядцами [12, л. 10]. Скорее всего, казакам было разъяснено, что как сектанты они подлежат суду и лишению ряда привилегий, которыми пользовались донские казаки. В результате все духоборцы изъявили желание присоединиться к христианской церкви, и были присоединены 25 апреля 1817 г. [12, л. 7]. Таким образом, были решены, во-первых, проблема преодоления духоборческой ереси в станице Березовской, во-вторых, еще более актуальная для Дона проблема присоединения сторонников старых обрядов к Русской церкви.

Дело духоборцев не было закончено их присоединением. Березовское станичное правление приняло решение «строго за ними наблюдать, дабы они вновь не приняли оставленной ими духоборческой ереси» [12, л. 10 об.]. 24 февраля 1817 г. в Хоперское духовное правление из Воронежской духовной консистории поступил рапорт, в котором сообщалось об указе императора от 13 февраля 1817 г. священнику Семенову, «чтобы он неослабный имел надзор над обращающимися прихода сего казаками из духоборческой ереси» [12, л. 3].

Более масштабные меры в отношении духоборцев были приняты во второй половине 1820-х гг. и в 1830 г. В 1825–1826 гг. было принято постановление о водворении духоборцев, вновь обнаружившихся среди донских казаков, на Кавказскую линию. Целью этой акции была изоляция сектантов от православного населения. Сопутствующим было решение вопроса о колонизации края [6, с. 362].

В 1830 г. к контролю появления и распространения духоборчества было привлечено донское приходское духовенство. В этом году Новочеркасская духовная консистория разослала указ о том, что благочинные священники должны каждое полугодие докладывать в духовное правление, к которому относились, «о суевериях и книгах, заключающих в себе противные вере и благочестию учения» [13, л. 1]. Анализ документации Новочеркасской духовной консистории позволил проследить состояние духоборческой секты в Земле войска Донского в первой трети XIX в. Об этом свидетельствовали рапорты благочинных. Так, благочинный Есауловской станицы священник Киприан Онисимов 23 июня 1830 г. сообщал в консисторию: «в приходах [благочиния Есауловской станицы. – А.Ш.] никакого суеверия и противностей св[ятой] Церкви, кроме в станицах некоторых содержатся [старообрядческие. – А.Ш.] расколы, не имеется... а состоит, слава Богу, все доброе» [13, л. 3]. Об отсутствии суеверий в границах Нижне-Чирского духовного правления свидетельствовали также

благочинные станиц Потемкинской [13, л. 5–6], Березовой Маньковой [13, л. 7], Усть-Меловой [13, л. 11], священник Тихон Пашутин [13, л. 10] и др.

Об отсутствии «суеверий» благочинные также доносили Нижне-Чирскому духовному правлению в 1837 г. [14, л. 2–9], 1838 г. [15, л. 1–8], 1839 [16, л. 1–8], 1840 [17, л. 1–8], 1841 [18, л. 1–8 об.], 1842 [19, л. 1–9], 1943 [20, л. 1–13] гг. В этот период священниками даже был выработан и распространен повторявшийся во всех отчетах стандарт: «В течение последней половины сего года ведомства моего церковью в приходах состояло благополучно и между жителями беглых без письменных видов попов и другого звания волочащихся людей не являлось, ложных чудес при источниках, да и подобных сему суеверий, кроме известного раскола, не имеется. Книг, заключающих в себе противных вере и благочестию христианскому, учения не отыскано» [21, л. 6].

На основании анализа отчетов благочинных Нижне-Чирское духовное правление сделало вывод, что «никаких суеверий, кроме известного раскола, не имеется» [21, л. 8].

Об отсутствии в благочиниях суеверий «кроме известного существующего [старообрядческого. – *А.Ш.*] раскола» также на протяжении 1830–1844 гг. отчитывалось Хоперское духовное правление [22, л. 1–3]. Не были выявлены «суеверия» и на Нижнем Дону [21, л. 1–4].

Однако не все было безукоризненно. Духоборцы неожиданно давали о себе знать там, где о них ранее не было слышно. Так, 25 сентября 1834 г. священник, относящийся к приходам Хоперского духовного правления, сообщил архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию (Телятеву), что «близ прихода Вознесенской церкви слободы Завяска на речке Кардаиле на мельнице Филоновской станицы подполковника Алексея Харитоновна находится содержателем неизвестногословия человек Илья Егоров, который содержит духоборческую секту, старается и прочих приезжающих на мельницу людей совращать в оную же секту» [23, л. 4]. По делу выявленной секты архиепископ Афанасий обратился за содействием к наказному атаману Д.Е. Кутейникову [23, л. 4 об.].

20 декабря 1834 г. священник Николаевской церкви Верхне-Михалёвской станицы Иоанн Попов послал рапорт в Новочеркасскую духовную консисторию, в котором сообщал, что в его приходе им была выявлена духоборческая ересь. В группу духоборцев вошли бывшие старообрядцы: «они, оставив под именем раскола старообрядческую секту, приняли духоборческую ересь» [11, л. 1]. Членами секты были урядник Павел Самсонов, Тихон Дмитриев, его жена Анна и их дети, Марья Фирсова и ее дети [11, л. 1]. 6 февраля 1835 г. священнику Верхне-Михалёвской станицы Иоанну Попову было предписано сообщить войсковой канцелярии об оставшихся непреклонными духоборцах после увещания священника [11, л. 4]. В результате следствия сектанты были отданы под полицейский надзор [11, л. 6].

В апреле 1835 г. Новочеркасская духовная консистория вновь столкнулась с разбирательством по поводу духоборцев. На этот раз подследственными оказались четверо детей духоборца казака Луковской станицы Ивана Додонова, высланного «в Закавказскую провинцию» [24, л. 1–1 об.]. По указу Новочеркасской духовной консистории 15 апреля 1835 г. детям было сделано увещание «с доводами из Свящ. Писания о принятии ими православной христианской веры» [24, л. 4]. Однако они, «по внушению родителей остались непреклонными к принятию веры христианской» [24, л. 4 об.]. В итоге разбирательства младшие дочери духоборца были отправлены в женский монастырь «для изучения догматов веры христианской» [24, л. 4 об.]. Старшие Матвей (17 лет) и Анна (15 лет) были разлучены и также отправлены в разные монастыри, «поручив их для изъяснения им и познания веры христианской под надзор благонадежных наставников» [24, л. 4 об.].

С 1844 г. благочинные донских храмов были обязаны подавать рапорты о суевериях напрямую архиепископу [25, л. 1 об.].

Несмотря на предпринимаемые как правительством, так и Св. Синодом меры, духоборчество периодически возникало в разных населенных пунктах Земли войска Донского. Как правило, ересь проповедовалась отдельными людьми, в некоторых случаях неказачьего происхождения, вокруг которых локализовались их последователи.

Очередной всплеск духоборчества в Земле войска Донского пришелся на 1860-е гг. [26–27]. Как констатировало в начале XX в. Министерство внутренних дел Российской империи, его причиной было то, что «Русская церковь не удовлетворяет религиозно-нравственным запросам духа... Религиозная жизнь в Православной церкви получила чересчур внешний обрядовый характер... Внутренняя назидательная сторона православия не доступна разумению народа» [28, л. 199 об.]. Тем не ме-

нее к началу XX в. духоборчество в Области войска Донского было ликвидировано. Согласно данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи, в 1912 г. в Области войска Донского духоборов не было [29, л. 136–145 об.]. Примерно о том же свидетельствует комплекс клировых ведомостей Донской и Новочеркасской епархии за 1908–1916 гг. Согласно данному виду источников, на территории Области войска Донского духоборцы проживали только в приходе Георгиевской церкви хутора Суходол Гундоровской станицы Донецкого округа в количестве двух человек (мужчина и женщина) [30, л. 138 об.].

Итак, на территории Земли войска Донского духоборчество никогда не было крупным религиозным движением. Оно локализовалось малыми по численности группами, которые формировались вокруг личности проповедника-духоборца или его последователя. Группы формировались на основе отдельных семей. Особенностью донского духоборчества было формирование его немалой части из старообрядцев, перешедших в духоборчество. Данная тенденция ранее не была зафиксирована в других регионах Российской империи. Духоборцы выявлялись случайно и, как правило, приходскими священниками, которые были привлечены Новочеркасской духовной консисторией для контроля появления сектантов в своих приходах. В донском регионе духоборчество фактически прекратило свое существование в начале XX в., сократившись до двух представителей, зафиксированных также приходским духовенством Донской и Новочеркасской епархии.

Список источников

1. *Новицкий О.М.* Духоборцы. Их история и вероучение. Киев : Университетская типография (И. Завадского), 1882. 290 с.
2. *Маргаритов С.* История русских мистических и рационалистических сект. Симферополь : Губернская Таврическая типография, 1914. 248 с.
3. *Буткевич Т.И.* Обзор русских сект и их толков. Пг. : Типография Губернского правления, 1915. 410 с.
4. *Бонч-Бруевич В.Д.* Избр. соч. : в 3 т. Т. I : О религии, религиозном сектантстве и церкви. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
5. *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М. : Наука, 1973. 256 с.
6. *Иникова С.А.* Духоборцы // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2007. Т. XVI. С. 361–368.
7. *Далецкая В.Ю.* Политика Российского государства и церкви в отношении сектантов в XVIII – XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 220 с.
8. *Дегтеренко Л.Н.* Формирование и эволюция религиозного течения духоборцев в России во второй половине XVIII – начале XX в.: традиционализм и модернизационные аспекты : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 236 с.
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 1. Д. 160.
10. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 89.
11. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2105.
12. ГАРО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 847.
13. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 17.
14. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 248.
15. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 279.
16. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 299.
17. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 313.
18. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 334.
19. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 365.
20. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 373.
21. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 170.
22. ГАРО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 571.
23. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1972.
24. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2054.
25. ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 20.
26. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5488.
27. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5226.

28. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 199.
29. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 22.
30. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11665.

References

1. Novitskiy O.M. *Dukhobors. Their history and Creed*. Kiev: University Printing House (I. Zavadsky); 1882. 290 p. (In Russ.).
2. Margaritov S. *History of Russian Mystical and Rationalistic Sects*. Simferopol: Provincial Tauride Printing House; 1914. 248 p. (In Russ.).
3. Butkevich T.I. *Review of Russian Sects and Their Interpretations*. Petrograd: Printing House of the Provincial Government; 1915. 410 p. (In Russ.).
4. Bonch-Bruyevich V.D. *Selected Works: in 3 vol. Vol. I. On Religion, Religious Sectarianism and the Church*. Moscow, Academy of Sciences SSSR Press; 1959. 412 p. (In Russ.).
5. Klibanov A.I. *Religious Sectarianism in the Past and Present*. Moscow, Nauka Publ.; 1973. 256 p. (In Russ.).
6. Inikova S.A. *Dukhobors. Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya Publ.; 2007;XVI:361-368. (In Russ.).
7. Daletskaya V.Yu. *The policy of the Russian State and Church in Relation to Sectarians in the 18th – 19th Centuries*. Dissertation Thesis. Moscow, 2004. 220 p. (In Russ.).
8. Degterenko L.N. *Formation and Evolution of the Dukhobor Religious Movement in Russia in the Second Half of the 18th - early 20th Centuries: Traditionalism and Modernization Aspects*. Dissertation Thesis. Moscow, 2010. 236 p. (In Russ.).
9. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 226. In. 1. File 160. (In Russ.).
10. *SARR*. Fund 226. In. 1. File 89. (In Russ.).
11. *SARR*. Fund 226. In. 1. File 2105. (In Russ.).
12. *SARR*. Fund 695. In. 1. File 847. (In Russ.).
13. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 17. (In Russ.).
14. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 248. (In Russ.).
15. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 279. (In Russ.).
16. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 299. (In Russ.).
17. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 313. (In Russ.).
18. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 334. (In Russ.).
19. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 365. (In Russ.).
20. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 373. (In Russ.).
21. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 170. (In Russ.).
22. *SARR*. Fund 695. In. 1. File 571. (In Russ.).
23. *SARR*. Fund 226. In. 1. File 1972. (In Russ.).
24. *SARR*. Fund 226. In. 1. File 2054. (In Russ.).
25. *SARR*. Fund 445. In. 1. File 20. (In Russ.).
26. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5488. (In Russ.).
27. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5226. (In Russ.).
28. *Russian State Historical Archive (RSHA)*. Fund 821. In. 133. File 199. (In Russ.).
29. *RSHA*. Fund 821. In. 133. File 22. (In Russ.).
30. *SARR*. Fund 226. In. 3. File 11665. (In Russ.).

Информация об авторе

A.V. Шадрина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

A.V. Shadrina – Candidate of Science (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 07.11.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 24.10.2021; approved after reviewing 07.11.2021; accepted for publication 13.12.2021.

Научная статья

УДК 94 (470.67) «1941/1945» – 029:364

doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-96-101

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕМЕЙ ФРОНТОВИКОВ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР)

Исмаил Асланович Эмирханов

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Республика Дагестан, Россия,
historik2008@yandex.ru

Аннотация. На основе архивных материалов, литературы и воспоминаний современников показывается положение семей фронтовиков во время Великой Отечественной войны, а также меры, предпринятые партийно-государственными структурами Дагестана различного уровня по обеспечению их нормальными жилищно-бытовыми условиями.

Отмечается, с каким пониманием семьи бойцов Красной Армии относились к проблемам военного периода. Перечисляются формы оказываемой им социальной помощи, в частности выплата пособий, предоставление различных льгот инвалидам войны и семьям фронтовиков, трудоустройство. Упоминается и помощь предприятий и общественных организаций Дагестана, которые решали бытовые проблемы населения в условиях военной повседневности.

Подчеркивается, что несмотря на наличие объективных проблем, поддержка семей военнослужащих относилась к числу приоритетных задач руководства страны, тем самым укрепляя веру бойцов Красной Армии в победу над нацизмом и превратившись в один из источников проявления героизма народа в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестан, повседневность, семьи фронтовиков, государственная поддержка, пособия, пенсионное обеспечение

Для цитирования: Эмирханов И. А. Государственная поддержка как один из элементов повседневной жизни семей фронтовиков в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Дагестанской АССР) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 96–101.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

STATE SUPPORT AS ONE OF THE ELEMENTS OF THE DAILY LIFE OF FAMILIES OF FRONT-LINE SOLDIERS IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 (BASED ON THE MATERIALS OF THE DAGESTAN ASSR)

Ismail A. Emirkhanov

Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia,
historik2008@yandex.ru

Abstract. The work, written on the basis of diverse sources, literature and memoirs of contemporaries, shows the state of families of front-line soldiers in the conditions of the Great Patriotic War, as well

as measures taken by party and state structures of various levels in Dagestan to provide normal living conditions for them.

The article concludes that, despite the objective difficulties faced by many families of Red Army soldiers who found themselves in difficult living conditions, they were sympathetic to the problems characteristic of the war period. According to the author, the main forms of social assistance to the relatives of front-line soldiers in Dagestan during the war years were the payment of benefits, the provision of various benefits to disabled veterans and families of front-line soldiers, as well as the adoption of measures for their employment. Of no small importance was the help from enterprises and public organizations of Dagestan, which assumed part of the responsibility for the family members of the front-line soldiers, thereby solving everyday problems.

The material used in the study shows that despite the existence of objective problems, support for military families was among the priorities of the country's leadership, thereby strengthening the faith of the Red Army soldiers in the victory over Nazism, and becoming one of the sources of the manifestation of the heroism of the people in the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, Dagestan, everyday life, families of front-line soldiers, state support, benefits, pension provision

For citation: Emirkhanov I. A. State Support as One of the Elements of the Daily Life of Families of Front-Line Soldiers in the Conditions of the Great Patriotic War of 1941-1945 (Based on the Materials of the Dagestan ASSR). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2021;(4):96-101. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

С началом Великой Отечественной войны перед партийно-государственными структурами, а также органами социального обеспечения Советского Союза встал вопрос поддержки семей солдат и офицеров Красной Армии. Возникла необходимость проявления заботы о людях, чьи родные рисковали своей жизнью в борьбе против фашистской агрессии. С учетом этого центральными партийными органами был выдвинут лозунг: «Забота о семьях фронтовиков – половина заботы о Красной Армии». Так, ещё 26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», в соответствии с которым правом начисления пособий были наделены нетрудоспособные члены семей военнослужащих, нетрудоспособные родители пенсионного возраста, а также жены и родители – инвалиды первой и второй групп. Суммы выплат зависели от места проживания, так жителям городов на одного человека полагалось 100 р., сел – 50 р., на двух – соответственно 150 и 75, трем и более – 200 и 100 р. ежемесячно [1, с. 174].

Поддержка семей фронтовиков в условиях Великой Отечественной войны превратилась в одно из ключевых направлений политики советского государства. 30 августа 1941 г. в газете «Правда» вышла статья «Семья советского воина», в которой был сделан акцент на усилении внимания партийно-государственных структур к нуждам семей военнослужащих, что подразумевало неразрывную связь вооруженных сил страны с народом и укрепление единства тыла и фронта [2].

Помощь семьям ушедших на фронт бойцов Красной Армии носила разнообразный характер. К основным видам государственного социального обеспечения относились пенсии, пособия в виде периодических или разовых денежных выплат; освобождение определенных категорий граждан от налогообложения; различные виды льгот (по обязательным поставкам, квартирной плате, оплате за школьное обучение, в области здравоохранения, налоговым сборам и др.) [3].

Такая работа проводилась во всех регионах страны, в том числе и в Дагестанской автономной республике. Война коснулась большинства дагестанских семей: за четыре года войны из республики было призвано на фронт около 180 тыс. чел. У каждого из них в тылу остались родные и близкие, для которых денежное довольствие военнослужащих являлось спасением от голода, зачастую превратившись в единственный источник существования. Поэтому властные структуры республики стали предоставлять семьям бойцов Красной Армии различные льготы по налогообложению, государственным поставкам сельскохозяйственной продукции, оплате коммунальных услуг и т.д. К примеру, при распределении земельных участков семьи военнослужащих и инвалидов Отечествен-

ной войны обладали преимущественным правом, причем им выделялись земельные участки, размещенные рядом с их местом проживания.

Особую заботу проявляли партийно-государственные структуры о детях военнослужащих. В качестве примера можно привести постановление правительства ДАССР от 26 мая 1943 г., обязывавшее председателей горрайисполкомов «оказывать содействие в улучшении бытового обслуживания детей фронтовиков» [4, л. 356]. Государство стремилось уделять большое внимание вопросам сохранения здоровья, улучшения питания детей бойцов Красной Армии. Тем, кто не достиг возраста 12 лет, выделяли такое же количество хлеба, как и взрослым иждивенцам, в школах их обеспечивали бесплатными завтраками. Дети, оставшиеся без попечения родителей, направлялись в детские дома и интернаты [5, с. 319].

Поддержка оказывалась не только членам семей фронтовиков, но и демобилизованным, в силу разных причин, бойцам Красной Армии. Так, 17 ноября 1941 г. было принято постановление Особого заседания СНК ДАССР «Об устройстве на работу уволенных больных из рядов Красной Армии», в котором органы власти и военные комиссариаты на местах обязали принимать все меры для трудоустройства демобилизованных по болезни из рядов РККА, направляя их на предприятия и учреждения республики [6, с. 602].

Кроме того, оказывалась бесплатная юридическая консультация членам семей фронтовиков и инвалидам Великой Отечественной войны по вопросам о льготах и материальном обеспечении, а также по судебным делам. Так, согласно постановлению СНК ДАССР от 19 ноября 1942 г., для оказания юридической помощи в составлении жалоб, заявлений привлекались учителя сельских школ республики. В документе было отмечено, что «обслуживание материально-бытовых условий семей военнослужащих, инвалидов Отечественной войны является делом первостепенной важности ... всех наркоматов, советских, хозяйственных учреждений, организаций и предприятий» [7, л. 378].

15 мая 1942 г. на совместном заседании СНК ДАССР и бюро Дагобкома ВКП(б) было принято постановление, возложившее на местный Наркомат социального обеспечения ответственность за трудоустройство инвалидов Отечественной войны, организацию обучения их новым специальностям и устройство в дома инвалидов. Руководители предприятий, учреждений и организаций должны были предоставлять инвалидам войны работу, «обеспечив при этом индивидуальный подход ... при определении на работу», и необходимые производственные и бытовые условия. С целью осуществления контроля и оказания поддержки было принято решение учредить Постоянную республиканскую комиссию по трудоустройству инвалидов из ответственных работников партийных, советских, комсомольских и хозяйственных организаций. Наркомсобес республики и райгорисполкомы должны были ежемесячно предоставлять в СНК ДАССР отчет о проделанной работе по трудоустройству инвалидов [6, с. 619].

20 января 1943 г. СНК СССР принял постановление «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны», обязавшее Народные комиссариаты социального обеспечения союзных республик «в трехмесячный срок обеспечить предоставление работы неработающим инвалидам Отечественной войны 3-й группы на предприятиях и в учреждениях по месту жительства». Причем за инвалидами, независимо от места работы и размера заработной платы, сохранялась пенсия. В то же время постановление запрещало привлекать инвалидов войны к сверхурочным работам [8].

Особое внимание уделялось организации питания инвалидов Отечественной войны. Приказом Наркомата торговли СССР № 363 от 9 августа 1943 г. «Об упорядочении снабжения инвалидов Отечественной войны» в ряде городов были открыты специальные столовые закрытого типа. Как правило, в них инвалидам выделяли двухразовое питание. Инвалидам I и II групп, которые по состоянию здоровья не могли сами посещать столовые, практиковалась доставка пищи на дом [9, с. 215–216]. Во исполнение этого приказа в Махачкале и Буйнакске были учреждены специальные магазины для инвалидов, а в продуктовых магазинах Хасавюрта и Дербента для них отведены отдельные полки [6, с. 547].

Государство систематически выделяло значительные средства на выплаты семьям красноармейцев регулярных единовременных денежных пособий и пенсий. Анализ опубликованной отчетной документации о пособиях и пенсиях семьям фронтовиков показывает, к примеру, что на начало ноября 1943 г. в республике было выплачено государственных пособий на сумму 28 258 441 р., пенсий – 2 134 250 р. [6, с. 544].

Необходимо отметить, что в своей основной массе семьи военнослужащих проживали в сельской местности, так как преимущественно в Красную Армию мобилизовывалось колхозное крестьянство.

яство, а значительная часть рабочих и служащих промышленных объектов, проживавшая в городах и рабочих поселках, в силу своей востребованности получила бронь. Причем размеры выделяемых пособий и пенсий позволяли обеспечить лишь минимальные потребности крестьян в отличие от горожан, снабжаемых продовольствием по карточной системе из государственных фондов.

Можно с уверенностью утверждать, что продовольственное обеспечение большей части колхозного крестьянства в условиях войны оставалось на низком уровне, потому что государство выкачивало из села все, что можно было взять, не считаясь при этом с интересами населения. В результате к весне у многих селян практически не оставалось продуктов питания, что вынуждало их нередко переходить на «подножный корм». В качестве примера можно привести воспоминания уроженца с. Чувек Хивского района И. А. Сефербекова: «Жилось в годы войны очень тяжело... Было голодно. Ели хлеб из кукурузы, ячменя, проса, ржаной хлеб, а также жмых подсолнуха. Большим подспорьем в еде были съедобные травы (крапива, пастушья сумка и др.), дикie груши и яблоки» [10, с. 394].

В этой ситуации помимо регулярных выплат важную роль в поддержке семей фронтовиков играли выделяемые за счет внебюджетных средств единовременные пособия и различная продукция. Причем инициатива в поддержке семей военнослужащих исходила не только от официальных властей, вся общественность помогала им. Так, Е.В. Панарина в своем исследовании отмечает: «Помимо государства, участие в оказании помощи принимали профсоюзные, комсомольские, женские и другие общественные организации ... значительные средства высвобождались на военные нужды, резко уменьшались расходы на содержание домов отдыха, санаториев, туризм и физкультуру, но вместе с тем увеличивался удельный вес ассигнований на пособия и пенсии инвалидам Великой Отечественной войны и семьям фронтовиков» [11, с. 110]. В большинстве крупных населенных пунктов республики были созданы различные добровольные организации, комиссии, советы по оказанию помощи семьям бойцов Красной Армии.

Ярким свидетельством поддержки семей военнослужащих республиканскими учреждениями и организациями являются архивные материалы, опубликованные в различных сборниках. К примеру, в 1943 г. в Дагестане семьям фронтовиков через предприятия, учреждения, колхозные кассы и государственные фонды было отремонтировано 5490 квартир, выделено 808,8 р. деньгами, 688,6 т зерна, 84,3 т картофеля, 19,1 т мяса, 19,2 т овощей и фруктов, 23 487 штук одежды, 3359 м мануфактуры, 9806 пар обуви, а также большое количество других видов продовольственных и промышленных товаров [6, с. 546].

Путем мобилизации местных ресурсов многие семьи фронтовиков в Дагестане получали продовольственные и промышленные товары, им выделялись квартиры или проводился ремонт жилищ. Причем в эту работу были вовлечены практически все крупные организации и промышленные предприятия республики. «Основное внимание мы проявляли тогда на заботу о семьях фронтовиков, – вспоминает М. Гумуев, – создали специальную комиссию, которая ходила по квартирам, выясняла, кто в чем нуждается, и помогали всем чем было возможно. Некоторых прикрепляли к столовой на бесплатное питание, оказывали денежную помощь, выдавали мануфактуру. Когда заготавливали дрова для завода, то, кстати, обеспечивали топливом и наиболее нуждавшиеся семьи фронтовиков, особенно семьи погибших» [12, с. 60].

Одним из видов привлечения общественности являлись месячники (декадники) помощи семьям военнослужащих, проходившие с участием населения и освещением в местной периодической печати. Во время месячников проводилась проверка материально-бытовых условий семей бойцов Красной Армии, подготовка их к зиме, а также создавались материальные фонды на предприятиях, учреждениях, колхозах для их поддержки. К примеру, в конце ноября – декабре 1943 г. по инициативе колхозников Кумторкалинского района был проведен месячник, поддержанный большинством трудящихся республики. За это время семьи фронтовиков получили 1 085 000 р., 503 739 кг зерна, 80 584 кг картофеля, 3367 кг мяса, 549,7 кг масла, 17 204 кг овощей и сухофруктов, 3196,8 кг брынзы, 3563 шт. овчины, 214 кож, 146 голов крупного рогатого скота и свиней, 460 голов овец и коз, 2442 пары обуви, 5397 кг шерсти, 3223 шт. одежды [13, с. 60].

Оказание помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны было предметом внимания республиканских властей и на завершающем этапе войны. Так, согласно постановлению СНК ДАССР от 10 июля 1944 г., инвалидам войны и семьям фронтовиков бесплатно выделялись лесоматериалы для строительства и ремонта домов [14, л. 93]. В целом за 1944 г. силами партийно-государственных орга-

нов, предприятий и учреждений было отремонтировано 3835 квартир семей солдат и офицеров Красной Армии, 375 семей защитников Родины получили новые квартиры [6, с. 692]. Только за первое полугодие 1945 г. было отремонтировано 2483 квартиры семей военнослужащих, для ремонта жилья со стороны государства было отпущено 380 км² лесоматериалов и 7000 шт. кирпича [6, с. 568].

В работу по оказанию помощи семьям фронтовиков была вовлечена практически вся общественность республики. К примеру, 1 февраля 1945 г. прошел месячник по оказанию помощи семьям военнослужащих, проживающих в г. Буйнакске, во время которого жители города собрали 273 000 р., 4629 кг зерна, 500 кг муки, 3803 кг картофеля и овощей, 1624 единиц одежды и обуви. Кроме того, от Буйнакского района поступило 1700 кг картофеля и 552 кг кукурузы [15]. Несмотря на наличие значительных проблем, обусловленных тяжелой военной обстановкой, государственные структуры и общественные организации Дагестана смогли оперативно разрешить большинство бытовых вопросов нуждавшихся в заботе семей фронтовиков.

В то же время факты неправильного назначения пособий семьям бойцов Красной Армии становились предметом расследования со стороны республиканских властей. Все военные годы проводилась проверка работы и деятельности районных и городских отделов по соблюдению законов о назначении и выплате пособий и пенсий, устранению выявленных нарушений и недочетов.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны проблема обеспечения членов семей фронтовиков стала одним из ключевых направлений работы центральных и региональных советских и партийных организаций. Можно констатировать, что продуманная социальная политика государства и ее четкое и эффективное осуществление в военное время имели огромное значение для победы над агрессором.

Меры социальной поддержки со стороны партийно-государственных структур семьям фронтовиков позволили усилить мотивацию бойцов Красной Армии, одержать победу в Великой Отечественной войне. Несмотря на то что в социальной политике государства имелись некоторые недочеты и недостатки, она позволила выжить в условиях суровой военной действительности значительной массе простых людей.

Список источников

1. Циткилов П. Я. Положение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ВолГУ. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 172–181.
2. Семья советского воина // Правда. 1941. 30 авг.
3. Насонов К. А. Социальное обеспечение военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны: сущность, содержание и современное значение // Вестн. Военного университета. 2010. № 3 (23). URL: <http://www.nic-nauka.ru/vvu-3-23-2010/> (дата обращения: 20.09.2021).
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. р-1. Оп. 1. Д. 5616.
5. Кулемина Л. Б. Государство и его роль в поддержке населения и военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Образование и право. 2020. № 7. С. 317–322.
6. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы). Махачкала : Тип. ДНЦ РАН, 2005. 776 с.
7. ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 27. Д. 58.
8. О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны: Постановление СНК СССР от 20 января 1943 г. № 73 // Электронная библиотека исторических документов. URL: [http:// docs.historyrussia.org/ru/nodes/199903-o-merah-po-trudovomu-ustroystvu-invalidov-otechestvennoy-voyny-postanovlenie-snk-sssr-ot-20-yanvary-1943-goda-73#mode/inspect/page/2/zoom/4](http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199903-o-merah-po-trudovomu-ustroystvu-invalidov-otechestvennoy-voyny-postanovlenie-snk-sssr-ot-20-yanvary-1943-goda-73#mode/inspect/page/2/zoom/4) (дата обращения: 22.09.2021).
9. Изюмова Л. В. Карточная система в годы Великой Отечественной войны: организация и принципы распределения // Война и мир в отечественной и мировой истории: посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 т. СПб., 2020. Т. 1. С. 210–218.
10. Детство, опаленное войной. Дагестан, 1941–1945 гг. Воспоминания / сост. М. М. Амирханова, Л. Г. Каймаразова, Ю. М. Лысенко. Махачкала : МавраевЪ, 2015. 463 с.
11. Панарина Е. В. Организация помощи семьям военнослужащих на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 109–115.
12. Немеркнущий подвиг: дагестанцы на фронте и в тылу // К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов. Махачкала : Дагестан, 2020. 312 с.

13. Чекулаев Н. Д. Помощь трудящихся Дагестана фронту в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Ин-та ИАЭ. 2008. № 2. С. 57–65.

14. ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 29. Д. 34.

15. Из справки секретаря Буйнакского горкома ВКП(б) Даидбекова в военный отдел Дагобкома ВКП(б) о проведении месячника по оказанию помощи семьям военнослужащих, проживающих в г. Буйнакске. 1 февраля 1945 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: [http:// docs.historyrussia.org/ru/nodes/272637-iz-spravki-sekretarya-buynakskogo-gorkoma-vkp-b-daidbekova-v-voennyu-otdel-dagobkoma-vkp-b-o-provedenii-mesyachnika-po-okazaniyu-pomoschi-semyam-voennosluzhaschih-prozhivayuschih-v-g-buynakske-1-fevralya-1945-g#mode/inspect/page/2/zoom/4](http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/272637-iz-spravki-sekretarya-buynakskogo-gorkoma-vkp-b-daidbekova-v-voennyu-otdel-dagobkoma-vkp-b-o-provedenii-mesyachnika-po-okazaniyu-pomoschi-semyam-voennosluzhaschih-prozhivayuschih-v-g-buynakske-1-fevralya-1945-g#mode/inspect/page/2/zoom/4) (дата обращения: 29.09.2021).

References

1. Tsitkilov P.Ya. Position of military families during the Great Patriotic War. *Vestn. VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2021;26(1):172-181. (In Russ.).

2. The family of a Soviet soldier. *Pravda*. 1941. August 30. (In Russ.).

3. Nasonov K.A. Social security of Red Army servicemen during the Great Patriotic War: essence, content and modern significance. *Vestn. Voennogo universiteta = Bulletin of the Military University*. 2010;3. Available from: <http://www.nic-nauka.ru/vvu-3-23-2010/> [Accessed 20th September 2021]. (In Russ.).

4. *Central State Archive of the Republic of Dagestan (CSA RD)*. Fund r-1. In. 1. File 5616.

5. Kulemina L.B. The state and its role in supporting the population and military personnel during the Great Patriotic War. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2020;(7):317-322. (In Russ.).

6. *The peoples of Dagestan during the Great Patriotic War of 1941-1945 (documents and materials)*. Makhachkala: DSC RAS Press.; 2005. 776 p. (In Russ.).

7. *CSA RD*. Fund r-168. In. 27. File 58.

8. On measures for the labor arrangement of the disabled of the Patriotic War. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of January 20, 1943. No. 73. *Electronic Library of Historical Documents*. Available from: [http:// docs.historyrussia.org/ru/nodes/199903-o-merah-po-trudovomu-ustroystvu-invalidov-otechestvennoy-voyny-postanovleniye-snk-sss-ot-20-yanvarya-1943-goda-73#mode/inspect/page/2/zoom/4](http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199903-o-merah-po-trudovomu-ustroystvu-invalidov-otechestvennoy-voyny-postanovleniye-snk-sss-ot-20-yanvarya-1943-goda-73#mode/inspect/page/2/zoom/4) [Accessed 22th September 2021]. (In Russ.).

9. Izyumova L.V. Card system during the Great Patriotic War: organization and principles of distribution. *War and peace in Russian and world history: dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*. Proceedings of the International Scientific Conference: in 2 vols. Saint Petersburg, 2020;1:210-218. (In Russ.).

10. *A childhood scorched by war. Dagestan, 1941-1945. Memories*. Col. by Amirxanov M.M., Kaymarazova L.G., Lysenko Yu.M. Makhachkala: Mavraev Publ.; 2015. 463 p. (In Russ.).

11. Panarina E.V. Organization of assistance to military families in the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and Law Research*. 2018;(3):109-115. (In Russ.).

12. The unfading feat: Dagestanis at the front and in the rear. *To the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945. Collection of documents and materials*. Makhachkala: Dagestan Publ.; 2020. 312 p. (In Russ.).

13. Chekulaev N.D. Assistance to the workers of Dagestan to the front during the Great Patriotic War (1941-1945). *Vestnik In-ta IAE = Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2008;(2):57-65. (In Russ.).

14. *CSA RD*. Fund r-168. In. 29. File 34.

15. From the certificate of the secretary of the Buinak City Committee of the CPSU (b) Daidebekov to the military department of the Dagobkom of the CPSU (b) on holding a month to assist families of servicemen living in Buinaksk. February 1, 1945. *Electronic Library of Historical Documents*. Available from: [http:// docs.historyrussia.org/ru/nodes/272637-iz-spravki-sekretarya-buynakskogo-gorkoma-vkp-b-daidbekova-v-voennyu-otdel-dagobkoma-vkp-b-o-provedenii-mesyachnika-po-okazaniyu-pomoschi-semyam-voennosluzhaschih-prozhivayuschih-v-g-buynakske-1-fevralya-1945-g#mode/inspect/page/2/zoom/](http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/272637-iz-spravki-sekretarya-buynakskogo-gorkoma-vkp-b-daidbekova-v-voennyu-otdel-dagobkoma-vkp-b-o-provedenii-mesyachnika-po-okazaniyu-pomoschi-semyam-voennosluzhaschih-prozhivayuschih-v-g-buynakske-1-fevralya-1945-g#mode/inspect/page/2/zoom/) [Accessed 29th September 2021]. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Эмирханов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории.

Information about the authors

I. A. Emirkhanov – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of General History.

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 334

doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-102-108

СМАРТ-КОНТРАКТЫ В УПРАВЛЕНИИ ЛОГИСТИКОЙ БИЗНЕС-СИСТЕМ ИНДУСТРИИ 4.0

Игорь Олегович Жаринов^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия, mpbva@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-2508-5939

² Опытнo-конструкторское бюро «Электроавтоматика» имени П.А. Ефимова, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается задача управления логистическими цепочками поставок в бизнес-процессах взаимодействия экономических субъектов, использующих в хозяйствующей практике смарт-контракты. Анализируются бизнес-процессы движения товарно-материальных (физическая продукция) и нематериальных (цифровая продукция) ценностей, создаваемых фабриками Индустрии 4.0, осуществляющими деятельность в промышленном сегменте экономики. Исследуется синтез системы экономического управления, содержащей в локальных и глобальном контурах смарт-контракты и регулирующей внутрифирменные и межфирменные бизнес-отношения цифровой (разработка продукции), умной (производство продукции) и виртуальной (обслуживание продукции) фабрик. Особенностью процессов регулирования, приложенных к управлению хозяйствующими субъектами, является глубокая цифровизация информационно-коммуникационных каналов взаимодействия фабрик, через которые реализуется механизм экономического влияния на материальные и сервисные потоки логистического движения продукции.

Предложена схема и описан принцип управления, основанный на стоимостном, временном и иных критериях и обеспечивающий сквозное экономическое регулирование материального, сервисного, финансового и информационного потоков, характеризующих логистическое движение продукции в пределах ее полного жизненного цикла и отдельных его этапов. Новизна результатов исследования заключается в комплементарном использовании в системе управления преимуществ экономического регулирования логистических бизнес-процессов, реализуемого совместно средствами физического и виртуального (цифрового) контуров управления.

Ключевые слова: логистика, фабрики, Индустрия 4.0, экономическое управление, цепи поставок, физическая и цифровая продукция

Для цитирования: Жаринов И. О. Смарт-контракты в управлении логистикой бизнес-систем Индустрии 4.0 // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 102–108.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

ECONOMIC SCIENCES

Original article

SMART CONTRACTS IN THE LOGISTICS MANAGEMENT OF THE INDUSTRY 4.0 BUSINESS SYSTEMS

Igor O. Zharinov^{1,2}

¹ ITMO University, St. Petersburg, Russia, mpbva@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-2508-5939

² Design Bureau “Electroavtomatika”, St. Petersburg, Russia

© Жаринов И. О., 2021

Abstract. The problem of managing logistics supply chains in the business processes of interaction of economic entities using smart contracts in economic practice is considered. The objects of the study are the business processes of the movement of commodity-material (physical products) and intangible (digital products) values created by Industry 4.0 factories that carry out activities in the industrial segment of the economy. The purpose of the study is to synthesize an economic management system containing smart contracts in local and global circuits and regulating intra- and inter-company business relations of digital (product development), smart (product production) and virtual (product maintenance) factories. A feature of the regulatory processes applied to the management of economic entities is the deep digitalization of information and communication channels of interaction between factories, through which the mechanism of economic influence on the material and service flows of the logistics movement of products is implemented. The scheme is proposed and the management principle is described, based on cost, time and other criteria and providing end-to-end economic regulation of material, service, financial and information flows that characterize the logistics movement of products in the course of its full life cycle and its individual stages.

The novelty of the research results lies in the complementary use in the management system of the advantages of economic regulation of logistics business processes implemented jointly by means of physical and virtual (digital) control circuits.

Keywords: logistics, factories, Industry 4.0, economic management, supply chains, physical and digital products

For citation: Zharinov I. O. Smart Contracts in the Logistics Management of the Industry 4.0 Business Systems. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):102-108. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Фабрики Индустрии 4.0 являются инновационным типом хозяйствующих субъектов, экономическое взаимодействие которых регулируется в виртуальной среде средствами информационно-коммуникационных технологий [1–3]. Регулированию подлежат в числе прочих внутрифирменные и межфирменные бизнес-процессы, основанные на механизмах логистики и управления цифровыми цепями поставок продукции промежуточного цикла и финальной продукции, распределяемой среди потребительского сообщества и в кооперационных цепочках производителей. Субъектный состав участников цепочек определяется видом продукции и технологической сложностью процессов ее изготовления, а способы регулирования экономических отношений бизнес-сторон опираются на корпоративные инструменты и стратегии, интегрирующие производственную и закупочную деятельность фабрик в инфраструктуру общей бизнес-системы [4].

Конечной целью регулирования бизнес-процессов взаимодействия хозяйствующих субъектов выступает достижение приемлемых экономических показателей результативности фабрик, оптимизируемых по критериям операционных издержек, времени (сроков), объемов и стоимости выпускаемой продукции (материально-товарных ценностей), поставляемой с характеристиками по мировым стандартам качества. Многопараметрическая специфика контролируемых показателей и наличие в цепочке создания ценности множества субъектов, обладающих собственной производственной, складской, транспортно-логистической и иными инфраструктурами, приводят [5, 6] к задаче синтеза интеллектуальной системы экономического управления, регулирующей в заданных логико-временных рамках на основе единых методологических принципов бизнес-отношения сторон, участвующих в изготовлении и дистрибуции продукции, рассматриваемые как объекты управления.

Материалы и методы исследования

Концептуальный базис экономического управления логистическими бизнес-процессами фабрик в Индустрии 4.0 составляет идея регулирования, реализуемая с использованием циф-

ровых технологий и смарт-контрактов [7]. Смарт-контракты в экономических отношениях субъектов выступают элементами системы управления, автоматически контролирующими производственные, сервисные, финансовые и информационные потоки движения материально-товарных и нематериальных ценностей, возникающие в операционной деятельности фабрик и соответствующие их бизнес-интересам.

Вовлечение смарт-контрактов в регулирование экономических отношений бизнеса является сегодня востребованной инновацией в практико-ориентированном контрактинге, алгоритмически развивающей и дополняющей теоретико-методологические принципы управления логистическими системами, разработанные и успешно применяемые в компаниях Индустрии 3.0. Ориентир на отработанные решения обусловлен повышенным уровнем зрелости имеющихся [8] логистических технологий, адаптация которых под цифровую Индустрию 4.0 и смарт-контракты может быть выполнена с минимальными финансовыми затратами и рыночными рисками. С позиции теории управления смарт-контракты формализуют границы логистических бизнес-процессов и обеспечивают в каждой транспортно-складской цепи выполнение фабриками идентифицируемых условий цифрового договора, приложенного к полному жизненному циклу продукции или к отдельным его этапам.

Фрагментарное представление контракта полного жизненного цикла продукции создает необходимую методическую основу для синтеза библиотек типовых смарт-контрактов, частным образом регулирующих бизнес-процессы логистики и управления цифровыми цепями поставок, вариативно настраиваемые под условия каждой конкретной сделки бизнес-сторон. Востребованными и подлежащими цифровизации являются [9, 10] межфирменные бизнес-отношения, связанные с subprocessами транспортирования материальных ценностей, регулирования ответственности за хранение продукции, финансовой оплаты предоставляемых логистических услуг и другими процессами, имеющими в системе виртуального контроллинга реперные точки фактического наступления юридически значимых по договору событий.

Логические основы экономических аспектов функционирования бизнеса, сущность и проблемы управленческих отношений, возникающих в среде взаимодействия хозяйствующих субъектов в ответ на рыночные вызовы и связанных с глобализацией экономических процессов и с трансформацией промышленности, получили оценки в публикациях как отечественных, так и зарубежных авторов.

Специалистами предложены теоретические и практические решения в области экономического управления бизнес-процессами компаний, реализующих различные логистические модели, и решения для корпоративного управления крупными промышленными комплексами («системы систем»), операционная деятельность которых ориентирована на массового потребителя и на заказчика кастомизированной продукции. Вместе с этим, в работах ряда ученых [11, 12] проблеме экономического «управления по целям» цифровыми логистическими цепочками, в звеньях которых частично или одновременно присутствуют бизнес-процессы проектирования, производства и обслуживания цифровой или физической продукции, разработанной и/или изготовленной ресурсами самонастраивающегося и самоорганизующегося из виртуальной среды автоматического оборудования Индустрии 4.0, уделено недостаточно внимания.

Результаты исследования

Схема системы экономического управления межфирменной логистикой в Индустрии 4.0, включающей смарт-контракты в контуры управления, приведена на рисунке. В системе реализуется принцип управления по отклонениям наблюдаемых показателей функционирования логистических цепей от их индикативно-плановых значений.

Регулирование внутрифирменных и межфирменных логистических бизнес-процессов в системе экономического управления основано на субъектно-событийном подходе, заключающемся в закреплении в смарт-контрактах программными инструментами обязательств бизнес-сторон по договору (элемент субъектности) и фиксации результатов операционной деятельности фабрик (элемент событийности) средствами объективного контроля, реализованными в виде компьютерных алгоритмов проверки выполнения предустановленных условий-триггеров.

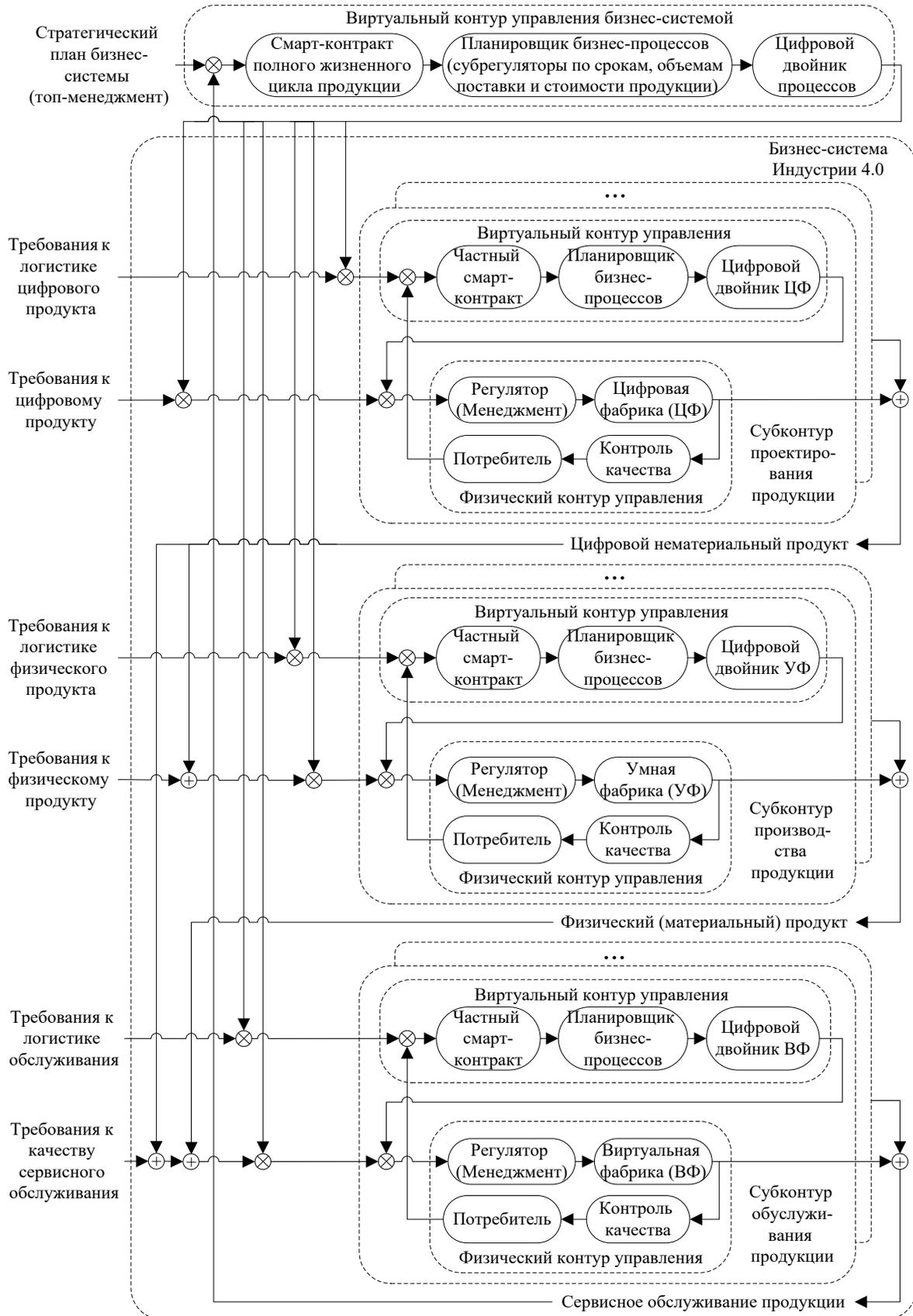

Схема системы экономического управления межфирменной логистикой в Индустрии 4.0, включающей смарт-контракты в контуры управления / Diagram of the economic management system for interfirm logistics in Industry 4.0, including smart contracts in management circuit

Партнерские отношения в системе управления построены на принципах усиленной горизонтальной интеграции участников цепочки создания ценности, ориентированных на приращение добавленной стоимости продукции в общей бизнес-системе. Смарт-контракты выступают элементом регулирования логистической системой, объединяющей бизнес-отношения сторон и технологические аспекты движения товарно-материальных и нематериальных ценностей, имеющие количественное выражение и поддающиеся в силу этого экономическому управлению. На уровне физического контура управления реализуется регулирование материального и сервисного (обслуживающего) потоков движения продукции. В пределах виртуального контура управления контролируются информационный и финансовый потоки, сопровождающие движение продукции.

Сквозной непрерывный контроль потоков, совмещающий обеспечение заданных в системе управления уровней результативности фабрик и эффективностей бизнес-процессов, соответствует актуальным общеэкономическим тенденциям цифровизации производящего и сервисного бизнесов, финансово заинтересованных в ускоренной оборачиваемости активов и, как следствие, в сокращении длительности операционных циклов изготовления и поставки продукции. Подключение к смарт-контракту различных по своей природе потоков создает необходимые условия для синтеза омниканальной среды, коммуникации в которой позволяют всем сторонам логистического процесса интерактивно отслеживать параметры состояния цепей поставок и планировать внутрифирменную хозяйственную деятельность и межфирменные взаимодействия с потребительским сообществом. Омниканальность логистики и цепей поставок обеспечивает минимальные задержки в реакции системы управления бизнесом на потребительский спрос и на предложения производителей, динамика которых прогнозируется бизнес-планировщиком с учетом бизнес-возможностей всех участников смарт-контракта, соотношенных с условиями инфраструктурной и институциональной неопределенностей рыночной среды изготовления и дистрибуции цифровой или физической продукции.

Заключение

Эффективное межфирменное экономическое управление логистикой и цифровыми цепями поставок продукции на основе смарт-контрактов предполагает объединение в сквозную цепочку создания и распределения ценностей фабрик, обладающих эквивалентными друг другу уровнями зрелости технологий, применяемых во внутрифирменных операционных циклах и регулирующих производственно-сбытовой, бюджетно-финансовый и иные аспекты хозяйствования бизнеса. В связи с этим при разработке технологического базиса (цифровых платформ и виртуальных экосистем) Индустрии 4.0 отдельное внимание необходимо уделять синтезу инновационных способов интеллектуального регулирования детализированных бизнес-процессов движения материально-товарных и нематериальных ценностей, относящихся к категориям продукции промежуточного цикла и финальной продукции, востребованной потребителем.

Фокусная направленность фабрик (проектирование, производство, обслуживание) и наличие виртуального компонента регулирования со смарт-контрактами в контуре управления позволяют рассматривать задачу управления логистикой как частную задачу, имеющую решение в общей задаче управления сквозной цепочкой создания добавленной стоимости продукции. Инжиниринг нового поколения систем экономического управления бизнесом таким образом необходимо осуществлять с учетом сетевых форм взаимодействия субъектов и специфики совместного обращения на рынке как цифровой (цифровые двойники), так и физической продукции, образующейся в результате самостоятельной хозяйственной деятельности фабрик или в их горизонтально интегрированных кооперационных цепочках.

Список источников

1. Булавко О.А., Туктарова Л.Р. Развитие гибких производственных систем в условиях нового технологического уклада // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 39–43.

2. Вавилов Д.Л., Глухова Л.В. Концепция цифровой трансформации деятельности государственных унитарных предприятий // Вестн. Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2, № 3 (46). С. 5–14.
3. Гаркушенко О.Н. Информационно-коммуникационные технологии в эпоху становления смарт-промышленности: проблемы определения и условия развития // Экономика промышленности. 2018. № 2 (82). С. 50–75.
4. Гвилия Н.А. Модели организации логистики корпораций в шеринг-экономике // Изв. Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та. 2020. № 2 (122). С. 152–157.
5. Жиронкин С.А., Гасанов М.А.О., Гузырь В.В., Жиронкин В.С. Блокчейн как технологическая платформа сетевого типа структурогенезиса в экономике // Вестн. Томского гос. ун-та. Экономика. 2020. № 49. С. 259–275.
6. Житяева О.И. Процессы развития цифровизации экономических систем РФ // Вестн. Самарского ун-та. Экономика и управление. 2021. Т. 12, № 1. С. 19–27.
7. Захаркина А. В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 66–82.
8. Миксюк С.Ф., Анкуда Е.В. Управление запасами в закупочной логистике в корпоративной информационной системе: концептуальный подход // Белорусский экон. журн. 2020. № 1. С. 138–147.
9. Найдено И.С., Йоенко Т.Р. Направления совершенствования процесса управления промышленным предприятием в условиях цифровизации // Вестн. Северо-Кавказского фед. ун-та. 2021. № 1 (82). С. 64–72.
10. Степанов Д.А. Киберэкономика как результат цифровой модернизации современной экономики: эпоха технологий индустрии 4.0 // Экономика и социум: современные модели развития. 2020. Т. 10, № 3. С. 271–288.
11. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журн. Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118–147.
12. Хачатурян А.А., Пономарева С.В., Мельникова А.С. Теоретические и методологические основы управления и внутрифирменного планирования затратами на информационно-коммуникационные технологии в цифровой системе промышленных предприятий // Вестн. Пермского нац. исслед. политехн. ун-та. Социально-экономические науки. 2019. № 1. С. 162–173.

References

1. Bulavko O. A., Tuktarova L. R. Development of flexible production systems in the conditions of a new technological style. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2021;2:39-43. (In Russ.).
2. Vavilov D. L., Glukhova L. V. The concept of digital transformation of activities of state unitary enterprises. *Vestn. Volzhskogo un-ta im. V.N. Tatishcheva = Bulletin of the Volga State University Named after V. N. Tatishchev*. 2020;2(3):5-14. (In Russ.).
3. Garkushenko O. N. Information and communication technologies in the era of the formation of the smart industry: problems of definition and conditions of development. *Ekonomika promyshlennosti = Industrial Economics*. 2018;(2):50-75. (In Russ.).
4. Gwilia N. A. Models of corporate logistics organization in the sharing economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gos. ekon. un-ta = Bulletin of the St. Petersburg State Economic University*. 2020;(2):152-157. (In Russ.).
5. Zhironkin S. A., Gasanov M. A., Guzyr V. V., Zhironkin V. S. Blockchain as a technological platform of the network type of structural genesis in the economy. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economics*. 2020;(49):259-275. (In Russ.).
6. Zhityaeva O. I. Processes of development of digitalization of economic systems of the Russian Federation. *Vestn. Samarskogo gos. un-ta. Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Samara University. Economics and Management*. 2021;12(1):19-27. (In Russ.).
7. Zakharkina A. V. Smart contract in the conditions of formation of the regulatory platform of the ecosystem of the digital economy of the Russian Federation. *Vestn. Permskogo un-ta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*. 2020;(47):66-82. (In Russ.).

8. Miksyuk S. F., Ankuda E. V. Inventory management in procurement logistics in a corporate information system: a conceptual approach. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal = Belarusian Economic Journal*. 2020;(1):138-147. (In Russ.).

9. Naydenko I.S., Yoienko T.R. Directions for improving the enterprise management process in the context of digitalization. *Vestn. Severo-Kavkazskogo fed. un-ta = Bulletin of North-Caucasus Federal University*. 2021;(1):64-72. (In Russ.).

10. Stepanov D. A. Cyber economy as a result of digital modernization of the modern economy: the era of Industry 4.0 technologies. *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya = Economics & Society: Contemporary Models of Development*. 2020;10(3):271-288. (In Russ.).

11. Truntsevsky Yu. V., Sevalnev V. V. Smart contract: from definition to certainty. *Pravo. Zhurn. Vysshei shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(1):118-147. (In Russ.).

12. Khachatryan A. A., Ponomaryova S. V., Melnikova A. S. Theoretical and methodological bases of management and in-house planning of costs of information and communication technologies in the digital system of industrial enterprises. *Vestn. Permskogo nats. issled. politekhn. un-ta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences*. 2019;(1):162-173. (In Russ.).

Информация об авторе

И. О. Жаринов – заслуженный машиностроитель Российской Федерации, доктор технических наук, профессор, профессор факультета безопасности информационных технологий, Национальный исследовательский университет ИТМО; руководитель учебно-научного центра – ученый секретарь научно-технического совета, Опытно-конструкторское бюро «Электроавтоматика» имени П.А. Ефимова.

Information about the author

I. O. Zharinov – Honored Machine Builder of the Russian Federation, Doctor of Science (Technologies), Professor, Professor at the Faculty of Secure Information Technologies, ITMO University; Head of the Educational and Scientific Center – Scientific Secretary of the Scientific and Technical Council, Design Bureau “Electroavtomatika”.

Статья поступила в редакцию 03.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 13.12.2021.
The article was submitted 03.09.2021; approved after reviewing 25.09.2021; accepted for publication 13.12.2021.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-109-117

Международная научно-практическая конференция «Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции» (г. Архангельск, 30–31 августа 2021 г.)

Вадим Вячеславович Денисов^{1✉}, Евгений Александрович Осьмуха²

^{1,2} Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия

¹ denisovvv22062020@mail.ru ✉

² genya_artist@mail.ru

Для цитирования: Денисов В.В., Осьмуха Е.А. Международная научно-практическая конференция «Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции» (г. Архангельск, 30–31 августа 2021 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 109–117.

SCIENTIFIC LIFE

Conference materials

International Scientific and Practical Conference “Lend-Lease and Arctic Convoys: from Regional Cooperation to a Global Coalition” (Arkhangelsk, August 30-31, 2021)

Vadim V. Denisov^{1✉}, Evgeniy A. Osmukha²

^{1,2} Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russia

¹ denisovvv22062020@mail.ru ✉

² genya_artist@mail.ru

For citation: Denisov V.V., Osmukha E.A. International Scientific and Practical Conference “Lend-Lease and Arctic Convoys: from Regional Cooperation to a Global Coalition” (Arkhangelsk, August 30-31, 2021). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2021;(4):109-117. (In Russ.).

31 августа 1941 г. в Архангельск из Англии пришел конвой «Дервиш». Пять английских транспортов и одно голландское судно привезли в СССР вооружение и боеприпасы, а также невоенные (но нужные для войны) грузы. Это был первый конвой союзников в нашу страну.

В честь 80-летия этого события Правительство Архангельской области, Российское военно-историческое общество, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (САФУ), Российское историческое общество, Фонд «История Отечества» 30–31 августа 2021 г. провели в Архангельске Международную научно-практическую конференцию «Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции». В онлайн режиме конференции были направлены приветственные слова С.Е. Нарышкина – председателя Российского исторического общества, директора Службы внешней разведки РФ; В.Р. Мединского – помощника Президента РФ, председателя Российского военно-исторического общества.

© Денисов В.В., Осьмуха Е.А., 2021

Со словами приветствия на конференции выступили: А.В. Цыбульский – губернатор Архангельской области; С.С. Беляев – директор Второго европейского департамента МИД России; Е.В. Кудряшова – ректор САФУ; Д. Броннерт – Чрезвычайный и Полномочный Посол Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Российской Федерации; Р. Росаланд – Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Норвегия в Российской Федерации.

В.Р. Мединский остановился на конвое «Дервиш» («PQ-0»). Этот конвой был невелик – всего пять английских транспортов, одно голландское судно, на которых в СССР доставили 10 тыс. т каучука, полторы тыс. т форменных ботинок, олово, шерсть, 15 истребителей «Харрикейн», 3,8 тыс. глубинных бомб и магнитных мин, и одно судно, загруженное топливом. Вместе с «Дервишем» пришел британский авианосец «Аргус», несший на борту еще 24 истребителя «Харрикейн». Присланными англичанами ботинками можно было обусть целый фронт – порядка 500 тыс. чел. Каучука хватило на десятки тысяч автомобильных и авиационных шин. Из шерсти можно было произвести сотни тысяч шинелей.

В.Р. Мединский констатировал, что, конечно, научные дискуссии о ленд-лизе будут продолжаться. Ленд-лиз помог СССР, США и Великобритании быстрее окончить войну. Но до июня 1944 г. основным вопросом международных отношений был вопрос о скорейшем открытии второго фронта. И если бы он был открыт раньше – в 1942 или 1943 г., то война могла закончиться быстрее.

Е.В. Кудряшова подчеркнула слова главы Российского государства В.В. Путина на заседании попечительского совета Русского географического общества: «Поставки по ленд-лизу и открытие потом второго фронта сыграли существенную роль в деле победы над общим противником, общим врагом, нацизмом». Кудряшова отметила, что более 30 лет на кафедре отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарной науки и международной коммуникации САФУ им. М.В. Ломоносова работает экспедиция «Эхо войны» по установлению мест гибели кораблей и самолетов, проведению поисковых работ и захоронению воинов Второй мировой войны. Составлена База данных обо всех погибших кораблях и о более чем 5 тысячах самолетов. Университет издал несколько выпусков альманаха «Северные конвои: исследования, воспоминания, документы». Руководит экспедицией профессор М.Н. Супрун.

В САФУ работает Британский центр, где под руководством доцента В.Г. Гольшевой студенты изучают историю арктических конвоев. По инициативе центра в предыдущие годы в САФУ уже побывали британские ветераны северных конвоев и их родственники. Несколько лет назад университет издал книгу В.Г. Гольшевой «Воспоминания об арктических конвоях», в которую вошли рассказы ветеранов северных конвоев.

На пленарном заседании с докладами выступили М.Н. Супрун, д-р ист. наук, проф. САФУ («Ленд-лиз и северные конвои в стратегии Антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны»), и А.В. Платонов, д-р воен. наук, проф., капитан 1-го ранга, науч. сотр. Военно-морской академии («Арктические конвои в контексте военных действий на Атлантическом театре»).

М.Н. Супрун упомянул американский закон о ленд-лизе от 11 марта 1941 г., который со вступлением США в войну стал рассматриваться как основа концепции «пула взаимопомощи». Огромную роль в обеспечении победы сыграли северные конвои. На арктический маршрут были стянуты флоты более чем 40 союзных наций.

США поначалу оказывали помощь дружественным государствам за плату. Но когда стало ясно, что война угрожает кризисом британской экономике, США пошли на принятие 11 марта 1941 г. закона о ленд-лизе, который предусматривал передачу другому государству во время военных действий займы или в аренду необходимых оружия и материалов.

С нападением Германии на Советский Союз грузы в нашу страну поступали только из Англии и в обмен на товары или драгоценные металлы. В ответ на тревожные послания из Москвы 6 сентября 1941 г. Сталину было сообщено о возможности отправки строительных материалов на основе ленд-лиза.

В 1941 г. в советские порты проследовали семь караванов под кодовым названием PQ (инициалы одного из офицеров британского адмиралтейства). Они перевезли 154 тыс. т, или почти все оружие, отправленное в СССР в этот период. 45 судов отбыли в 1941 г. в обратном направлении (караваны, шедшие обратно до 1942 г. имели кодовое название QP). Три четверти

направленных в Советский Союз грузов составляли станки, промышленное оборудование и сырье.

С февраля 1942 г. поставки по ленд-лизу были переведены на бескредитную основу, а через четыре месяца был принят порядок списания большей части долгов начального периода войны.

Объединенным комитетом начальников штабов Антигитлеровской коалиции была принята стратегическая задача на 1942 г.: сохранить «русский фронт». Северный маршрут поставок продолжал оставаться самым важным на протяжении всего 1942 г. Неслучайно Гитлер объявил арктический ТВД «зоной судьбы», направив сюда главные силы германского флота. Тяжелые бои, развернувшиеся в Арктике в первой половине 1942 г., стоили союзникам потери 57 транспортов (в том числе 4 советских) и боевых кораблей. А трагическое стечение обстоятельств привело к гибели почти целого конвоя PQ-17. Тем не менее 96 дошедших до северных портов СССР судов доставили для «русского фронта» еще около 700 тыс. т грузов. Через Архангельск и Мурманск до середины 1942 г. было завезено приблизительно столько танков и самолетов, сколько находилось их на фронте на начало 1942 г. Из 3600 обещанных самолетов в СССР было отправлено 3296, вместо 4500 танков – 4697, вместо 1800 танкеток – 1853. Конечно, были потери в пути (до 10 %), но они были компенсированы внепротокольными грузами.

В валовом объеме промышленного производства СССР импортные поставки составили мизерную часть. Однако по отдельным, самым необходимым для страны видам вооружения, сырья и материалов их доля была весьма велика. Количество поставленных союзниками танков составило почти 96 % выпущенных в СССР за первые полгода войны; самолетов – 34 %; автоматов – 93 %. Военные поставки в общем объеме ввезенных в Советский Союз грузов составили лишь пятую часть. Остальной тоннаж был занят продовольствием, цветными металлами, химическими веществами, нефтепродуктами, промышленным оборудованием.

К середине 1942 г. импортная техника составляла 15 % всех танков и самолетов, находившихся на фронте.

Ленд-лизовское продовольствие в калорийном исчислении обеспечило боеспособность более 5 млн солдат в течение периода действия Московского (Первого) протокола с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г.

По Второму протоколу (1 июля 1942 г. – 30 июля 1943 г.) Советскому Союзу были предложены оружие и материалы, вчетверо превышавшие объем поставок по Московскому протоколу.

С июля 1942 г. по декабрь 1943 г. северным маршрутом было проведено 192 транспорта. Обратным путем – 168. Союзники потеряли 5 боевых кораблей и 26 транспортов.

По Второму протоколу союзники выполнили свои обязательства лишь на $\frac{3}{4}$, но импортные оружие и материалы сыграли важную роль в создании КОРЕННОГО перелома в Великой Отечественной войне. Поставленных по Второму (Вашингтонскому) протоколу самолетов вполне хватило, чтобы заменить потери советской авиации во всех основных сражениях этого периода. Импортного производства был каждый десятый танк действующей армии.

Особое значение в номенклатуре Второго протокола имели радиооборудование и средства связи. Они позволили обеспечить части Красной Армии и флота более чем на 80 %.

Структура поставок союзников по Второму протоколу была следующей: $\frac{1}{3}$ – военные поставки; $\frac{1}{3}$ – невоенные; $\frac{1}{3}$ – продовольствие.

На 1944–1945 гг. пришелся основной объем помощи союзников для СССР: 9,9 млн т, или $\frac{3}{5}$ всех грузов военного времени. В отличие от поставок по Второму и особенно Первому протоколу почти 90 % всех материалов и оружия поступило в конце войны из США. Каждая вторая бронемашина и каждый десятый танк, направленные в этот период во фронтовые соединения, были импортного производства. Радиостанциями и телефонными аппаратами, поставленными в СССР в 1944–1945 гг. можно было оснастить от 300 до 500 дивизий.

Самолеты, танки, корабли, другие военные грузы в общем объеме ввезенных в СССР в конце войны материалов занимали 9 %.

Четверть тоннажа занимало продовольствие. Другая четверть – автомобили, локомотивы, вагоны, остальное – промышленное оборудование и сырье.

Переход стратегической инициативы к союзникам обусловил возрастание роли северного маршрута. В 1944–1945 гг. по нему было доставлено 22 % всех грузов. Советские грузовые су-

да с конца 1943 г. были исключены из ордера конвоев. Груз лег на транспорты союзников, главным образом под американским флагом. Прикрытие осуществлял британский флот с участием норвежских, канадских, польских и французских кораблей. В советской береговой зоне к ним подключались корабли и авиация Северного флота. В 1944–1945 гг. они обеспечили проводку в Архангельск и Мурманск 14 конвоев в составе 379 судов. 393 судна были сопровождены в обратном направлении. 49 пароходов проследовали до сентября 1945 г. в одиночном плавании.

На завершающем этапе войны германские военно-морские силы лишились 24 подводных лодок и линкора «Тирпиц». Союзники не досчитались 13 торговых судов и 9 боевых кораблей.

Докладчик обратил внимание, что до сих пор не удалось выработать общеприемлемую методику оценки союзнической помощи СССР. На Соединенные Штаты пришлось 4/5 всех военно-экономических поставок.

А.В. Платонов остановился на военном аспекте конвоев. Он привел общую статистику конвоев. В ходе войны через операционную зону советского Северного флота прошло 75 союзных конвоев. 40 конвоев привели в Советский Союз и 35 – в обратном направлении. В этих конвоях участвовало 1548 судов. До пункта назначения добрались только 1408, в Советский Союз вышли 830 судов и прибыли 729, а в обратном направлении вышли 718, дошли – 679.

Ярко выраженные провалы в проводке конвоев совпадали с летними периодами. Был недостаток эскортных кораблей под британским командованием, но англичане боролись за о. Мальта, потеря которого привела бы к потере Суэцкого канала.

На конференции работали четыре секции: 1. Ленд-лиз: проблемы истории и историографии; 2. Арктические конвои: проблемы истории и историографии; 3. Межрегиональный форум учителей истории и обществознания («Северные конвои в школьном курсе истории: современные подходы к изучению и практике преподавания»); 4. Изучение и сохранение наследия северных конвоев: музейный опыт.

Авторы данного обзора участвовали во 2-й секции. Работа 1-й секции представлена частично. Это зависело от того, с какими коллегами получилось проконтактировать и какие материалы их выступлений удалось получить. О работе 3-й и 4-й секций упомянуто.

1-я секция «Ленд-лиз: проблемы истории и историографии».

И.В. Быстрова, д-р ист. наук, проф., ведущий науч. сотр. ИРИ РАН, выступила с докладом «Уинстон Черчилль и северные конвои в Россию». Несмотря на давнюю неприязнь к большевикам, 22 июня 1941 г. Черчилль сразу выступил в поддержку России. Он сделал все возможное, чтобы организовать поставки в СССР военных материалов. Великобритания получила помощь от США по программе ленд-лиза и согласилась передать СССР часть этой помощи. Черчилль стал инициатором личной переписки со Сталиным, которая детально прослежена И.В. Быстровой.

Расширение и уточнение картины английских планов помощи СССР представлены в докладе А. Хилла, проф. Университета Калгари (Канада), «Британская помощь СССР по Ленд-лизу и битва под Москвой в свете последних архивных находок». На 22 июня 1941 г. Советский Союз имел в своем распоряжении около 22 600 танков, однако к концу года приблизительно 20 500 из них были уничтожены. С 22 июня по конец декабря 1941 г. Красная Армия получила 5600 танков, из них почти 500 благодаря поставкам союзников. В Красной Армии был недостаток тяжелых и средних танков. Великобритания поставляла СССР средние танки. А. Хилл работал и в российских архивах. Им изучено участие британских танков и самолетов ленд-лиза в боевых действиях на советско-германском фронте.

«Участие Канады в помощи СССР по ленд-лизу» – тема сообщения К.В. Минковой, канд. ист. наук, ст. преп. каф. американских исследований СПбГУ. Невзирая на личную неприязнь премьер-министра Канады У.Л. Маккензи Кинга к коммунистам, 22 июня 1941 г. он, не ожидая одобрения Лондона и Вашингтона, выступил со словами поддержки в адрес СССР. Канада была готова поставлять в Советский Союз (через Великобританию) пшеницу и не только. Осенью 1941 г. между Лондоном и Оттавой было достигнуто соглашение о поставках в СССР военной техники. Первая партия танков «Валлентайн» была отправлена из Канады во Владивосток в октябре 1941 г. С этого момента до 31 марта 1944 г. канадские поставки в СССР через Великобританию включали 1388 таких танков, 1348 транспортеров, 29 радиолокационных установок,

30 тыс. т алюминия и 27 тыс. т меди. Правда, есть свидетельство советской стороны о сложностях в эксплуатации и ремонте «валлентайнов».

С.М. Монин, канд. ист. наук, доц. МГИМО, выходит за рамки арктических конвоев, Северный путь только часть проблемы его доклада «Выбор союзниками маршрутов поставок стратегических грузов в СССР в начале Великой Отечественной войны». Докладчик свел в таблицу маршруты, указал их тоннаж и процент: Тихоокеанский – 8244 тыс. т, 47,1 %; Трансиранский – 4160, 23,8%; арктические конвои – 3964, 22,6 %; Черное море – 681, 3,9 %; Советская Арктика – 452 тыс. т, 2,6 %. Монин проанализировал основные маршруты с точки зрения географии, логистики и военно-политической обстановки.

Н.Н. Мельников, канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотр. Ин-та истории и археологии УРО РАН, рассмотрел «Влияние ленд-лиза на развитие советского танкостроения в годы войны». Он отметил, что в след за председателем Госплана Н. Вознесенским отечественная историография стала говорить о невысокой значимости ленд-лиза для всей советской экономики. Подобный подход продолжил существование и в постсоветские годы.

«Архивная революция» 1990-х гг. ввела в научный оборот целый комплекс рассекреченных документов, что привело к изменению представлений о степени самостоятельности военной промышленности СССР. Мельников подчеркивает, что качество подготовки танков до войны было часто низким, и приводит примеры (1941 г., центр танковой промышленности сместился на восток). А индустриальный потенциал промышленных районов был здесь ниже предприятий западной части СССР. Восточные танкостроительные центры до начала 1943 г. выпускали технику предельно низкого качества. Для создания комплектующих возможности просто не оставалось. Но поставки бронетехники из США не сыграли существенной роли в развитии советского танкостроения в силу незначительности объемов, а также потому, что физические свойства их металла не удовлетворяли советскую сторону. Качество танковой брони на советском производстве напрямую зависело от ферросплавов американского происхождения.

А.В. Хатанзейский, науч. сотр. ФГБУ «Национальный парк Русская Арктика», выступил с докладом «Бронетехника в структуре поставок по программе ленд-лиза для СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Им дан предметный перечень поставок с разделением на периоды сотрудничества и периоды доставок.

Проблеме «Советский Военно-морской флот и ленд-лиз 1941–1945 гг.» посвящено выступление Р.И. Ларинцева, засл. машиностроителя РФ, преп. техникума судостроения и машиностроения. Он проанализировал сюжеты: флот и судостроительная промышленность СССР накануне войны; ленд-лиз и поддержание боеспособности фронта в годы войны; исследование боевых кораблей, полученных от союзников; морской – авиационный ленд-лиз; использование советским ВМФ отдельных видов вооружения и техники, поставленных по ленд-лизу. Ларинцев делает вывод: не вызывает сомнения, что советский ВМФ как ни один вид вооруженных сил нуждался в действенной и разнообразной помощи союзников по антигитлеровской коалиции. Большая часть отечественной программы военного катеростроения финансировалась на поставки импортных двигателей и вооружения. Большая часть успехов Северного флота в конце войны также достигнута благодаря ленд-лизовской технике и вооружению. В то же время в отечественной историографии это достаточно прочно не утвердилось, но все громче раздаются мнения, что, например, эффективность советской неконтактной мины МИРАБ была не ниже, чем у английских образцов.

Н. Даффит, сопредседатель комитета Большого Портленда США, и Н.Н. Шпанова, директор Архангельского обл. краеведческого музея, обратились к сюжету «Суда на один рейс». Речь идет о «Либерти», наиболее массовом военном транспорте, входившем в арктические конвои; это судно водоизмещением порядка 10 тыс. т с пятью грузовыми трюмами. Либерти – «одноразовые суда». Всего на территории США с 1941 по 1945 г. их было построено 2710. Срок эксплуатации был рассчитан на 5 лет. Но одноразовое судно не совсем являлось таковым. Так, после войны «либерти», принятые от союзников, были распределены по разным пароходствам Советского Союза. Большая часть этих судов составила основу Дальневосточного морского пароходства.

«Союзники на советских праздниках 1941–1945 гг.» – тема доклада В.А. Невежина, д-ра ист. наук, вед. науч. сотр. ИРИ РАН. В нем освещаются дипломатические приемы в Кремле с представителями Великобритании и США в форме обеда, который начинался в промежуток времени от 20 до 21 часа и имел продолжительность два-три часа. Всего в парадном Екатерининском зале Большого Кремлевского Дворца был устроен 21 дипломатический прием в честь союзников. Количество участников банкетов в честь союзников варьировалось от 40 до 100. Сталин никогда не вел стол на дипломатических приемах в честь союзников. Роль тамады на этих обедах неизменно выполнял нарком иностранных дел В.М. Молотов. В случаях, когда гость произносил импровизированный тост, Сталин вставал со своего места и подходил к нему, чтобы чокнуться. На дипломатическом приеме, устроенном Сталиным 26 сентября 1942 г., было произнесено 53 тоста. На приеме 1 октября 1941 г. советский лидер счёл необходимым специально выпить за двух американских пилотов, доставивших членов делегаций Великобритании и США в Москву.

На банкете 20 декабря 1941 г. Сталин уже явно чувствовал себя освободителем Москвы. Советский вождь произносил короткие тосты в честь своих военачальников, чокался с ними и при этом мало обращал внимания на английских гостей.

В перерывах между здравицами Сталин иногда беседовал с членами союзнических делегаций. Порой эти беседы оказывались нелицеприятными для союзников. Так, на банкете 14 августа 1942 г. Сталин в разговоре с Черчиллем и Гарриманом выразил недовольство задержкой с отправкой северных конвоев в советские порты. На банкете 30 октября 1943 г. Сталин сообщил К. Хэллу о намерении СССР выступить против Японии сразу же по окончании военных действий в Европе против Германии.

А. Доброньски, проф. Белостокского гос. университета (Польша), представил доклад «Делегатура Посольства республики Польша в Архангельске и полярные конвои». Делегатура была создана для оказания помощи польским гражданам, депортированным в Архангельскую и Вологодскую области после 17 сентября 1939 г. Создание её стало возможным после подписания пакта Сикорского – Майского 30 июля 1941 г. После заключения военного соглашения 14 августа в ее состав были назначены офицеры связи Войска Польского. Вскоре возникла парадоксальная ситуация: посольство Польши согласовало с руководством Наркомата иностранных дел все вопросы, касающиеся работы своих уполномоченных, а местные власти оказывали сопротивление. Вести работу приходилось полуофициально, при безразличии местных властей к судьбам высланных поляков.

Ф. Вилкинсон, коммодор авиации королевских ВВС Великобритании (в отставке) (Великобритания), высказал свою точку зрения на тему «“Харрикейны” в Мурманске – быстрый отклик Черчилля на просьбу Сталина». В речи 22 июня 1941 г. Черчилль не скрывал своей ненависти к коммунизму, но подчеркнул: ...любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. ... мы окажем России и русскому народу, какую только сможем». 18 июля 1941 г. Сталин сказал, что лучшей помощью от Великобритании будет открытие второго фронта, а по сути двух фронтов: одного на севере Франции, а второго – в Арктике. Черчилль отметил такой подход как первый пример того, что Сталин абсолютно не принимает во внимание «Реальное положение дел». Тем не менее Черчилль дал ответ и в частности сказал: «Мы так же изучаем вопрос увеличения последующей помощи в виде базирования нескольких британских истребительных эскадрилий в Мурманске...». Вилкинсон перечислил конкретные боевые действия британских летчиков.

2-я секция «Арктические конвои: проблемы истории и историографии».

А.В. Репневский, д-р ист. наук, проф. САФУ, открыл секцию докладом «Маршруты ленд-лиза для СССР: их планетарная уникальность, характеристики и специфика». Доклад основан на аналитико-синтетических началах при изучении основных путей оказания взаимопомощи союзников.

В докладе С.М. Соловьева, канд. филос. наук, вед. науч. сотр. МГУ им. М.В. Ломоносова, главного специалиста РГА СПИ, «Участие советских транспортов в северных конвоях (по материалам Политуправления Наркомата морского флота СССР)» цитировались документы, по-

гружавшие слушателей в лексическую и стилистическую атмосферу партийно-государственных органов изучаемых лет.

«“Свой” VS “чужие”»: союзники в северных городах СССР в период Второй мировой войны в дискурсе имагологии» – проблема для поисков и размышлений О.В. Чураковой, канд. ист. наук, доц. САФУ. Доклад основан на изучении документальных материалов. Иностранцам морякам удивительно было видеть чисто (примерно на 90 %) деревянный город, с нерегулярно вывозимыми нечистотами, с безвкусным пивом, жителями, которые практически не шли на контакты.

В.О. Терентьев, канд. ист. наук., доц., зав. музеем ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова, озвучил доклад «К вопросу о применении компаративного подхода в изучении военного противоборства в Арктике 1941–1945 гг. (на примере боевого пути капитана 3-го ранга В.Ф. Таммана)». Терентьев отметил, что по истории Второй мировой войны пропагандистские публикации советского периода сменились антисоветским ревизионизмом. Многие постсоветские публикации пестрят негативными оценками профессионализма и результативности советских военных специалистов. Одновременно идет не критическое преклонение перед германской (или британской) военной машиной. Однако представляется перспективным зарождение в историографии последних лет направления, которое Терентьев обозначил как неоревизионистское, для которого характерно критическое переосмысление советских и постсоветских идеологически ангажированных исследований на основании объективного анализа широкого круга источников. Важно учесть весь спектр особенностей боевого применения сил и средств. Для этого наилучшим образом подходит компаративный метод. Для такого исследования деятельности командиров подводных минных заградителей подходят, по мнению Терентьева, следующие критерии: 1. Единый театр военных действий (Арктика). 2. Тип и характеристики сравниваемых вооружений, военной техники и технических средств. 3. Уровень формы и система подготовки специалистов. Терентьев проводит сравнение по указанным факторам.

Исследования на основе публикаций о конвоях французской прессы времен войны вниманию участников секции предложила Е.А. Терентьева, канд. ист. наук, доц. СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Она отметила, что освещение Великой Отечественной войны французской прессой остается крайне слабоизученным, и выделила в истории французской прессы 4 периода, а также классифицировала прессу на политические направления, в том числе на коллаборационистское и антигерманское. Особенности прессы формировались в зависимости от регионов. Докладчик отметила, что июль и сентябрь 1942 г. стали периодом максимального количества публикаций об арктических конвоях.

«Действия германских подводных лодок на советских и союзных морских коммуникациях на северном морском театре в 1941–1945 гг.» исследовал М.Э. Морозов, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Центра военной истории России ИРИ РАН. На основании большого источникового материала он проанализировал действия германских подводных лодок по пяти конвоям (понимая под одним конвоем путь из Британии в советские порты и обратный путь в Британию) с 5 марта 1942 г. по 29 мая того же года. Общее число ПЛ, участвовавших в операциях, – 47 (среднее число германских ПЛ в одной операции 9,4). Количество торпедных атак, произведённых в пяти конвоях, – 38 (среднее количество атак на 1 конвой – 7,6) (средние числа подсчитаны нами. – В.Д., Е.О.).

Тема сообщения Е.В. Хатанзейской, канд. ист. наук, науч. сотр. Международ. центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, «Социальная история северных конвоев: Архангельск в восприятии иностранных моряков» перекликается с докладом О.В. Чураковой. При обсуждении доклада Хатанзейской возник методологический вопрос: Правильно ли сравнивать людские потери от голода Ленинграда и Архангельска? Ленинград во много раз больше по населению, город был в блокаде, Архангельск – нет, есть и другие отличия.

А.В. Барзенин, науч. сотр. Северного морского музея, остановился на теме работы архангельских лоцманов на проводке союзных конвоев. Он отметил, что первый британский корабль – минный заградитель «Адвенчур» с грузом магнитных мин и глубинных бомб прибыл в Архангельск 1 августа 1941 г. 27 сентября 1941 г. крейсер «Лондон», на борту которого были министр запасов и снабжения Великобритании У.Э. Бивербрук, представитель Президента США в Великобритании и СССР У.А. Гарриман и американский адмирал У. Стендли вошел в мелководный фарватер Северной Двины. Опасную проводку в бурную погоду осуществил военный лоц-

ман Б.П. Пустошный. В 1942 г. лоцманская служба Архангельского порта провела 452 операции с советскими судами и 263 с иностранными. В 1943 было проведено 520 судов.

По этой же теме выступила студентка 2-го курса САФУ Е.А. Федотова. Название её доклада «Архангельская лоцвахта в годы Великой Отечественной войны», возможно, следовало именовать корректнее: лоцманская вахта была реорганизована в лоцманскую службу порта еще в 1935 г.

Использование труда военнопленных на предприятиях узловых пунктов арктических конвоев – Архангельска и Молотовска в 1944–1948 гг. рассмотрел д-р ист. наук, доц., проф. ВИПЭ ФСИН А.Л. Кузьминых. Он фиксирует, что если на 1 января 1942 г. в архангельских лагерях содержалось 130 495 заключенных, то на 1 января 1946 г. – 25 314 чел. Причины: мобилизация в армию и массовая смертность в условиях военного времени, а также послевоенная амнистия. Стройки и предприятия, которые обеспечивались кадрами за счет ГУЛАГа, стали испытывать потребность в рабочей силе. Скоро выход нашелся, благодаря успешному наступлению советских войск в 1944–1945 гг. в советский плен попало 2,5 млн солдат и офицеров германской армии и ее союзников. Примерно 25 тыс. обезоруженных вражеских военнослужащих планировалось разместить в трудовых лагерях на территории Архангельской области.

Со сходной темой «ГУЛАГ и северные конвои (по материалам Ягринлага)» выступила Г.В. Шаверина, историк-краевед. Ею выделены сюжеты: строители Молотовского участка Архангельского морского торгового порта и ленд-лиз; аэродром на Поное; ремонт судов; мост через реку Кузнечиху. Приведен интересный фрагмент воспоминаний одного из узников спецтюрьмы: «На совещании у директора завода начальник КБ завода заключенный Н.В. Гавриленко высмеял установление срока ремонта в несколько месяцев. Он считал возможным выполнить ремонт в недельный срок. Возглавив ведение работ вместе с мастером Н.К. Шипуновым, круглосуточно работая с бригадой рабочих, на пятый день закончили ремонт».

В.Г. Гольшева, канд. филол. наук, доц. САФУ, дочь погибшего участника конвоев, много лет занимается трудоемким сбором источников – перепиской с участниками конвоев, а в последнее время – их потомками и младшими родственниками. Ее доклад «Конвой JW - 62» (29 нояб. – 7 дек. 1944 г., Шотландия – Кольский залив) основан на этой же документальной базе.

Сюжет «Один из “Архангелов в белом” – хирург Джордж Орлов (профессор Г.А. Орлов и лечение моряков союзных конвоев в архангельских госпиталях)» представлен А.В. Андреевой, зав. отд. истории медицины Сев. гос. мед. ун-та, и Г.О. Самбуровым, специалистом того же отдела. Г.А. Орлов в годы войны – главный хирург и старший инспектор эвакогоспиталей в Архангельской области.

Подполковник запаса, сотрудник музея Сибирского федер. ун-та. В.В. Филиппов ознакомил участвующих в работе секции с вопросом «Война на Енисейском Севере. Участие авиации в боевых действиях в Карском море в 1941–1944 гг.». Он сообщил о малоизвестном факте: за период войны военно-морские силы Германии снарядили и отправили на Север около 30 экспедиций. В отдаленные районы Арктики забрасывались разведгруппы, состоящие из 7–9 чел.: специалистов по синоптике, радиоразведке и дешифровке. Немцами были созданы базы в бухте Нагурского, некоторых бухтах Новой Земли, в бухте Слободская (Енисейский залив), в шхерах Минина, в заливе Волчий (о. Норденшельда).

25 августа 1942 г. у архипелага Норденшельда немецкий крейсер «Адмирал Шеер» встретил ледокол «Александр Сибиряков», поднял американский флаг и потребовал сообщить ледовую обстановку в проливе и место каравана судов. Капитан ледокола ст. л. А.А. Качарава понял, с кем имеет дело, и приказал сообщить на Диксон, что он встретил немецкий рейдер. С крейсера произвели выстрел в сторону парохода, в ответ на что «Александр Сибиряков» открыл огонь по противнику. 20 минут ледокольный пароход вел беспрецедентный бой с тяжелым крейсером, затем объятые пламенем советское судно затонуло. Погибли 79 членов экипажа и пассажиров, 18 моряков попали в плен.

Р. Кохновски и А. Вожны из Педуниверситета в Кракове познакомили коллег с выполнением задач кораблями Польского ВМФ в арктических конвоях 1942–1943 гг., акцентировали внимание на том, что Северный флот СССР был самым слабым звеном в системе ВМС Советского Союза. Флот насчитывал 8 эсминцев и 15 подводных лодок и мог обеспечить безопасность союзным конвоям только на близких подступах к советским портам.

К августу 1939 г. в состав польского ВМФ входили 4 эсминца, 5 ПЛ, 6 тральщиков, 2 канонерские лодки, 1 минный заградитель и вспомогательные единицы. Некоторые корабли 30 августа и 1 сентября покинули Гдыню и пришли в Эдинбург. Как только Лондон объявил войну Германии 3 сентября 1939 г., польские эсминцы стали сопровождать конвои. А ПЛ патрулировали в Северном море.

В июле 1941 г. дипломатические отношения между СССР и Польской республикой были восстановлены. Оценив высокое мастерство и боевой дух польских военных моряков, британское адмиралтейство с весны 1942 г. направило польские военные суда для сопровождения арктических конвоев. Для поляков, участвующих в этом эпизоде Второй мировой войны, служба на арктическом маршруте носила особый характер. Ведь некоторые из них служили на борту польских кораблей сразу после прибытия в Великобританию из советского плена.

Авторам данного обзора пришлось выступить на 2-й секции с докладом «Источниковедческие аспекты истории северных конвоев». На данной конференции выявлено 8 выступлений, связанных с оценкой и анализом источников.

Нами проанализированы 11 документов, впервые опубликованных в сборнике «Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны...» (1983). В них обращает на себя внимание недовольство Сталина и других советских руководителей в недостаточной помощи Советскому Союзу, особенно в открытии 2-го фронта в 1942 г.

В сборнике активно используются материалы из книги «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны» (М., 1976, т. 1). Но в названии книги не соблюдена историческая правда. А она в том, что в 1941–1945 гг. в СССР не было Совета Министров.

К сожалению, мы не встречали в научных трудах ссылок на книгу воспоминаний В.И. Удалова, непосредственного участника тех событий. Да, книга малотиражна, но это не принижает ее значимость в изучении подготовки экипажей транспортов к нападению противника в полярных морях. Зато книга «Дервиш» (Северодвинская типография, 2021) интересна любопытными высказываниями моряков транспортного и военного флотов Соединенного Королевства. Вот мнение У. Роача, капитана транспорта, сентябрь 1941 г.: «...чрезвычайно трудно установить, кто именно отвечает за разгрузку. Пунктуальности практически не существует, а время для среднестатистического русского, похоже, ровным счетом ничего не значит».

Л-т Дэвид Мур, штурман тральщика, август 1941 г.: «На пристани нас встретила симпатичная русская девушка, и первое впечатление было, что мы сможем пообщаться с местными жителями, однако нам не потребовалось много времени, чтобы понять, что она была агентом ГПУ... и что ей было поручено сопровождать нас в кафе... Наши вопросы об СССР, пакте 1939 года и так далее были аккуратно парированы».

3-я секция конференции «Межрегиональный форум учителей истории и обществознания» имела подзаголовок «Северные конвои в школьном курсе истории: современные подходы к изучению и практике преподавания». В работе секции участвовали М.Ю. Мягков – д-р ист. наук, проф., науч. директор Российского военно-исторического общества; А.А. Данилов – д-р ист. наук, проф., изд-во «Просвещение»; Р.В. Пазин – канд. ист. наук, изд-во «Легион»; А.П. Алексеев – советник генерального директора изд-ва «Русское слово».

4-я секция была посвящена изучению и сохранению наследия северных конвоев: музейный опыт. В ней приняли участие представители музеев Архангельска, Санкт-Петербурга, Ямало-Ненецкого автономного округа, Швеции.

Информация об авторах

В.В. Денисов – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.

Е.А. Осмуха – преподаватель Транспортного колледжа.

Information about the authors

V.V. Denisov - Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Humanities.

E.A. Osmukha – Lecturer of the Transport College.

Материалы конференции
doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-118-120

Международная научная конференция «Армяне Юга России: история, культура, общее будущее» (г. Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 г.)

Саркис Суренович Казаров

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ser-kazarov@yandex.ru

Для цитирования: Казаров С. С. Международная научная конференция «Армяне Юга России: история, культура, общее будущее» (г. Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 118–120.

Conference materials

International Scientific Conference “Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future” (Rostov-on-Don, September 28-29, 2021)

Sarkis S. Kazarov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ser-kazarov@yandex.ru

For citation: Kazarov S.S. International Scientific Conference “Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future” (Rostov-on-Don, September 28-29, 2021). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):118-120. (In Russ.).

Организаторами конференции выступили Южный федеральный университет, Южный научный центр Российской Академии наук и Нахичеванская-на-Дону армянская община.

Несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку, конференция была представлена зарубежными гостями из Армении, Белоруссии и Молдовы. Часть зарубежных гостей (Армения, Великобритания, Италия) выступили в формате онлайн.

Работа конференции продлилась два дня. В первый день состоялось пленарное заседание, которое проходило в главном корпусе Южного федерального университета в зале заседаний диссертационного совета. С приветственным словом к гостям обратились ректор ЮФУ д-р экон. наук, проф. *И.К. Шевченко*, действительный член (академик) Российской академии наук, д-р геогр. наук, научный руководитель Южного научного центра РАН *Г.Г. Матишов*, генеральный консул Республики Армения в г. Ростове-на-Дону *В.М. Асоян*, директор Института социологии и регионоведения ЮФУ, канд. социол. наук *А.В. Бедрик*. Также было оглашено приветствие доктора искусствоведения Международного научно-исследовательского центра имени Павла Муратова *В.О. Халпахчян* (г. Падуя, Италия).

Затем на пленарном заседании был заслушан ряд научных докладов. С сообщением «Армяне Юга России» – картографический проект фонда «Анив» из серии «Армянское культурное наследие» выступили директор фонда развития и поддержки арменоведческих исследований «Анив» *А.В. Хечоян* и канд. техн. наук *Р.В. Атоян*; канд. филос. наук, заведующий кафедрой политологии Российско-Армянского университета (г. Ереван, РА) *О.Л. Саркисян* – «Общины армянской диаспоры в контексте политики нациестроительства Республики Армения в условиях современных вызовов», канд. ист. наук; *Э.М. Алхазов* – «Манук-бей и его потомки в Бессарабии» (г. Кишинев, Республика Молдова); директор Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры, д-р искусствоведения *А.Ю. Казарян* – «Перспективы изучения

архитектуры храмов донских армян»; *С.С. Мирзоян*, канд. ист. наук, независимый исследователь (г. Ереван, Республика Армения) – «История рода Карапетян».

Ряд зарубежных участников на пленарном заседании выступили онлайн: *Э.Г. Минасян* – д-р ист. наук, декан исторического факультета Ереванского университета – с докладом «Участие армянских женщин в боевых действиях Великой Отечественной войны»; *К. Хамада*, научный сотрудник Оксфордского университета (Великобритания), – с докладом «История Понта или Черного моря» Минаса Бжишкяна и её значение в историческом исследовании армянских общин Причерноморья»; *Н.Р. Шахназарян*, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН РА, г. Ереван – «Франги, армяне-католики: к постановке исследовательских вопросов и методологических практик»; *В.Г. Тунян*, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории НАН РА (г. Ереван), – с докладом «Дебаты о признании геноцида армян в начале XXI века»; *А.Г. Асатрян*, д-р искусствоведения, заместитель директора Института искусствоведения НАН РА (г. Ереван), – с докладом «О концертах Беглара Амирджаняна в Ростове-на-Дону»; *А.Г. Чтян*, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник Института искусствоведения НАН РА (г. Ереван), – с докладом «Петрос Адамян на театральных сценах Новой Нахичевани и Ростова-на-Дону»; *В.Р. Аветисян*, канд. ист. наук, доцент Самарского государственного социально-педагогического университета, – с докладом «Армянская община Самары в лицах: Ваган Гайкович Каркарян»; *Е.Б. Роева*, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций МГУ, – с докладом «Миграция граждан Армении в Россию в период и после событий “Бархатной революции” 2018 г.: спорадические особенности и закрепившиеся традиции».

После перерыва с докладами выступили: *В.З. Акопян*, канд. ист. наук, доцент Пятигорского государственного университета, – «К вопросу о классификации армянских топонимов на Юге России и их роль в сохранении исторической памяти»; *С.В. Джунджужов*, д-р ист. наук, проф. Оренбургского государственного педагогического университета, – «Материалы о приеме армян в российское подданство в фондах Оренбургской губернской администрации»; *С.С. Меликсетян*, редактор электронного журнала «Найматехт» (г. Владикавказ), – «Формирование армянской общины г. Владикавказа на основе записей метрических книг церкви св. Григория Просветителя (1850–1916 гг.)»; *Р.М. Абрамян*, канд. пед. наук, независимый исследователь (г. Москва), – «Родовая геральдика крымских армян в Российской империи»; *В.Р. Оганесян*, PhD, независимый исследователь (г. Москва), – «Торговый дом Х.К. Сагиров с сыновьями: история фирмы и её основателей».

На второй день, 29 сентября, работа конференции проходила в Южном центре РАН по двум секциям: «Духовная и культурная жизнь армян Юга России и её представители» (модераторы – д-р ист. наук, профессор ЮФУ *С.С. Казаров* и канд. ист. наук, старший научный сотрудник ЮНЦ РАН *П.А. Аваков*) и «Армянское население Юга России: аккультурация и проблемы сохранения этнокультурной идентичности» (модераторы – канд. юр. наук, доцент, завлабораторией ЮНЦ РАН *Л.В. Батиев* и краевед *А.С. Хатламаджиян*).

На первой секции с докладами выступили: *П.А. Аваков*, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ЮНЦ РАН – «Расселение крымских армян в Азовской губернии (1779–1780 гг.)»; *О.В. Баева*, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (г. Москва) – «Архитектура церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону в контексте зодчества эпохи историзма»; *Н.А. Казарова*, д-р ист. наук, проф., независимый исследователь, – «Большевичка из г. Нахичевани-на-Дону (Н.Н. Аладжалова)»; *Н.Н. Кадырова*, главный хранитель фондов Городского исторического музея г. Горячий Ключ, – «Таинственный Шапошников (пути исследования жизни и личности И.М. Шапошникова)»; *В.С. Яновский*, канд. ист. наук, научный сотрудник ИКЦ «Музей А.И. Солженицына» (г. Kislovodsk), – «Kисловодский армянский храм Сурб Вардан Мамиконян. История строительства»; *Г.А. Матвеев*, канд. ист. наук, профессор, независимый исследователь, – «Донские армяне в творческом наследии Мариэтты Шагинян»; *К.Л. Папаян*, аспирант Института истории международных отношений ЮФУ, – «Жизнь и деятельность Г.Х. Чалхушьяна: историографический обзор»; *А.В. Шадрин*, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ЮНЦ РАН, – «Антирелигиозные акции 1920–1930-х годов в отношении приходов Армянской Апостольской церкви в Донском регионе»; *В.И. Афанасенко*, старший научный сотрудник ЮНЦ РАН, – «Советские полководцы-армяне в сражениях на донской земле в годы Великой Отечественной вой-

ны 1941–1945 гг.»; *Б.С. Зулумян*, канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького (г. Москва), – «История создания сборника «Orientalia» Мариэтты Шагинян; *О.В. Пустовойт*, независимый исследователь (г. Ростов-на-Дону), – «Семья Гладченко – предприниматели из г. Нахичевани-на-Дону конца XIX – начала XX века»; *Н.А. Габриэлян*, преподаватель, заслуженный деятель культуры РФ (г. Москва), – «Авет Габриэлян: история семьи»; *Т.Т. Давыдова*, канд. ист. наук, доц. Горного университета (г. Санкт-Петербург), – «Сохранение религиозных ценностей Армянской общины на территории Дагестана (вторая половина XIX – начало XX в.)»; *С.С. Казаров*, д-р ист. наук, проф. ЮФУ, – «Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы как исторический источник по истории города».

На второй секции были заслушаны доклады *С.М. Степанянца*, д-ра ист. наук, проф. филиала МГУ в г. Ереване, – «Участие армян в Белом движении»; *В.И. Колесова*, независимого исследователя (г. Краснодар), – «Когда “чужие” были среди “своих”: армяне и греки в османской Анапе (последняя треть XVIII в. – 1828 г.)»; *С.Я. Сущего*, д-ра филос. наук, главного научного сотрудника ЮНЦ РАН, – «Ассимиляционные процессы в среде донских армян по данным социологических опросов (реалии начала XXI в.)»; *Л.В. Батиева*, канд. юр. наук, завлабораторией ЮНЦ РАН, – «Численность и этнический состав населения Нахичевани-на-Дону: перепись 1897 г. vs полицейского отчета»; *С.М. Саядова*, канд. ист. наук, руководителя Центра арменоведения ИСиР ЮФУ, – «Лазаревский институт Восточных языков и формирование армянской интеллигенции на Дону»; *А.С. Хатламаджияна*, краеведа, независимого исследователя, – «Предпринимательская деятельность в донских армянских селах (конец XVIII – нач. XX в.)»; *С.Н. Ктиторова*, канд. ист. наук, доцента Армавирского государственного педагогического университета, – «Поэзия Александра Борисовича Кусикова как источник по этнографии черкесских армян»; *С.А. Шпагина*, независимого исследователя (г. Ростов-на-Дону), – «Проблема переселения армян Крыма в современной украинской историографии»; *Р.Г. Тикиджьяна*, канд. ист. наук, доцента Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону), – «К вопросу о взаимодействии армянской и донской элиты ОВД накануне и в период революции и Гражданской войны»; *Л.А. Каранетяна*, д-ра ист. наук, профессора Краснодарского государственного университета культуры и искусства, – «К вопросу об общеармянской культурной идентичности в контексте деятельности политических партий на рубеже XIX – XX веков»; *И.Н. Назарьян*, стажера-исследователя ЮНЦ РАН, – «Культурно-образовательная деятельность армянской общины Ирана в период с XIX по XXI в.»; *С.С. Козлова*, старшего научного сотрудника Ростовского областного музея краеведения, – «Политика государственной и местной власти по отношению к Нахичевани-на-Дону. 1860–1917 гг.»; *С.К. Чорияна*, стажера-исследователя ЮНЦ РАН, аспиранта СКФУ, – «Эволюция нахичеванского учительства (начало XIX – начало XX в.)».

Доклады на секциях вызвали оживленные дискуссии и многочисленные вопросы. Все участники конференции получили сборник материалов, который был издан к её началу.

Гости единодушно высказали благодарность за высокий уровень организации конференции и надежду на дальнейшее сотрудничество.

Информация об авторе

С.С. Казаров – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

S.S. Kazarov - Doctor of Science (History), Professor of Department of Archeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-121-124

Ценные источники по социальной политике Советского государства
(Социальная политика Советского государства в 1920–1930-е гг. в решениях партийных органов Северной Осетии : сб. документов / сост. Л.Х. Батагова, Э.М. Рубаева. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2020. 125 с.)

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания, Россия, dzidzoevv@mail.ru

Для цитирования: Дзидзоев В. Д. Ценные источники по социальной политике Советского государства (Социальная политика Советского государства в 1920–1930-е гг. в решениях партийных органов Северной Осетии : сб. документов / сост. Л.Х. Батагова, Э.М. Рубаева. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2021) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 121–124.

BOOKS REVIEW

Original article

Valuable Sources on the Social Policy of the Soviet State
(The Social Policy of the Soviet State in the 1920-1930s in the Regulations of the Party Bodies of North Ossetia: Collection of Documents. Compiled by L.Kh. Batagova, E.M. Rubaeva. Vladikavkaz: SOGU Press; 2020. 125 p.)

Valery D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, dzidzoevv@mail.ru

For citation: Dzidzoev V. D. Valuable Sources on the Social Policy of the Soviet State (The Social Policy of the Soviet State in the 1920-1930s in the Regulations of the Party Bodies of North Ossetia: Collection of Documents. Compiled by L.Kh. Batagova, E.M. Rubaeva. Vladikavkaz: SOGU Press; 2021). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):121-124. (In Russ.).

Важнейшим критерием социальной направленности государства является проводимая им внутренняя политика. Стабильность общества могут обеспечить взвешенные продуманные действия всех органов власти, способствующие общественному развитию. В настоящее время возможности для глубокого анализа и объективных научных выводов на основе всестороннего и непредвзятого изучения социальной политики Советского государства существенно возросли. Это обусловлено значительным расширением круга исторических источников, многие из которых ранее были недоступны широкому кругу исследователей, так как находились под грифом «секретно».

В этой связи большой интерес представляет сборник документов, подготовленный к изданию кандидатами исторических наук, доцентами Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова Л.Х. Батаговой и Э.М. Рубаевой. Следует подчеркнуть, что реализация современной социальной политики невозможна без глубокого осмысления достижений и недостатков предшествующего социального опыта, без изучения содержания, форм, методов, конкретных механизмов выработки и реализации социальной политики Советского государства в целом и в частности Северной Осетии. В этом отношении публикация архивных материалов чрезвычайно актуальна и значима. Составители использовали сведения из фондов Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания – Центра историко-политической документации, требующей внимания со стороны научного сообщества.

Сборник также содержит и документы, извлеченные из фондов РГБУ «ГАНИ РСО-А» того же центра и публикуемые впервые, – это протоколы заседаний и решений Северо-Осетинского обкома ВКП(б), характеризующие социальную политику Советского государства в 20–30-е гг. XX в. Выбор авторами фондов данного архива не случаен, так как в условиях однопартийной советской политической системы решения КПСС определяли всю политику государства, в том числе и социальную. Они несут не только информацию, но и «дыхание времени». Сухие, конкретные, не всегда грамотно составленные документы дают нам возможность погрузиться в прошлое, почувствовать тогдашнюю атмосферу и по-иному посмотреть на, казалось бы, известные события, оценка которых сложилась под влиянием современных публикаций, не всегда правдоподобных, а иногда даже не выдерживающих серьезной научной критики.

В сборник включены постановления и резолюции бюро Северо-Осетинского обкома РКП(б), в дальнейшем ВКП(б), которые отражают два важнейших направления социальной политики Советского государства и соответственно сгруппированы в две главы. В первой представлены документы, посвященные охране труда и здоровья, улучшению материально-бытовых условий трудящихся; во второй – материалы, связанные с решением женского вопроса – изменением социального статуса женщины и ее роли в общественной жизни. Составители сборника ставили перед собой цель расширить рамки исследовательского поля и привлечь внимание к обозначенным аспектам социальной политики.

В этом плане особый интерес представляют публикации уникальных архивных материалов, в которых отражены условия жизни во всех ее аспектах. Многие из них до сих пор не вводились в научный оборот. Они несут на себе печать сложного и противоречивого времени, лишены конъюнктурной политической эмоции.

Необходимо обратить внимание и на то, что документы, вошедшие в сборник, освещают малоизученные аспекты социальной политики Советского государства, в том числе комплекс мероприятий по улучшению материально-бытовых условий жизни трудящихся и санаторно-курортного обслуживания (раздел первый). Материалы второго раздела посвящены решению женского вопроса, которые отражают остроту проблемы, обусловленную спецификой положения женщины в Северо-Кавказском регионе.

Архивные документы свидетельствуют, во-первых, о бесспорных достижениях и новациях в социальной политике Советского государства, а во-вторых, позволяют без прикрас увидеть реалии жизни и быта основной массы населения страны: бедность, нехватку продуктов питания, халатное, а порой и бездушное отношение к потребностям многих советских людей со стороны чиновников и партийных функционеров.

С первых лет советской власти одним из принципов социального строительства стало предоставление юридического и практического равноправия женщинам в политической, экономической и социальной жизни. Советская Россия была первой страной, в которой начала проводиться направленная социальная политика по обеспечению равного доступа к работе, образованию и другим социальным благам женщинам. И в этом плане даже идейные противники Советского государства вынуждены были признавать огромные успехи советских женщин во всех сферах социальной жизни. Нет необходимости говорить и приводить конкретные примеры, например, полета в космос Валентины Терешковой, выдающихся успехов наших женщин в науке, спорте, педагогике и т.д.

Не секрет и то, что работе по раскрепощению женщин и достижению их фактического равноправия в Советском государстве придавалось большое значение. В структуре партийных комитетов всех уровней были созданы женотделы, которые непосредственно занимались вопросами организации труда и быта женщин, вовлечения их в общественно-политическую жизнь. Документы, освещающие эти вопросы, представлены во второй главе сборника.

Работа с женщинами в республиках Северного Кавказа, в том числе Северной Осетии была особенно сложной в силу известных объективных обстоятельств, среди которых вековое господство патриархальных норм – адатов, которые не позволяли женщине выйти за рамки домашнего круга. Очень часто женщина полностью находилась во власти отца, брата или мужа. Обычной практикой были уплата и получение калыма, случаи похищения девушек. Женщины и девушки, осмелившиеся бросить вызов устоявшимся традициям, подвергались общественному осуждению, а то и насилию. Авторами-составителями представлены документы (протоколы) бюро Северо-Осетинского обкома партии, где неоднократно рассматривались вопросы, посвященные этой проблеме. Насильственное похищение девиц расценивалось как акт самой серьезной контрреволюции и подлежало уголовному наказанию, что иллюстрирует ряд документов. И важно было их прокомментировать, чего не было сделано. На наш взгляд, это существенный недостаток проделанной и востребованной работы.

Ряд уникальных архивных документов проливают свет на многие стороны современной жизни. В них четко выражается не просто гендерный аспект, а сложнейшие взаимоотношения между мужчиной и женщиной, которые в современных условиях не просто претерпели существенные изменения, но очень часто характеризуют кризисные и аморальные явления, ставшие, к большому сожалению, «нормой жизни». Разрушив экономическую и правовую зависимость женщин от мужчин (отцов, мужей), Советское государство поставило их в не менее жесткую зависимость от государственной власти.

Фактически власть мужчины-патриарха была заменена диктатом Советского государства, которое подвергало женщин наравне с мужчинами суровым испытаниям, начиная от тяжелой физической работы (женщины-трактористки и женщины-шоферы стали обычным явлением в 30-е – 50-е гг. XX в.) и заканчивая массовыми репрессиями, особенно в период Большого террора в СССР. Женщины подвергались репрессиям по малейшим подозрениям в связях с контрреволюцией, пособничестве членам троцкистско-зиновьевского блока, за сокрытие классово-чуждого происхождения и т.п. В случаях подобных обвинений в отношении мужчин, в лагеря отправлялись и их жены, страдали члены их семей, дети, о чем свидетельствуют документы этой эпохи, представленные составителями сборника.

И здесь напрашиваются существенные комментарии. Тем более что в Северной Осетии, как и во многих других республиках, краях и областях, сотни женщин пострадали в период Большого террора. Так, в Северной Осетии были репрессированы жены Асланбека Дзахоевича Агузарова (1889–1976), Муха Дзанкалицевича Албегова (1875–1944), Кудайната Бабпаевича Байцаева (1902–1986), классика осетинской советской литературы Тазе Урусбиевича Бесаева (1910–1981), Мухарбека Афакоевича Гергиева (1885–1937), Дудара Малиевича Дзидзоева (1915–1955), Соломона Давидовича Дзидзоева (1910–1937), Бориса Оразбиевича Дзотова (1886–1980), Хасана Дафаевича Икаева (1910–2001), Дзантемура Смалиевича Кодзасова (1890–1972), Николая Давидовича Койбаева (1907–1937), именем которого названа одна из улиц Владикавказа, Николая Дзахоевича Малиева (1899–1938) и др. Репрессированными оказались и другие женщины, среди которых можно было бы выделить З.К. Катаеву (1902–1980), З.М. Мисикову (1912–1984). Здесь авторам-составителям нужно было дать необходимые комментарии и разъяснения хотя бы по тем женщинам, о которых уже имеются опубликованные книги, брошюры и газетные статьи.

Архивные документы передают дух времени, пронизанный бескомпромиссной классовой борьбой с политическими оппонентами – мнимыми и реальными. «Дисциплинарное воздействие» государства, тотальный контроль охватывают почти все сферы человеческой жизни, поэтому социальная политика основывается на сочетании материальных и нематериальных мер поддержки различных социальных слоев населения и жестоких репрессий (вплоть до физического уничтожения) при выражении несогласия с существующим режимом, инакомыслия, по-

дозрениях в связях с контрреволюцией, троцкистско-зиновьевской оппозицией и т.п. Документы эпохи свидетельствуют, что социальная забота, распространяясь на большие группы населения, оказывалась государством не по факту гражданства, а по другим критериям, например, классовой принадлежности, политической благонадежности, членства в партии, профсоюзе и т.д.

Материалы, размещенные в сборнике, являются оригинальными и публикуются впервые, что является элементом новизны и обуславливает вполне определенный научно-исследовательский интерес. Публикация сборника документов имеет большое значение, поскольку способствует тому, чтобы научное сообщество активнее изучало обозначенные направления социальной политики в условиях конкретного региона. Кроме того, рецензируемый сборник, несомненно, поможет новому осмыслению деятельности властных структур региона. Опубликованные архивные документы заметно расширят возможности исследователей, так как предлагают вниманию ученых многие ранее засекреченные материалы. Это дает возможность всесторонней, объективной оценки социальной политики Советского государства со всеми ее плюсами и минусами, преодоления определенной односторонности в оценке достигнутых результатов в социальном развитии региона, имевшей место в прошлом.

В сборнике представлены материалы, которые наиболее полно отражают характерные черты, средства и методы социальной политики указанного периода. Все они снабжены заголовками и датированы, а также обозначены архивными ссылками с указанием фонда, описи и дела. Подавляющее большинство документов являются подлинниками, и лишь незначительная часть – заверенные копии. Авторы-составители сборника сохранили орфографию и стилистику документов в соответствии с требованиями к публикации исторических документов. В примечаниях к сборнику содержится список сокращений.

Стоит сказать об удачном отборе документов опытными составителями. Разнообразие документов показывает отношение партийных органов к социальным проблемам, а также дает представление о конкретных действиях властных органов Советского государства по решению общественно значимых вопросов.

Думается, что большая работа, проделанная составителями сборника, будет востребована как специалистами, так и всеми, кто интересуется историей социальной политики Советского государства в 1920–1930-е гг. Составители сборника ставили перед собой цель – расширить источниковую базу и привлечь внимание научного сообщества к заявленным аспектам социальной политики 1920–1930-х гг. С этой задачей они в целом успешно справились. Не лишним будет выразить надежду на то, что авторы-составители продолжат работу в этом нужном и востребованном направлении и подготовят сборник документов по последующим периодам социальной истории нашего государства. Данный сборник предназначен для широкого круга историков-исследователей и всех интересующихся отечественной историей.

Информация об авторе

В.Д. Дзидзоев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета.

Information about the author

V.D. Dzidzoev - Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2021-4-125-127

**Историк и писатель: исследование о Д.Н. Альшице
(Мининков Н.А. Даниил Натанович Альшиц: гражданин, историк,
писатель. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального
университета, 2020. 256 с.)**

Александр Борисович Изюмский

Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Ростов-на-Дону, Россия

Для цитирования: Изюмский А.Б. Историк и писатель: исследование о Д.Н. Альшице (Мининков Н.А. Даниил Натанович Альшиц: гражданин, историк, писатель. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 125–127.

Original article

**Historian and Writer: Research about D.N. Alshits
(Mininkov N.A. Daniil Natanovich Alshits: Citizen, Historian, Writer.
Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2020. 256 p.)**

Alexander B. Izyumsky

Rostov Institute of Advanced Training and Professional Retraining of Education Workers, Rostov-on-Don, Russia

For citation: Izyumsky A.B.. Historian and Writer: Research about D.N. Alshits (Mininkov N.A. Daniil Natanovich Alshits: Citizen, Historian, Writer. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2020). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2021;(4):125-127. (In Russ.).

Историография – не самая популярная в наше время историческая дисциплина, хотя невозможно отрицать ее важность. И можно только приветствовать то, что к ней обратился современный историк в монографии, посвященной известному советскому и российскому ученому Д.Н. Альшицу. Композиция исследования носит довольно традиционный характер. Н.А. Мининков начинает с изложения биографии своего героя, затем анализирует его исторические труды, далее характеризует литературные произведения Д.Н. Альшица и завершает работу общими выводами о личности человека, которого поставил в центр своей монографии.

Следует отметить, что биография Альшица и впрямь неординарна. Сын состоятельного петроградского адвоката, он рос в благополучной семье и вполне ортодоксально советским человеком. Правда, на рубеже 20–30-х гг. его отец был репрессирован по ложному обвинению во вредительстве и попал в ссылку, но вскоре сумел освободиться и даже устроиться на ответственной работе. На судьбе сына это первоначально не сказалось. Он закончил хорошую («образцовую») школу, посещал литературный кружок при Дворце культуры и, чувствуя серьезный интерес к исторической науке, поступил в 1937 г. на истфак Ленинградского университета. Практически сразу молодой студент показал, что этот выбор не являлся случайным. Уже на первом курсе он пишет работу, опубликованную в «Ученых записках ЛГУ», а на втором – готовит историко-популярную брошюру «Нашествие Батыя», несколько позже выпущенную Во-

ениздатом в серии «Библиотечка красноармейца». В приложении к монографии Н.А. Мининкова приводятся отзывы видных советских ученых (М.Д. Приселков, В.В. Мавродин, В.Г. Гейман), где отмечается, что в отличие от большинства студенческих работ сочинения Альшица носят не компилятивный, самостоятельный исследовательский характер. Популярными публикациями его деятельность не ограничилась. Проявив серьезный интерес к проблемам русского феодализма, Альшиц впоследствии подготовил ряд серьезных работ по Московскому государству эпохи Ивана IV.

Впрочем, это произошло позже. Вначале учебу прервала война, на которую Альшиц пошел добровольцем. «Война совсем не фейерверк, а просто трудная работа», как сказал погибший на фронте поэт. На этой работе Альшиц тоже не оплошал, о чем свидетельствуют его боевые награды. Только в 1945 г., демобилизовавшись, он сумел завершить образование и защитить диплом, а в 1947 г. – кандидатскую диссертацию. Несколько позже научная деятельность Альшица была прервана заключением в лагерь по знаменитой 58-й статье. Н.А. Мининков подробно описывает скитания молодого ученого по зонам ГУЛАГа, стараясь понять и показать читателю, как это могло отразиться на всем его жизненном пути. К сожалению, автор монографии использовал здесь только воспоминания самого историка, но в этом вина не его, а тех официальных структур, которые не позволили ему ознакомиться с давно закрытым следственным делом. Если потомкам репрессированных еще дают возможность получить подобные материалы (при условии документального подтверждения родства), то историки чаще всего получают отказ до истечения 75-летнего срока, а иногда и позже – обычно под предлогом охраны персональных данных (естественно, не осужденных, а следователей-фальсификаторов) или «тайны судопроизводства».

В своей монографии Н.А. Мининков уделяет внимание научным трудам Альшица (ставшего впоследствии доктором исторических наук), которые посвящены Лицевым летописным сводам, боярскому мятежу 1553 г., Разрядной книге московских государей, Избранной раде, опричнине, людям и нравам России эпохи первоначального накопления, а также «Слову о полку Игореве». При всей симпатии к своему герою он старается быть объективным, оценивая как сильные, так и слабые стороны этих работ и отмечая прежде всего то новое и оригинальное, что сумел внести ученый в историческую науку. Но еще больше места автор отводит его положению и роли в литературе. Следует отметить, что известные советские историки не так уж редко занимались литературой и даже состояли в Союзе писателей (Р.Г. Скрынников, А.Н. Сахаров, В.В. Каргалов, В.И. Буганов и др.). Но обычно членский билет СП они получали за историко-популяризаторские работы или хотя бы исторические повести, относящиеся к изучаемой ими эпохе.

В отличие от таких историков Альшиц не писал исторических повестей, но активно проявил себя практически во всех областях литературы — прозе, поэзии, драматургии, публицистике, литературной критике и литературоведении. Как писателя его, пожалуй, знали даже больше, чем историка. В своем исследовании Н.А. Мининков подробно анализирует именно литературное наследие Альшица. В двух объемных главах он разбирает его прозу и драматургию, своеобразие и особенности сатиры, характер военной прозы, уделяет внимание его выступлениям в качестве социального аналитика. Особое место в работе отводится воспоминаниям о тюрьме и лагере и тому, какую роль этот опыт сыграл в жизни писателя-историка. Н.А. Мининков приходит к выводу (думается, вполне обоснованному), что его герой принадлежал к так называемым шестидесятникам, творчество которых в разной степени отразило как сильные, так и слабые стороны советской интеллигенции эпохи 60-х гг. XX в.

Автор монографии обращается и к проблеме так называемой десятой главы «Евгения Онегина», якобы случайно обнаруженной Альшицем за десять дней до ареста в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, затем бесследно исчезнувшей и восстановленной по памяти «открывателем» спустя полгода после ареста. Здесь хотелось бы оговорить, что этот вопрос имеет более давнюю историю, чем указано в монографии. Впервые текст «десятой главы» был опубликован еще проф. И.В. Гуторовым в «Ученых записках Белорус. гос. ун-та» за 1956 г. Сразу же подлинность текста была отвергнута подавляющим большинством пушкинистов, в частности членкор. АН СССР Д.Д. Благой опубликовал по этому поводу статью «О казусах и ляпсусах» («Но-

вый мир», 1957, № 2). Впоследствии вопрос подлинности не раз обсуждался в литературоведении и практически всегда не в пользу Альшица. В конце концов Ю.М. Лотман и М.Ю. Лотман, используя метод структурного анализа, убедительно доказали, что текст «десятой главы» написан в конце 40-х или начале 50-х гг. XX столетия. Н.А. Мининков приводит мнение академика Н.Н. Покровского (и вроде присоединяется к нему), что Альшиц дописал и выдал за подлинную «десятую главу», «стремясь при Сталине выйти из заключения». Очень похоже на правду, но, чтобы окончательно это подтвердить, необходимо знакомство со следственным делом Альшица и его заявлениями, отправленными из лагеря, а ознакомиться с ними не позволяют «инстанции», ревниво охраняющие документы от внимания исследователя. Вывод Н.А. Минникова сформулирован следующим образом: «Речь об авторстве Альшица можно вести скорее всего только в одном смысле. Стихи незаконченной десятой главы он свел в одно целое и представил их в том виде, как они были опубликованы в 1983 г. Л.И. Тимофеевым и Вяч. Черкасским. Авторство же самих строк, которые были продиктованы Альшицем авторам статьи «Прометей» 1983 г. принадлежало А.С. Пушкину. Существование же рукописи, найденной будто бы в 1949 г. Альшицем, но затем пропавшей, доказать или опровергнуть уже невозможно» (с. 200–201). Думается, однако, что убедительные доказательства сочинения «десятой главы» не ранее середины XX в. вполне опровергают сам факт существования рукописи второй половины XIX в. Видимо, правильней было бы прямо назвать «десятую главу» литературной мистификацией Альшица наряду с такими произведениями, как «Записки Оммер де Гелль» П.А. Вяземского, «Дневник фрейлины Вырубовой» А.Н. Толстого и П.Е. Щеголева или «древностелюбивые проказы» К.С. Бадигина и Б.В. Шергина.

В целом же нельзя не признать монографию, посвященную Альшицу, нужным, полезным и во многом новаторским исследованием, которое является важным вкладом в современную российскую историографию.

Информация об авторе

А.Б. Изюмский – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных дисциплин.

Information about the author

A.B. Izyumsky - Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences.

Указатель материалов, опубликованных в журнале
«Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2021 г.

Index of Materials, published in the Journal
“Bulletin of Higher Educational Institutions.
North Caucasus Region. Social Science” in 2021

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Акаев В.Х., Исламова Л.М., Акаев А.В. Допустима ли совместимость религии и науки?	4
Акимов Р.А., Бабаева Дж.П. Гносеологическая дилемма эмпирического и рационалистического подходов в исследовании проблемы времени	3
Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Этнос и «этнические нации» в модернистских теориях нации: содержание и критика	2
Волохова Н.В., Гончарова Е.Н. Образ женщины в новозаветных апокрифических текстах	4
Зыкова Ю.А. Христианское сознание в философии французского неогегельянства	1
Ирицян Г.Э. Роль деятелей «консервативной революции» в деле обоснования нацизма	2
Локова М.Ю., Ханова М.Н., Захохова М.Р. Феномен одиночества в молодежной среде	1
Матецкая А.В. Интерпретации концепции постсекулярного общества в России	4
Мерзлякова И.Л., Кошман М.В., Каирова И.А. Исторические репрезентации как способ преодоления дискретности исторического сознания	4
Перекрестова А.В. О понятии «точка» как онтологической категории, фундирующей идею трансцендентности	1
Перекрестова А.В. Понятие <i>ничто</i> в онтологическом измерении культуры	4
Тебякина Е.Е. Виртуальность городской среды: игроизация и цифровизация городов	4
Ходикова Н.А. Проблема индукции в контексте антитезы «психологизм – антипсихологизм»	1
Хоконов М.А., Соблирова З.Х., Лисеев Р.П. К вопросу о междисциплинарном исследовании невербальной (кинестической) культуры черкесов	3
Чичина Е.А. У истоков философского факультета РГУ (ЮФУ): А.Н. Сеницкий	4
Шавардова Е.Ю., Ярмач О.В. Социальная специфика имиджа: формат методологии и аудирования Яницкий Л.С., Равочкин Н.Н. Роль архетипов, легенд и симулякров в формировании имиджа территорий: социально-философский анализ	4

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Агафонов А.И. Гербовые изображения на портретах войскового атамана Донского войска Д.Е. Ефремова и особенности формирования южнороссийского дворянства в XVIII веке	2
Агафонов А.И. Гербовые изображения на портретах войскового атамана Донского войска Д.Е. Ефремова и особенности формирования южнороссийского дворянства в XVIII веке. Часть 2	3
Айриян Р.С., Комарова А.А. Роль США в разрешении первого северокорейского ядерного кризиса	3
Апрыщенко В.Ю., Мухин М.А. Особенности управления Шотландией во второй половине XVIII века	1
Афаунова Д.Ф. Роль сословно-поземельных комиссий и комитетов в решении аграрного вопроса на Центральном Кавказе в 40–70-х годах XIX века	1
Баранова И.В. Благотворительность немцев в Санкт-Петербурге: вклад пастора А. Мазинга в создание и организацию деятельности «Евангелического дома трудолюбия»	1
Булатов Б.Б., Гусейнов М.Ш. Российские учёные и развитие производительных сил Дагестана со второй половины XIX века по 1930 год	3
Венков А.В. Генерал Греков 8-й	2
Джабаева Т.Ч. Недостатки административного управления царской администрации в Дербентской губернии по данным ревизии 1860 года	2
Егорова В.П. Борьба с инфекционными болезнями у народов Дагестана в XIX – начале XX века	3
Забелин А.В. Начало формирования сети железнодорожного сообщения на Северном Кавказе	1
Забелин А.В. Очерк развития ставропольского железнодорожного узла в середине XIX – начале XX века	4
Загазежева М.Х. Адыгско-российское историческое взаимодействие в отражении работ адыгских просветителей	1

Ивашенко А.С. Советско-китайские отношения в работах российских синологов	4
Казаров С.С. Леонов Иван Григорьевич – первый ректор Ростовского педагогического института ...	2
Кармов Р.К. Численность северокавказских абазин в середине XVIII века	2
Кислицын С.А. Арон Френкель. Судьба ростовского революционера: от революции и Гражданской войны на Дону до китайской революции и сталинского террора	3
Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Ф.Д. Крюков – педагог, общественный деятель, писатель. Эволюция политических взглядов	1
Лобова В.В. Университетская хроника (Варшавский императорский университет, 1915–1916 годы) по материалам газет	3
Максименко М.А. Подготовка закона о представительстве шотландского народа в 20–30-х годах XIX века и его влияние на формирование политических потребностей среднего класса	1
Малыхин К.Г., Щекатунов О.В. Большевицкая модернизация России 20–30-х годов XX века и ее военно-технологические, кадровые и политические последствия для борьбы с нацизмом в первые годы Второй мировой войны (по оценкам В.М. Чернова)	3
Масленникова В. А. «Край изгнания неприветный»: некоторые особенности содержания женщин в тюрьмах Таврической губернии середины XIX – начала XX века	4
Медведев М.В. Южный фронт в прорыве немецких рубежей на Миус-фронте в августе 1943 года ...	2
Минникова Л.В. Теория вотчинного государства в концепции А.Е. Преснякова	2
Моргунов К.Г. Работа органов земского самоуправления по развитию народного здравоохранения в Таврической губернии в первое десятилетие земской деятельности (1866–1875 гг.)	3
Нарежный А.И., Галуза Н.В. Культурно-просветительские проекты Владикавказской железной дороги в конце XIX – начале XX века	2
Папазян К.Л. Г.Х. Чалхушьян – организатор благотворительности в Нахичевани-на-Дону в конце XIX – начале XX века	2
Разиньков М.Е. Предприниматели Центрального Черноземья в 1917 – начале 1918 года	3
Ратушняк О. В., Ратушняк Т. В. Казаки в лагерях для перемещенных лиц	4
Сидорова Т.А. Женщины-историки в научной школе Ф.У. Мейтленда: Мэри Бейтсон	1
Чориян С.К. От церковно-приходской школы к высшему городскому училищу (училище святых Саака и Месропа в Нахичевани-на-Дону)	3
Шадрин А.В. Состояние духоворчества в Земле войска Донского в первой трети XIX века	4
Шереужев А.Ж. Особенности объединения Кабардинского и Балкарского исполкомов. Положение от 17 августа 1922 года	3
Эмирханов И. А. Государственная поддержка как один из элементов повседневной жизни семей фронтовиков в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Дагестанской АССР)	4
Ярмолич Ф.К. Популяризация книги и культуры чтения в советском городе в 1950–1960-е годы	2

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Адылгареев В.И. Проблемы формирования и распределения доходов населения в концепциях зарубежных научных школ	2
Бондаренко Г.А., Полякова И.А. Структурно-динамические изменения экономической и трудовой сфер г. Ростова-на-Дону: статистический анализ	2
Евченко Н.Н., Койка К.А. Региональные банки России в условиях консолидации банковского капитала: динамика и перспективы развития	3
Жаринов И. О. Смарт-контракты в управлении логистикой бизнес-систем Индустрии 4.0	4
Жаринов И.О. Экономическое управление высокотехнологичной компанией с использованием планирования и проектно-процессного подхода	3
Ниворожкина Л.И. Доходное неравенство и относительная бедность российских домохозяйств: есть ли связь с экономическим ростом?	3
Паршина А.А., Королев В.К. Формирование профессиональной культуры в вузовском обучении: опыт и проблемы	1
Узнародов Д.И. Социально-экономическое развитие Республики Крым в 2018–2020 годах	2
Узнародов И.М. Перспективы глобализации в XXI веке	3
Huang Zhidong. From Priority to Diversity: Prospect of Educational Cooperation for Chinese and Russian Regional Universities	1

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Кислицына И.Г. А.Г. Филонов и его книга «Очерки Дона»	2
Трусова Е.М. Фронтная закалка, стремление к знаниям и труд – залог жизненного успеха (к 100-летию со дня рождения Веры Сергеевны Панченко)	1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Денисов В.В., Осьмуха Е.А. Международная научно-практическая конференция «Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции» (г. Архангельск, 30–31 августа 2021 г.)	4
Драч Г.В., Тихонов А.В., Французов Р.И. Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Европейский способ мысли и русская философия: к 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 150-летию со дня рождения Н.О. Лосского» (г. Ростов-на-Дону, 13–14 ноября 2020 г.)	1
Казаров С. С. Международная научная конференция «Армяне Юга России: история, культура, общее будущее» (г. Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 г.)	4
Сухов Р.И. Итоги проведения IV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса. Государственное и муниципальное управление туристско-рекреационным комплексом: российский и зарубежный опыт» (г. Ростов-на-Дону, 22–23 апреля 2021 г.)	3

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Анчабадзе Ю.Д. – Армяне Причерноморья : энциклопедия / науч. ред. и сост. И.В. Кузнецов, рук. проекта, ред. Х.В. Мхитарян. М. : УП Принт, 2020. Т. 1. 492 с.	2
Дзидзов В.Д. О трагедии осетин 1920 года (Пухаев К.П. История геноцида осетин в 1920 г. Цхинвал, 2020)	3
Дзидзов В. Д. Ценные источники по социальной политике Советского государства (Социальная политика Советского государства в 1920–1930-е гг. в решениях партийных органов Северной Осетии : сб. документов / сост. Л.Х. Батагова, Э.М. Рубаева. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2020. 125 с.) ...	4
Изюмский А.Б. Историк и писатель: исследование о Д.Н. Альшице (Мининков Н.А. Даниил Натанович Альшиц: гражданин, историк, писатель. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 256 с.)	4
Матвеева А.М. – <i>Рябцев В.Н.</i> Из истории геополитической мысли в годы Гражданской войны на Юге России. 1918–1920 гг. (очерки). Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2020. 624 с.	2
Мининков Н.А. – <i>Сень Д.В.</i> Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.) : избранные труды / отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов н/Д. : Альтаир, 2020. 420 с.	1
Пуховская Н.Е. – <i>Болдырев Р.Ю., Болдырева С.Ю.</i> История Германии : в 2 ч. : учеб. пособие. Архангельск: Северный (Арктический) фед. ун-т, 2021. Ч. 1 : 1493–1815. 101 с.; Ч. 2 : 1815–1914. 128 с.	2

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office Word 2000, 2003, 2007, 2010, 2016 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman, размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2021-4.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2021. № 4